

ISSN 0205-9592

Том 44, Номер 4

Июль – Август 2023

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

<https://ras.jes.su/psy>

СОДЕРЖАНИЕ

Том 44, № 4, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

- Проблемы исследований способностей в новейшей российской психологии: в поисках новой теории
В. А. Мазилов, Ю. Н. Слепко, Д. В. Ушаков, В. Д. Шадриков 5
-

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Намерения и ожидания мужчин и женщин, партнеров в парах с разным статусом близких отношений
С. Е. Поддубный, В. П. Позняков 15
-

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Взаимодействия “человек—лошадь” в ипповенции: экопсихологический подход к развитию психики
О. Г. Лопухова, В. И. Панов 27
-

КРОССКУЛЬТУРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран.
Часть II. Мультигрупповой анализ
Н. В. Муращенкова, В. В. Гриценко, М. Н. Ефременкова 38
-

МЕТОДЫ И МЕТОДИКИ

- Диагностика жизненных целей: краткая версия опросника “Индекс стремлений”
Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, В. А. Егоров 49
- Апробация модифицированной шкалы враждебности на российской выборке
Г. Д. Емелин, С. Н. Ениколопов 63
- Черты эмоционального интеллекта (по TEIQue) как предикторы стилевой регуляции принятия решений
Т. В. Корнилова 72
- Апробация русскоязычной версии шкалы нарративной транспортиации (Transportation Scale, TS)
Т. А. Кубрак, А. А. Старостина 83
-

НАУКОМЕТРИЯ В ПСИХОЛОГИИ

- Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть II. Наукометрический анализ
А. Л. Журавлев, А. А. Костригин 94
-

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Идеология как предмет исследования в творчестве Александра Богданова (к 150-летию со дня рождения)
О. Г. Носкова 104
- Прошлое и настоящее творческих достижений В.Н. Мясичева (к 130-летию со дня рождения)
Э. Б. Карпова, Г. Л. Исурина, А. Л. Журавлев 113

ДИСКУССИЯ

О разработке понятий в современной российской психологии

М. С. Гусельцева

124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Итоги XII Всероссийской научно-практической конференции “Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы”, посвящённой 130-летию со дня рождения В.Н. Мясищева (11–13 июля 2023 г.)

А. В. Зобков

133

CONTENTS

Vol. 44, No. 4, 2023

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PSYCHOLOGY

- Problems of Research of Abilities in Modern Russian Psychology: In Search of a New Theory
V. A. Mazilov, Yu. N. Slepko, D. V. Ushakov, V. D. Shadrikov 5
-

SOCIAL PSYCHOLOGY

- Intentions and Expectations of Men and Women, Partners in Couples with Different Status of Close Relationships
S. E. Poddubny, V. P. Poznyakov 15
-

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

- Human-Horse Interactions in Hippovention: Ecopsychological Approach to Psyche Development
O. G. Lopukhova, V. I. Panov 27
-

CROSS-CULTURAL PSYCHOLOGY

- Relationship of Values and Planned Emigration Behavior Among Students from Three Countries.
Part II. Multigroup Analysis
N. V. Murashchenkova, V. V. Gritsenko, M. N. Efremenkova 38
-

METHODS AND PROCEDURES

- Life Goals Diagnostics: Short Version of "Aspirations Index" Questionnaire
T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, V. A. Egorov 49
- Approbation of Modified Hostility Scale in Russian-Speaking Sample
G. D. Emelin, S. N. Enikolopov 63
- Features of Emotional Intelligence (by TEIQue) as Predictors of Style Regulation of Decision Making
T. V. Kornilova 72
- Approbation of the Russian Version of Transportation Scale (TS)
T. A. Kubrak, A. A. Starostina 83
-

SCIENTOMETRIC IN PSYCHOLOGY

- Quantitative Analysis of the Publications of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
on the Scientific Direction of Psychology of Morality in 2002–2021. Part II. Scientometric Analysis
A. L. Zhuravlev, A. A. Kostrigin 94
-

MEMORABLE DATES

- Ideology as a Subject of Research in the Works of Alexander Bogdanov (to the 150th Anniversary of His Birth)
O. G. Noskova 104
- Past and Present of V.N. Myasishchev's Creative Achievements (for the 130th Anniversary of His Birth)
E. B. Karpova, G. L. Isurina, A. L. Zhuravlev 113

DISCUSSION

On the Development of Concepts in Modern Russian Psychology

M. S. Guseltseva

124

SCIENTIFIC LIFE

Results of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference “Psychology of Human Attitude to Life: Problems and Prospects”, Dedicated to the 130th Anniversary of the Birth of V.N. Myasishchev (July 11–13, 2023)

A. V. Zobkov

133

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159.9

**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СПОСОБНОСТЕЙ В НОВЕЙШЕЙ
РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ: В ПОИСКАХ НОВОЙ ТЕОРИИ¹**

© 2023 г. В. А. Мазиллов^{1,*}, Ю. Н. Слепко^{1,**}, Д. В. Ушаков^{2,***}, В. Д. Шадриков^{3,****}

¹ФГБОУ ВО Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского;
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

³ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”»;
101000, г. Москва, Армянский пер., д. 4/2, Россия.

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии.
E-mail: v.mazilov@yspu.org

**Доктор психологических наук, доцент, декан педагогического факультета.
E-mail: slepko@inbox.ru

***Академик РАН, доктор психологических наук, профессор, директор.
E-mail: dv.usakov@gmail.com

****Академик РАО, доктор психологических наук, профессор-исследователь
Департамента психологии факультета социальных наук.
E-mail: shadrikov@hse.ru

Поступила 23.10.2022

Аннотация. Обсуждается состояние проблемы способностей в новейшей истории отечественной психологической науки. Утверждается, что, несмотря на декларируемое психологическим сообществом признание высокой функциональной значимости способностей как фактора достижений в разных видах деятельности, как фактора развития человека, реальная продуктивность исследований в области психологии способностей остается достаточно низкой. Показано, что в новейшей истории российской психологии происходит спад заинтересованности научного сообщества в разработке данной проблематики. Это является следствием более длительного процесса низкой интенсивности исследований способностей в советской психологии. На основе анализа публикаций в ведущих психологических журналах за период 1991–2022 гг. предпринята попытка систематизации исследований в области психологии способностей. Были использованы два подхода к анализу исследований: методологический анализ (характеристика исследований по типу, предмету, методу, объекту), функциональный анализ (характеристика по основанию использования способностей как объекта исследования и как объекта формирования). Обосновывается утверждение о том, что снижение интенсивности исследований в области психологии способностей является следствием отсутствия в психологической науке “работающей” теории способностей, позволяющей решать задачи определения структуры способностей и их взаимодействия, их развития, функционирования и формирования.

Ключевые слова: способности, психология, теория способностей, методология, объяснение, интеграция.

DOI: 10.31857/S020595920027081-5

Обращаясь к обсуждению проблемы способностей в современной отечественной психологии, вряд ли оригинальной прозвучит идея о высокой степени их функциональной значимости при решении многочисленных психологических, социаль-

ных, экономических и других вопросов и проблем. В психологическом сообществе давно утвердилась идея о том, что способности являются важнейшим фактором достижений в учебной, профессиональной, социальной, политической, экономической и многих других видах деятельности человека. Способности рассматриваются как важнейшее условие психического развития человека, как фактор, опо-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научно-го фонда № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

средующий функционирование других психических явлений и процессов. Категория способностей имеет важное методологическое значение в планировании и организации эмпирических и экспериментальных исследований. Способности используются как методологическое средство дифференциации возрастных, социальных, учебных, профессиональных групп и последующего анализа их психологических особенностей; способности дифференцируют группы людей с разными показателями академической и профессиональной успешности, выступая средством объяснения устанавливаемых различий. Можно было бы продолжить перечисление методологических, теоретических, прикладных достоинств использования категории способностей, однако и сказанного достаточно, чтобы еще раз обратить внимание на ее особый статус в структуре психологического знания.

Тем не менее в современной отечественной психологии сложилась весьма противоречивая ситуация. Признание особой роли способностей в объяснении психической реальности весьма специфическим образом сочетается с явно низкой и продолжающейся снижаться заинтересованностью психологов в разработке самой проблемы способностей. Так, в последние годы отчетливо проявляется тенденция снижения количества исследований, посвященных проблеме способностей, представленных в ведущих психологических изданиях; снижается число психологических журналов, публикующих результаты исследований проблемы способностей (подробнее см. [5]).

Описанная ситуация характерна не только для исследований последних лет. Весь период новейшей истории отечественной психологии (1990–2000-е годы) сопровождается постепенным снижением интереса психологов к разработке проблемы способностей и публикации соответствующих исследований².

Однако и здесь нельзя говорить, что в новейшей истории произошел какой-то специфически качественный спад заинтересованности психологического сообщества в разработке проблемы способностей. Конечно, хорошо известны исследования способностей и одаренности Б.М. Теплова (1961), дискуссия по проблеме способностей 60-х годов прошлого века (А.Н. Леонтьев, 1960; С.Л. Рубинштейн, 1960), исследования проблем способностей К.К. Платонова (1972), результаты работы лаборатории психологии способностей школьников

НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (В.А. Крутецкий, 1973), результаты работы лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В.Н. Дружинина ИП РАН (В.Н. Дружинин, 2007; М.А. Холодная, 2019) и др. При всем этом нельзя утверждать, что на уровне методологической и теоретической концептуализации в советской психологии были получены результаты, позволившие создать общую теорию способностей. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что начиная с 1935 г. проблематика способностей не была в числе первых 10 наиболее часто разрабатываемых в докторских диссертациях проблем; способности не входили в число первых 20 наиболее часто используемых понятий в докторских диссертациях [1]. Таким образом, можно констатировать, что снижение заинтересованности в разработке проблемы способностей в новейшей истории российской психологии является следствием отсутствия концептуальных решений проблемы на ранних этапах развития отечественной психологии.

Ввиду сказанного в настоящей статье предпринята попытка систематизации исследований проблемы способностей в российской психологической науке в новейший период истории ее развития (1991–2022).

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В основе проведенного исследования лежит наукометрический подход, приобретающий в последнее время популярность в отечественной психологии [4]. Объектом исследования стали публикации в 15 ведущих отечественных журналах, индексируемых в базах цитирования Web of Science и Scopus (Вопросы психологии; Интеграция образования; Клиническая и специальная психология; Консультативная психология и психотерапия; Культурно-историческая психология; Организационная психология; Психологическая наука и образование; Психологический журнал; Психология. Журнал Высшей школы экономики; Психология и право; Российский психологический журнал; Сибирский психологический журнал; Социальная психология и общество; Экспериментальная психология; Science for Education Today).

Рассматривались публикации, посвященные исследованию различных аспектов проблемы способностей, вышедшие в свет в период 1991–2022 гг. Методика поиска состояла в создании на сайте www.elibrary.ru поискового запроса по ключевому слову “способности”. Поиск соответствующих

² По данным частотного словаря журнала “Вопросы психологии”. URL: <http://www.voppsy.ru/chast.htm>

публикаций осуществлялся в названиях публикаций, в аннотациях и ключевых словах. Всего в заданный период времени было обнаружено 174 научные публикации.

С целью дать развернутую характеристику проводимых в рассматриваемый период исследований в работе были использованы два подхода к их анализу.

Методологический подход — анализ работ по типу исследования (теоретическое, эмпирическое, комплексное), предмету (вид и тип изучаемых способностей), методу (качественный, количественный, комплексный анализ) и объекту (использование возрастного, социального, профессионального и других принципов изучения). Количественные показатели распределения соответствующих группам публикаций представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение исследований проблемы способностей по методологическим основаниям, %

<i>Тип исследования</i>	
Теоретическое	32*
Эмпирическое	46
Комплексное	22
<i>Предмет исследования</i>	
Общие способности	75
Специальные способности	25
<i>Метод исследования</i>	
Качественный анализ	4
Количественный анализ	54
Комплексный анализ	43
<i>Эмпирический объект исследования</i>	
Возрастные группы	30
Учебные и профессиональные группы	22
Испытуемые с особенностями развития	33
Способности одаренных испытуемых	15

* Здесь и далее процентное отношение дано к сумме публикаций в каждой категории анализа, а не к общему числу проанализированных публикаций.

Функциональный подход — рассмотрение способностей как объекта формирования (описание методики, технологии, методов, формирующего эксперимента — обнаружено 15% публикаций) или как объекта диагностического исследования (измерение уровня развития, сравнительный анализ и т.п. — обнаружено 85% публикаций).

Предложенные подходы не закрывают все пространство исследований способностей в психологии. Однако полученные результаты дополняют имеющиеся наукометрические данные об изучении проблемы способностей в современной психологии [5].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ СПОСОБНОСТЕЙ

Обобщенный срез, получаемый в ходе методологического анализа, позволяет оценить возможности психологического сообщества по теоретической концептуализации проблемы. Вместе с тем результаты анализа могут свидетельствовать о степени разработанности проблемы способностей, широте использования категории способностей для решения прикладных, методических и других задач.

Тип исследования. Обращаясь к характеристике типа исследований, отметим, что расширение хронологических рамок анализа до периода 1991—2022 гг. не привело к существенному изменению соотношения числа теоретических и эмпирических исследований проблемы способностей. По-прежнему наблюдается преобладание второго типа исследований, в которых либо устанавливается связь между уровнем развития способностей и успешностью деятельности (С.И. Симоненко, 2012), либо дается характеристика способностей на разных уровнях образования (В.П. Андронов, М.С. Ионова, 2015; Н.С. Гращенкова, М.М. Либлинг, 2021; Л.В. Черемошкина, С.А. Дюпина, 2022), либо изучаются способности испытуемых с различными нарушениями развития (В.В. Горинов, Д.Н. Корзун, Е.С. Шеховцова, 2019; Ю.О. Переправина, 2021) и др. Более подробно второй тип исследований мы опишем ниже, уделив здесь внимание исследованиям теоретического плана.

В рассматриваемый период было опубликовано 34 теоретические работы, которые можно разделить на исследования обзорно-аналитического характера (10), исследования, в которых дается описание авторской теории способностей или отдельных теоретических аспектов проблемы способностей (20), исследования, в которых описывается вклад отдельного ученого в разработку теории способностей (4). Обзорно-аналитические работы посвящены сравнительному анализу исследований способностей в отечественной и зарубежной психологии (И.Л. Аристова и др., 2018; Л.Н. Духанина, 2009; В.А. Мазилев, Ю.Н. Слепко, 2021; З.Р. Тахирова и др., 2021), категориальному анализу профессиональных (В.А. Толочек, 2020), социальных (А.А. Панкратова, 2019), когнитивных (А.М. Двойнин, Е.С. Троцкая, 2022; Е.Ю. Осаволук, С.С. Кургинян, 2018) способностей. Описание истории и вклада отдельных ученых в разработку проблемы способностей связано с именами В.Н. Дружинина (М.А. Холодная, 2015), А.Н. Колмогорова (В.С. Юркевич, 2001), Б.М. Теплова (Э.А. Голубева, 2007; В.Э. Чудновский, 2006).

Теоретические исследования, в которых решаются задачи описания теории и методологии проблемы способностей, также могут быть дифференцированы на подгруппы. Отдельную группу составляют работы, в которых представлены результаты теоретического анализа тех или иных типов способностей, — социальных (И.Н. Андреева, 2020), дискурсивных (А.Н. Воронин, 2018), эмпатических (Т.Д. Карягина, 2015), духовных (Г.В. Ожиганова, 2010), рефлексивных и коммуникативных (В.В. Рубцов и др., 2022), метакогнитивных (М.А. Холодная, 2022 [16]), способностей к саморегуляции (О.А. Конопкин, 2004) и опосредованию в познавательной деятельности (А.Н. Веракса, 2006), жизнеспособности (А.В. Махнач, 2012). Здесь же выделяются исследования, в которых предметом анализа являются методы, модели, технологии развития способностей (Э.С. Берберян, 2016; О.И. Глазунова, 2006; В.А. Лабунская, 2008 и др.). Работ, в которых предпринимается попытка целостного описания теории и методологии изучения способностей, в рассматриваемый период обнаружено минимальное число (В.Д. Шадриков, 2019 и др.).

Обобщая, отметим, что большинство рассмотренных теоретических исследований, обладая безусловной значимостью для решения разных проблем теории способностей, тем не менее характеризуются аналитичностью и преимущественной направленностью на теоретическое решение прикладных задач.

Предмет исследования. Анализ предмета исследований позволяет оценить вариативность исследовательских задач, решаемых отечественными психологами при обращении к проблематике способностей. В ходе анализа было установлено шестикратное преобладание исследований общих способностей над специальными. Предметом исследований последних являются лингвистические способности изучающих иностранные языки (Е.В. Гаврилова, 2022; Е.А. Пестова, 2011), педагогические способности учителя (Б.А. Вяткин, Т.М. Хрусталева, 1994), эмпатические способности будущих врачей (М.В. Ветлужская и др., 2019), профессиональные способности психолога (Т.Д. Карягина, 2015; Е.А. Сукнева и др., 2021), машиниста электротранспорта (Т.Н. Соболева, 2021) и др.

Преобладание исследований общих способностей над специальными позволяет говорить о том, что категория способностей имеет значительные объяснительные возможности при решении широкого спектра общепсихологических задач. Это проявляется прежде всего в объяснении множества традиционно выделяемых сфер психической

жизни средствами обращения к изучению развития способностей, их взаимосвязи, влияния на успешность разных видов и типов деятельности и др. Эти и другие задачи решаются в ходе исследования *интеллектуальной* (Н.Б. Горюнова, В.Н. Дружинин, 2000; Н.С. Денисенкова, В.В. Федоров, 2021; В.Н. Дружинин, 1998; В.Н. Дружинин, 1993; Ю.В. Ковас и др., 2011; Т.Н. Тихомирова и др., 2020; М.А. Холодная, 2019 [15]; Е.И. Щепланова, 2017), *познавательной* (Э.С. Аكوпова и др., 2020; А.Н. Воронин, 2014; А.Д. Наследов и др., 2018), *социальной* (Я.К. Смирнова и др., 2019), *личностной* (М.В. Алфимова и др., 2018; А.Ю. Климочкина, 2021; М.А. Москачева и др., 2014; С.К. Нартова-Бочавер, В.В. Пак, 2022; Е.А. Рыльская, 2011), *эмоциональной* (А.В. Сериков, 2017), *творческой* (Д.Б. Богоявленская, А.Н. Низовцова, 2017; И.А. Кибальченко и др., 2017) и *профессиональной* (Э.А. Голубева, 2018) сфер, сферы *саморегуляции* (О.А. Конопкин, 2004) и др.

Итак, мы видим, что в современных исследованиях способностей изучается широкий спектр сфер психической жизни, средством объяснения особенностей которых является категория способностей. Однако нельзя говорить о том, что многочисленные упомянутые исследования объединены сколь-нибудь общим пониманием способностей. В одном случае способности изучаются в рамках психометрического подхода, в другом — культурно-исторической теории, в третьем — диспозиционных теорий личности и т.д. Это является, на наш взгляд, хорошей иллюстрацией теоретического и методологического состояния проблемы в отечественной психологической науке.

Метод исследования. Разнообразие исследований, в которых используется категория способностей, приводит к применению в них столь же многообразного спектра диагностического инструментария. Последний может быть систематизирован по основанию типа данных, свидетельствующих о том или ином уровне развития способностей. Безусловный приоритет в исследованиях способностей отдается методам, дающим количественную оценку уровня развития способностей, — тестам (измерение интеллектуальных и познавательных способностей), опросникам (используются при изучении социальных, духовных, коммуникативных и других способностей), шкалированию, а также сочетанию вышеупомянутых методов.

Столь же многообразны исследования, в которых реализуется комплексный план изучения способностей. Наиболее популярными являются модели сочетания разных методов оценки способностей: первая — сочетание тестов способностей,

опросников, экспертной оценки и других методов; вторая — тесты и опросники; третья — тесты способностей и анализ продуктов деятельности.

Как можно видеть, способности — это такая психологическая категория, изучение которой обязательно предполагает получение количественной меры их выраженности. Заметим, что, несмотря на преобладание аналитического характера эмпирических исследований способностей, в таком их понимании хорошо отражаются современные идеи о потенциале способностей, месте индивидуальности в их понимании [13; 22]. При этом характерным является минимальная представленность работ, в которых реализуется качественный анализ способностей (Д.Б. Богоявленская, А.Н. Низовцова, 2017; О.И. Glazunova, 2021 [24]), обсуждаются подходы к их психологической диагностике [3].

Объект исследования. Обращение к анализу объекта исследования, на материале которого изучаются способности, позволяет подтвердить выдвинутую выше идею о широких объяснительных возможностях категории способностей в психологии. Могут быть выделены три наиболее часто используемых принципа выбора объекта исследования — психологический (анализ способностей испытуемых с теми или иными психологическими особенностями), возрастной (анализ способностей в разных возрастных группах) и учебно-профессиональный (анализ способностей в условиях учебной и трудовой деятельности).

Наиболее часто выбор психологического принципа изучения способностей связан с их оценкой у испытуемых с различными нарушениями психического развития — с расстройствами личности (В.В. Горинов, Д.Н. Корзун, Е.С. Шеховцова, 2019; Ю.О. Переправина, 2021), эмоциональной сферы (М.А. Москачева и др., 2014), психосоматическими и физиологическими расстройствами (А.В. Сериков, 2017), другими нарушениями развития (А.Д. Наследов и др., 2018; Я.К. Смирнова и др., 2019; О.Д. Тучина и др., 2019) [12]. Помимо этого, реализуются исследования способностей одаренных детей [23], испытуемых с разным владением иностранным языком [2], с разным уровнем переживания стресса (С.К. Нартова-Бочавер, В.В. Пак, 2022) и др.

Не менее многочисленны исследования, в которых изучение способностей связано с анализом их развития у разных групп обучающихся и разных профессиональных групп. В первом случае, например, предметом исследований становятся лингвистические способности обучающихся (Е.А. Пестова, 2011), роль дополнительных форм образования в развитии интеллектуальных и творческих способностей [10];

во втором — интеллектуальные способности менеджеров (С.И. Симоненко, 2012), лингвистические способности специалистов по иностранному языку (Е.В. Гаврилова, 2022), лидерские и эмпатические способности будущих психологов (Т.Д. Карягина, 2015; Е.А. Сукнева и др., 2021) и др.

Использование возрастного принципа предполагает в первую очередь реализацию сравнительно-психологических исследований способностей в разных возрастных группах — духовных способностей в ранней и средней зрелости (Г.В. Ожиганова, 2010), когнитивных способностей в дошкольном и младшем школьном [8], подростковом и юношеском [14; 18; 19] возрастах. Вместе с тем реализуются исследования отдельных типов способностей в разных возрастных группах — когнитивных способностей дошкольников [11], рефлексивных и коммуникативных способностей младших школьников (В.В. Рубцов и др., 2022), метакогнитивных способностей пожилых людей [7] и др.

Обобщая, еще раз отметим, что разнообразие типов способностей и изучаемых групп испытуемых подтверждает высказанную идею о широких объяснительных возможностях категории способностей в конструировании современных эмпирических и экспериментальных исследований.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ СПОСОБНОСТЕЙ

Проведенный выше анализ показал, что, несмотря на снижение числа публикаций, посвященных способностям, в новейшей истории российской психологии, вариативность рассматриваемых в них проблем достаточно высокая. Это позволяет предположить, что в содержании проводимых исследований тем не менее будут представлены не только результаты изучения способностей испытуемых с разными психологическими особенностями, разных возрастов, учебных и профессиональных групп, но и работы по формированию способностей на основе определенных теоретических подходов.

Использование функционального подхода к анализу публикаций как раз и позволяет оценить степень соотношения исследований, в которых способности являются либо предметом измерения и оценки, либо предметом формирования средствами тех или иных методик, технологий, экспериментальных процедур и т.п. Конечно, использованный в нашем исследовании подход не позволяет оценить имплицитные представления авторов

публикаций о способах и средствах формирования способностей, но дает возможность представить общую картину.

В ходе анализа было установлено шестикратное преобладание числа исследований, в которых представлены результаты изучения способностей как объекта диагностического измерения. В предыдущем разделе мы подробнее рассматривали задачи, решаемые психологами в процессе таких исследований.

Анализ способностей как объекта формирования предполагает наиболее частое использование трех методов их направленного развития — психологического консультирования (Т.Д. Карягина, 2015; Е.А. Сукнева и др., 2021), психологического тренинга [6; 9] и экспериментального обучения [19; 24]. При этом методы консультирования и тренинга направлены на формирование способностей, входящих в личностную сферу, методы экспериментального обучения — в сферу познавательных процессов.

Обобщая, отметим, что преобладание исследований уровня развития способностей свидетельствует о том, что они рассматриваются как удобный психологический конструкт для решения исследовательских задач, для объяснения многочисленных психологических феноменов. Однако при этом сами способности крайне редко рассматриваются как предмет теоретического, методологического исследования, экспериментального развития и формирования.

Выше мы уже неоднократно обращали внимание на тот факт, что обращение к проблематике способностей объясняется признанием психологическим сообществом их особой роли в обеспечении успешности разных видов, типов деятельности человека. Именно это и является, на наш взгляд, ведущей причиной преобладания исследований “измерительного” типа, устанавливающих связь между определенным уровнем развития способностей и успешностью той или иной деятельности. При этом результативный подход к определению и пониманию способностей характеризует не только отечественную, но и зарубежную психологическую науку (подробнее см. [21, с. 137–142]). Возвращаясь к результатам анализа типа исследований способностей, дополним сделанные ранее выводы следующим образом: «Во-первых, следует отметить, что способности определяются как то, что обеспечивает успех в деятельности, но не говорится о том, что есть это “то”. Во-вторых, результаты деятельности определяются по-разному, начиная от отношения к нормативному результату, далее к высокому результату и возможным изменениям

в деятельности при одаренности и, наконец, к новым и уникальным результатам и новым способам деятельности в случаях таланта и гения... Основные когнитивные понятия — “способности”, “одаренность”, “талант”, “гениальность”, “интеллект” — в основном базируются на способностях, которые теоретически не определяются: их либо сводят к умению пользоваться навыками, или отсылают к успешности деятельности... Определение способностей через успех в деятельности является теоретически бесперспективным» [21, с. 138–139].

Конечно, обсуждение теоретических и методологических следствий оценки современного состояния теории способностей является предметом отдельного и более подробного обсуждения. Однако и сейчас можно с уверенностью утверждать, что перспектива решения проблемы способностей лежит прежде всего в плоскости развития теории и методологии ее изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье была предпринята попытка оценки состояния степени разработанности проблемы способностей в современной отечественной психологии. Необходимость решения столь обобщенной задачи обосновывается явно выраженным противоречием, с одной стороны, между признанием научным сообществом особой роли способностей в обеспечении успешности многих видов деятельности человека, с другой — в снижающемся интересе психологов к разработке проблемы. Ранее было установлено, что подобное противоречие носит выраженный исторический характер: в советской психологии наблюдался не только низкий интерес к разработке проблемы способностей (в сравнении с другими проблемами), но и не было создано общей теории способностей. Ввиду сказанного снижение интереса психологического сообщества к разработке проблемы способностей в современной психологии является следствием развития теории и методологии психологии на предыдущих этапах ее развития.

Между тем проведенные в 1991–2022 гг. исследования проблемы способностей позволили реализовать методологический и функциональный планы анализа, дифференцирующие их по типу, предмету, методу, объекту, направленности на измерительную или формирующую модель исследования. Необходимость такого анализа объясняется не только потребностью в констатации состояния проблемы, но и возможностью поиска путей решения проблемы способностей.

Методологический анализ позволил установить низкую интенсивность теоретических исследований проблемы способностей, ограничивающихся преимущественно обзорно-аналитическими работами, изучением истории и отдельных аспектов теории способностей. По сути, в отечественной психологической науке так и не было создано общей теории способностей, позволяющей дать ответы на вопросы о структуре способностей, психологических закономерностях их взаимосвязи, развития и формирования. На наш взгляд, это и является одной из ведущих причин фактического отсутствия позитивных примеров формирования способностей и подтверждения используемых теоретических представлений о них. Тем не менее предпринимаемые сегодня попытки разработки новой психологической теории способностей [20; 22] не могут не вселять надежду на позитивное решение не только теоретических и методологических проблем психологии, но и проблем формирования способностей в разных видах и типах деятельности, в разные возрастные периоды и пр. В упомянутых и ряде других работ В.Д. Шадрикова были реализованы структурный, генетический, функциональный планы анализа феномена способностей, результатом чего стало описание психологической структуры способностей, их типологии, психологических механизмов развития и формирования способностей и пр.

С сожалением приходится констатировать, что, несмотря на признание значимости феномена способностей в решении множества проблем психологической науки, научные дискуссии по проблемам теории, методологии, истории и развития психологии способностей практически не ведутся. В немногочисленных организуемых психологическим сообществом конференциях по проблемам способностей преобладают обсуждения аналитического и узкоприкладного характера (Москва, 2015, 2019, 2021; Ярославль, 2019); не рассматриваются причины современного состояния проблемы, имеющей выраженный исторический и методологический характер.

Результаты анализа имеющихся в новейшей истории российской психологии работ показали не только разнообразие сфер психической жизни, для объяснения которых используется понятийное пространство способностей, но и острую потребность в интеграции этих исследований, их сопоставлении и сравнительном изучении. Интегративной площадкой для решения этой задачи могут стать теоретические и методологические исследования проблемы способностей, представленные

в работах Д.В. Ушакова [13], В.Д. Шадрикова [20–22], М.А. Холодной [15; 17] и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анциупов А.Я., Кандыбович С.Л., Тимченко Г.Н.* Проблемы отечественной психологии. Указатель 1410 докторских диссертаций (1935–2019). М.: Проспект, 2020.
2. *Воронин А.Н., Кочкина О.М.* Структура языковых способностей в процессе освоения дискурсивной практики // *Экспериментальная психология*. 2009. Т. 2. № 3. С. 92–110.
3. *Дружинин В.Н.* Ситуационный подход к психодиагностике способностей // *Психологический журнал*. 1991. Т. 12. № 2. С. 94–104.
4. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Вместо введения: основные типы тенденций развития психологии // *Новые тенденции и перспективы психологической науки*. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019. С. 5–8.
5. *Мазилев В.А., Сленко Ю.Н.* Способности и одаренность в психологии: современное состояние отечественных и зарубежных исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 18. № 3. С. 598–622.
6. *Махмутова Е.Н., Андреева М.М., Дмитренко Т.А.* Социально-психологический тренинг как средство формирования коммуникативной компетентности студентов-менеджеров // *Интеграция образования*. 2018. Т. 22. № 1 (90). С. 91–106.
7. *Мелехин А.И.* Метакогнитивные способности в пожилом возрасте: специфика и предикторы // *Экспериментальная психология*. 2019. Т. 12. № 3. С. 47–62.
8. *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Методика “Сказочный семантический дифференциал”: диагностические возможности // *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23. № 6. С. 41–54.
9. *Попова С.И.* Развитие способности подростка к саморегуляции в образовательном процессе школы // *Психологическая наука и образование*. 2017. Т. 22. № 6. С. 99–108.
10. *Степанов С.Ю., Рябова И.В., Гаврилова Е.В.* Влияние цифровой среды и дополнительного образования на интеллектуальные и креативные способности школьников // *Вопросы психологии*. 2021. № 1. С. 61–70.
11. *Тихомирова Т.Н., Мисоужникова Е.Б., Малых С.Б.* Когнитивные и регуляторные предикторы успешности выполнения тестов общих способностей в старшем дошкольном возрасте // *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 97–114.
12. *Тучина О.Д., Шустов Д.И., Агibalова Т.В., Шустова С.А.* Нарушения перспективной способности как возможный патогенетический механизм алкоголь-

- ной зависимости // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1 (103). С. 79–101.
13. Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одаренности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2011.
  14. Фатихова Л.Ф., Сайфутдинова Е.Ф. Различия характеристик безопасности учащихся с ментальными нарушениями в подростковом и юношеском возрасте // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 2 (99). С. 252–275.
  15. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. М.: Юрайт, 2019.
  16. Холодная М.А. Светлые и темные стороны рефлексии и арефлексии: эффект расщепления // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 4. С. 15–26.
  17. Холодная М.А., Трифонова А.В., Волкова Н.Э., Синовская Я.И. Методики диагностики понятийных способностей // Экспериментальная психология. 2019. Т. 12. № 3. С. 105–118.
  18. Хохлов Н.А., Ковязина М.С. Межполушарные и внутриполушарные межмодальные перешифровки как фактор выраженности математических способностей в юношеском возрасте // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 153–163.
  19. Черемошкина Л.В., Осинина Т.Н. Мнемические способности в период перехода от подросткового к юношескому возрасту (по материалам лонгитюдного исследования) // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 6. С. 35–47.
  20. Шадриков В.Д. К новой психологической теории способностей и одаренности // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 2. С. 15–26.
  21. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
  22. Шадриков В.Д. Системогенез ментальных качеств человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2022.
  23. Шебланова Е.И. Психологические особенности школьной адаптации интеллектуально одаренных подростков // Вопросы психологии. 2017. № 3. С. 16–27.
  24. Glazunova O.I., Gromyko Yu.V. Mastering way of action as an integral indicator of the development of intellectual abilities in learning: to the problem of constructing an activity diagnostics of abilities // Cultural-Historical Psychology. 2021. V. 17. № 3. С. 58–68.

PROBLEMS OF RESEARCH OF ABILITIES IN MODERN RUSSIAN PSYCHOLOGY: IN SEARCH OF A NEW THEORY³

V. A. Mazilov^{1,*}, Yu. N. Slepko^{1,**}, D. V. Ushakov^{2,***}, V. D. Shadrikov^{3,****}

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaia str., 108/1, Russia.

²Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.

³HSE University;
101000, Moscow, Armyanskiy per., 4/2, Russia.

*ScD (Psychology), Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.
E-mail: v.mazilov@yspu.org

**ScD (Psychology), Professor, Head of the Faculty of Education.
E-mail: slepko@inbox.ru

***Academician of Russian Academy of Sciences (RAS), ScD (Psychology), Professor, Director.
E-mail: dv.usakov@gmail.com

****Academician of Russian Academy of Education (RAE), ScD (Psychology),
Research Professor of Faculty of Social Sciences of the School of Psychology.
E-mail: shadrikov@hse.ru

Received 23.10.2022

Abstract. The state of the problem of abilities in the modern history of Russian psychological science is discussed. It is argued that despite the recognition by the psychological community of the high functional significance of abilities as a factor of achievement in various types of activity, as a factor in human development, the real productivity of research in the field of the psychology of abilities remains quite low. It is shown that in the

³ The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 22-28-00089, <https://rscf.ru/project/22-28-00089/>

recent history of Russian psychology there is a decline in the interest of the scientific community in the development of this problem. This is a consequence of a longer process of low-intensity research of abilities in Soviet psychology. Based on the analysis of publications in leading psychological journals for the period 1991–2022, an attempt has been made to systematize research in the field of psychology of abilities. Two approaches to research analysis were used: methodological analysis (characterization of research by type, subject, method, object), functional analysis (characterization based on the use of abilities as an object of research and as an object of formation). The author substantiates the statement that the decrease in the intensity of research in the field of psychology of abilities is a consequence of the lack of a “working” theory of abilities in psychological science, which allows solving the problems of determining the structure of abilities and their interaction, their development, functioning and formation.

Keywords: abilities, psychology, ability theory, methodology, explanation, integration.

REFERENCES

1. *Ancupov A.Ja., Kandybovich S.L., Timchenko G.N.* Problemy otechestvennoj psikhologii. Ukazatel' 1410 doktorskih dissertacij (1935–2019). Moscow: Prospekt, 2020. (In Russian)
2. *Voronin A.N., Kochkina O.M.* Struktura jazykovykh sposobnostej v processe osvoenija diskursivnoj praktiki. *Ehksperimental'naja psikhologija*. 2009. V. 2. № 3. P. 92–110. (In Russian)
3. *Druzhinin V.N.* Situacionnyj podkhod k psikhodiagnostike sposobnostej. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1991. V. 12. № 2. P. 94–104. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Jurevich A.V.* Vmesto vvedenija: osnovnye tipy tendencij razvitija psikhologii. *Novye tendencii i perspektivy psikhologicheskoy nauki*. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2019. P. 5–8. (In Russian)
5. *Mazilov V.A., Slepko Ju.N.* Sposobnosti i odarennost' v psikhologii: sovremennoe sostojanie otechestvennykh i zarubezhnykh issledovanij. *Psikhologija. Zhurnal Vyshej shkoly ehkonomiki*. 2021. V. 18. № 3. P. 598–622. (In Russian)
6. *Makhmutova E.N., Andreeva M.M., Dmitrenko T.A.* Social'no-psikhologicheskij trening kak sredstvo formirovanija kommunikativnoj kompetentnosti studentov-menedzherov. *Integracija obrazovanija*. 2018. V. 22. № 1 (90). P. 91–106. (In Russian)
7. *Melekhin A.I.* Metakognitivnye sposobnosti v pozhiplom vozraste: specifika i prediktory. *Ehksperimental'naja psikhologija*. 2019. V. 12. № 3. P. 47–62. (In Russian)
8. *Petrenko V.F., Mitina O.V.* Metodika “Skazochnyj semanticheskij differencial”: diagnosticheskie vozmozhnosti. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie*. 2018. V. 23. № 6. P. 41–54. (In Russian)
9. *Popova S.I.* Razvitie sposobnosti podrostka k samoreguljacii v obrazovatel'nom processe shkoly. *Psikhologicheskaja nauka i obrazovanie*. 2017. V. 22. № 6. P. 99–108. (In Russian)
10. *Stepanov S.Ju., Rjabova I.V., Gavrilova E.V.* Vlijanie cifrovoj sredy i dopolnitel'nogo obrazovanija na intellektual'nye i kreativnye sposobnosti shkol'nikov. *Voprosy psikhologii*. 2021. № 1. P. 61–70. (In Russian)
11. *Tikhomirova T.N., Misozhnikova E.B., Malykh S.B.* Kognitivnye i reguljatornye prediktory uspešnosti vypolnenija testov obshhikh sposobnostej v staršem doškol'nom vozraste. *Sibirskij psikhologičeskij žurnal*. 2020. № 75. P. 97–114. (In Russian)
12. *Tuchina O.D., Shustov D.I., Agibalova T.V., Shustova S.A.* Narušenija prospektivnoj sposobnosti kak vozmožnyj patogenetičeskij mekhanizm alkohol'noj zavisimosti. *Konsul'tativnaja psikhologija i psikhoterapija*. 2019. V. 27. № 1 (103). P. 79–101. (In Russian)
13. *Ushakov D.V.* *Psikhologija intelekta i odarennosti*. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2011. (In Russian)
14. *Fatikhova L.F., Sajfutdijarova E.F.* Razlichija kharakteristik bezopasnosti uchashhiksja s mental'nymi narušenijami v podrostkovom i junosheskom vozraste. *Integracija obrazovanija*. 2020. V. 24. № 2 (99). P. 252–275. (In Russian)
15. *Kholodnaja M.A.* *Psikhologija intelekta: Paradoksy issledovanija*. Moscow: Jurajt, 2019. (In Russian)
16. *Kholodnaja M.A.* Svetlye i temnye storony refleksii i arefleksii: ehffekt rasshheplenija. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2022. V. 43. № 4. P. 15–26. (In Russian)
17. *Kholodnaja M.A., Trifonova A.V., Volkova N.Eh., Sipovskaja Ja.I.* Metodiki diagnostiki ponjatijnykh sposobnostej. *Ehksperimental'naja psikhologija*. 2019. V. 12. № 3. P. 105–118. (In Russian)
18. *Khokhlov N.A., Kovjazina M.S.* Mezhpolutsharnye i vnutripolutsharnye mezmodal'nye pereshifrovki kak faktor vyrazhennosti matematicheskikh sposobnostej v junosheskom vozraste. *Voprosy psikhologii*. 2017. № 4. P. 153–163. (In Russian)
19. *Cheremoshkina L.V., Osinina T.N.* Mnemicheskie sposobnosti v period perekhoda ot podrostkovogo k junosheskomu vozrastu (po materialam longitjudnogo issledovanija). *Psikhologicheskii zhurnal*. 2020. V. 41. № 6. P. 35–47. (In Russian)
20. *Shadrikov V.D.* K novej psikhologicheskoy teorii sposobnostej i odarennosti. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2019. V. 40. № 2. P. 15–26. (In Russian)

21. *Shadrikov V.D.* Sposobnosti i odarennost' cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. (In Russian)
22. *Shadrikov V.D.* Sistemogenez mental'nykh kachestv cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2022. (In Russian)
23. *Shheblanova E.I.* Psikhologicheskie osobennosti shkol'noj adaptacii intellektual'no odarennykh podrostkov. *Voprosy psikhologii*. 2017. № 3. P. 16–27. (In Russian)
24. *Glazunova O.I., Gromyko Yu.V.* Mastering way of action as an integral indicator of the development of intellectual abilities in learning: to the problem of constructing an activity diagnostics of abilities. *Cultural-Historical Psychology*. 2021. V. 17. № 3. P. 58–68.

УДК 159.9.092

НАМЕРЕНИЯ И ОЖИДАНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПАРТНЕРОВ В ПАРАХ С РАЗНЫМ СТАТУСОМ БЛИЗКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

© 2023 г. С. Е. Поддубный*, В. П. Позняков**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент, ассоциированный научный сотрудник.

E-mail: serpodd@mail.ru

**Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник.

E-mail: pozn_v@mail.ru

Поступила 09.12.2022

Аннотация. Представлены результаты исследования намерений и ожиданий мужчин и женщин, партнеров в парах близких отношений различного статуса (романтические отношения, незарегистрированный (“гражданский”) брак, официальный брак). В исследовании использована оригинальная методика экспериментального моделирования ситуации социального обмена материальными и нематериальными ресурсами. В результате исследования обнаружены значимые различия в соотношении намерений и ожиданий партнеров, мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса. Сравнение показателей намерений и ожиданий мужчин и женщин в парах с разным статусом близких отношений свидетельствует о том, что наблюдаются как общие, не зависящие от статуса отношений, так и специфические различия, характеризующие разные формы близких отношений. Сравнение показателей намерений и ожиданий партнеров в парах с разным статусом близких отношений позволяет говорить об определенной динамике или тенденции изменения этих показателей на разных стадиях этих отношений. Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют, что показатели намерений и ожиданий являются хорошими предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям. Полученные результаты могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи современного российского общества, а также в практике индивидуального и семейного консультирования.

Ключевые слова: социальная психология, социальный обмен, психологические отношения, близкие отношения, намерения и ожидания личности.

DOI: 10.31857/S020595920027082-6

Статья продолжает серию публикаций, посвященных изложению результатов теоретико-эмпирических исследований намерений и ожиданий мужчин и женщин, выступающих партнерами в близких отношениях [5]. Настоящее исследование выполнено в рамках реализации научного проекта “Личностные предикторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям”. Актуальность исследования обусловлена тем, что в последние годы в нашей стране, как и во многих других странах мира, происходят серьезные изменения в сфере семейно-брачных отношений [1; 2; 3; 9, 10]. Широкое распространение получили новые, альтернативные, по сравнению с традиционной,

модели супружеских и семейных отношений. Растет число незарегистрированных браков, как в России, так и в других странах. Увеличивается количество разводов, неполных семей, в которых имеется только один родитель. В молодежной среде возрастает популярность установок “чайлд-фри” (сознательный отказ от рождения и воспитания детей). В связи с этим исследование близких отношений между молодыми людьми, которые часто предваряют семейные отношения, поможет выявить, что способствует переходу к семейно-брачным отношениям, а что заставляет молодых людей отказываться от регистрации брака и рождения детей. Выявление и анализ личностных факторов, способствующих переходу молодых людей от добрачных отношений и отношений незарегистрированного брака к семейно-брачным отношениям, являются

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФ, грант № 22-28-00356.

важной и актуальной научной проблемой, требующей комплексного изучения.

Поскольку внебрачные близкие отношения (так называемые романтические отношения и отношения незарегистрированного брака, или сожительства) нередко предшествуют переходу молодых людей к семейно-брачным отношениям (регистрации брака, рождению детей и созданию традиционной семьи), у авторов проекта возникла идея провести сравнительный анализ социально-психологических особенностей (характеристик ценностно-смысловой сферы личности и ориентаций во взаимодействии с партнером, а также их намерений и ожиданий в ситуации обмена материальными и нематериальными ресурсами) молодых мужчин и женщин, состоящих в разных формах партнерских отношений, предшествующих переходу к семейно-брачным отношениям, а также совершивших реальный переход к заключению брака и созданию семьи. Предполагаемые основной гипотезой исследования различия в указанных выше социально-психологических особенностях представителей этих групп можно будет рассматривать как детерминанты, или предикторы, перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям [7].

Концептуальной основой данного исследования явились положения ресурсно-ценностного подхода к анализу социального взаимодействия и межличностных отношений [6]. В рамках данного подхода взаимодействие его участников (партнеров) рассматривается как обмен ресурсами и ценностями, который происходит посредством “обменных отношений”. В обмене участвуют не только деньги и материальные предметы, но и другие ценности, например внимание, одобрение, любовь и привязанность. При этом обмен регулируется взаимными критериями субъективно справедливого распределения.

МЕТОДИКА

Одна из задач исследования заключалась в выявлении особенностей намерений и ожиданий мужчин и женщин, находящихся в близких отношениях различного статуса (романтические отношения, незарегистрированный брак, или сожительство, официальный брак), в ситуации предполагаемого обмена нематериальными и материальными ресурсами и установлении значимых различий между ними.

Термин “близкие отношения” мы используем как более общий для обозначения исследуемых нами межличностных отношений между мужчинами

и женщинами, под которым современные отечественные исследователи понимают значимые, избирательные взаимосвязи людей, направленные на удовлетворение их потребности в любви, привязанности и принадлежности [8]. Выделение трех групп близких отношений различного статуса обусловлено тем, что отношения между мужчинами и женщинами в их рамках, сохраняя в качестве общей характеристики выраженный характер эмоциональной близости (симпатии, доверия, любви и пр.), отличаются прежде всего по характеру формального (или неформального, но диктуемого договоренностями) статуса этих отношений: от сугубо эмоциональной связи, не предполагающей, как правило, совместного проживания и ведения хозяйства при так называемых романтических отношениях, до отношений официально зарегистрированного брака, в рамках которого партнеры связаны взаимными обязательствами и ответственностью правового и материального характера. Своеобразный “промежуточный” статус между этими двумя видами отношений занимают отношения незарегистрированного (или так называемого гражданского) брака, получившие широкое распространение в нашей стране в последние годы, которые характеризуются, как правило, не только высокой степенью эмоциональной близости, но и совместным проживанием и ведением совместного хозяйства при отсутствии официального статуса, закрепляемого регистрацией брака. Отношения “романтического” характера, как правило, являются более ранними по времени своего возникновения и предшествуют отношениям, связанным с совместным проживанием и ведением совместного хозяйства. А отношения зарегистрированного брака являются своего рода завершенной формой отношений мужчины и женщины, решивших создать семью, завести и воспитывать совместных детей. Этой форме союза мужчины и женщины в последние годы все чаще предшествуют отношения незарегистрированного брака, или сожительства. Поэтому сравнение групп респондентов, находящихся в близких отношениях различного статуса, позволяет не только выявить различия между ними, но и косвенно проследить динамику этих отношений.

Основной гипотезой исследования стало предположение о том, что существуют значимые различия в соотношении намерений и ожиданий партнеров, мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса. В исследовании была использована оригинальная методика диагностики намерений и ожиданий партнеров (ДНОП) [4]. В качестве дополнительной гипотезы выступило предположение о том, что намерения и ожидания

партнеров могут служить предикторами перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям.

Краткое описание методики и получаемых показателей. В экспериментально моделируемой ситуации социального обмена респондентам предлагается поделиться с партнером по близким отношениям имеющимися у него материальными и нематериальными ресурсами. Объем возможных для обмена ресурсов количественно определяется в условных единицах (от 1 до 10). Наряду с этим, респондентам предлагается сформулировать свои ожидания от партнера, оценив количественно объем ожидаемых ресурсов в тех же единицах. Исследование проводилось в форме индивидуального опроса. Испытуемым (респондентам) предлагалось письменно ответить на следующие вопросы.

Представьте ситуацию, что у Вас есть две корзинки.

В одной корзинке находится Ваше *нематериальное содержимое*: любовь, забота, психологическая поддержка, понимание, ласка, доверие, верность, внимание и т.п.

Оцените по 10-балльной шкале, насколько *Вы готовы поделиться* ее содержимым с Вашим партнером: (обведите соответствующую цифру)

1_2_3_4_5_6_7_8_9_10

В другой корзинке — Ваше *материальное содержимое*: жилье, машина, финансы, материальное обеспечение, подарки и т.п.

Оцените по 10-балльной шкале, насколько *Вы готовы поделиться* ее содержимым с Вашим партнером: (обведите соответствующую цифру)

1_2_3_4_5_6_7_8_9_10

Теперь представьте, что у Вашего партнера есть аналогичные корзинки с нематериальным и материальным содержимым.

Сколько *нематериального содержимого Вы хотели бы (ожидаете) получить* от Вашего партнера? Оцените по 10-балльной шкале:

1_2_3_4_5_6_7_8_9_10

Сколько *материального содержимого Вы хотели бы (ожидаете) получить* от Вашего партнера? Оцените по 10-балльной шкале:

1_2_3_4_5_6_7_8_9_10

Опрос проводился в парах респондентов, которые отвечали на вопросы строго индивидуально, независимо друг от друга. При этом исследователи гарантировали им, что их индивидуальные ответы будут сохранены в тайне от партнеров. Результаты выборов фиксировались в регистрационных

бланках, на которых указывались персональный код респондента, его пол и возраст, код пары партнеров и статус близких отношений. Результаты опроса в закодированном виде были подвергнуты статистической обработке.

В процессе обработки и анализа данных фиксировались следующие показатели методики.

Первичные показатели уровня выраженности намерений и ожиданий в нематериальной и материальной сфере:

1. Я НМ — уровень намерений респондента в нематериальной сфере (готовность поделиться с партнером нематериальными ресурсами);

2. Я М — уровень намерений респондента в материальной сфере (готовность поделиться с партнером материальными ресурсами);

3. О НМ — уровень ожиданий в нематериальной сфере (ожидание получить от партнера нематериальные ресурсы);

4. О М — уровень ожиданий в материальной сфере (ожидание получить от партнера материальные ресурсы).

Минимальное значение — 1, максимальное — 10.

Вторичные (расчетные) показатели:

Показатели интенсивности намерений и ожиданий:

5. И Н — интенсивность намерений — суммарная выраженность намерений в нематериальной и материальной сферах (готовность поделиться с партнером как нематериальными, так и материальными ресурсами): $И Н = Я НМ + Я М$;

6. И О — интенсивность ожиданий — суммарная выраженность ожиданий в нематериальной и материальной сферах (ожидание получить от партнера как нематериальные, так и материальные ресурсы): $И О = О НМ + О М$;

7. И НМ — интенсивность намерений и ожиданий в нематериальной сфере — суммарная выраженность намерений и ожиданий в нематериальной сфере: $И НМ = Я НМ + О НМ$;

8. И М — интенсивность намерений и ожиданий в материальной сфере — суммарная выраженность намерений и ожиданий в материальной сфере: $И М = Я М + О М$.

Минимальное значение показателей — 2, максимальное — 20.

Показатели ролевой позиции при обмене:

9. РП НМ — ролевая позиция респондента при обмене нематериальными ресурсами, определяется

знаком разницы значений уровня намерений и ожиданий в нематериальной сфере: $РП\ НМ = Я\ НМ - О\ НМ$;

10. $РП\ М$ — ролевая позиция респондента при обмене материальными ресурсами, определяется знаком разницы значений уровня намерений и ожиданий в материальной сфере: $РП\ М = Я\ М - О\ М$.

Минимальное значение равно — 9, максимальное — 9.

Значение $РП$ больше нуля свидетельствует о позиции “поставщика-донора” — желании отдать партнеру больше, чем получить от него, а меньше нуля — о позиции “потребителя-реципиента” — желании получить от партнера больше, чем отдать ему соответствующие (материальные и нематериальные) ресурсы.

Характеристика выборки. В исследовании принимали участие 170 гетерогенных по полу пар (мужчина и женщина) в возрасте от 18 до 35 лет. 46 пар (27%) состояли в романтических отношениях более 3 месяцев (1-я группа), 55 пар (33%) состояли в гражданском браке более 3 месяцев (2-я группа), 69 пар (40%) состояли в официальном браке более 3 месяцев (3-я группа). Верхняя граница стажа отношений во всех трех выборках составляет 9.5 лет. Общий объем выборки — 340 человек. Образование респондентов: неполное среднее, среднее и среднее профессиональное — 15.6%, незаконченное высшее — 25.5%, высшее (бакалавриат, магистратура, специалитет) — 56.3%, имеют ученую степень — 2.5%. Не работают (в том числе в декрете) — 20%, работают — 80%.

Методы обработки данных. Для выявления значимых различий между двумя сравниваемыми независимыми выборками применялся непараметрический U -критерий Манна—Уитни, между тремя — дисперсионный анализ $ANOVA$ Краскела—Уоллиса. Математико-статистическая обработка проводилась с помощью пакета прикладных программ STATISTICA v. 8.0. Для нахождения личностных предикторов перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям использовался множественный линейный дискриминантный анализ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Намерения и ожидания партнеров в парах с разным статусом близких отношений. В табл. 1 представлены намерения и ожидания в группах респондентов (по всей выборке в целом, включающей как мужчин, так и женщин), состоящих в близких отношениях разного статуса, и значимые различия

между ними. Намерения в нематериальной сфере наиболее выражены в парах с романтическими отношениями (9.15), а наименее — в отношениях сожительств (8.70). Намерения в материальной сфере наиболее выражены в парах с семейными отношениями (8.33), а наименее — в сожительствующих парах (7.23). Ожидания в нематериальной сфере наиболее выражены в парах с романтическими отношениями (9.23), а наименее — в парах с семейными отношениями (8.85). Ожидания в материальной сфере наиболее выражены в парах с семейными отношениями (7.54), а наименее — в парах с романтическими отношениями (6.77).

Наибольшая интенсивность намерений наблюдается в супружеских парах (17.04), наименьшая — в сожительствующих парах (15.93). Наибольшая интенсивность ожиданий наблюдается в сожительствующих парах (16.43), наименьшая — в парах с романтическими отношениями (16.00). При этом только в сожительствующих парах наблюдается отрицательная разница интенсивности намерений и ожиданий, причем интенсивность ожиданий значительно превышает интенсивность намерений.

Что касается сфер обмена, то наибольшая интенсивность при обмене нематериальными ресурсами имеет место в романтических парах (18.38), наименьшая — в супружеских парах (17.57) и средняя — в сожительствующих (17.72). Максимальная интенсивность обмена материальными ресурсами наблюдается у семейных пар (15.87), минимальная — в романтических парах (14.14) и средняя — в сожительствующих (14.64).

Таким образом, партнеры в парах с романтическими отношениями характеризуются максимальными значениями показателей интенсивности при обмене эмоциональными отношениями (наибольшей выраженностью как намерений, так и ожиданий в нематериальной сфере), средними — интенсивности намерений и минимальными — интенсивности ожиданий и интенсивности обмена материальными ресурсами, что свидетельствует о ведущей роли близких эмоциональных отношений (проявлений любви, внимания, заботы), по сравнению с обменом материальными ресурсами, в отношениях этого статуса.

Партнеры, состоящие в незарегистрированном браке (сожительстве), отличаются самыми низкими уровнями намерений в нематериальной и материальной сферах и самым высоким уровнем интенсивности ожиданий. Они менее других готовы поделиться с партнером как нематериальными, так и материальными ресурсами, хотя и ожидают получить больше нематериальных ресурсов, чем партнеры, находящиеся в супружеских отношениях, и больше

Таблица 1. Намерения и ожидания партнеров в парах с разным статусом близких отношений

Статистический показатель	Я НМ	Я М	О НМ	О М	И Н	И О	И НМ	И М	РП НМ	РП М
<i>Пары с романтическими отношениями (1) (n₁ = 92)</i>										
Среднее	9.15	7.37	9.23	6.77	16.52	16.00	18.38	14.14	-0.08	0.60
Станд. откл.	1.18	2.48	1.19	2.80	3.20	3.35	2.16	4.11	0.98	3.33
Медиана	10	8	10	7	17	16	19	14	0	0
Размах	5	9	6	9	12	14	10	18	6	15
<i>Пары, состоящие в отношениях сожительства (2) (n₂ = 110)</i>										
Среднее	8.70	7.23	9.02	7.41	15.93	16.43	17.72	14.64	-0.32	-0.18
Станд. откл.	1.51	2.45	1.32	2.66	3.51	3.42	2.55	4.07	1.24	3.11
Медиана	9	8	10	8	16	17	18	15	0	0
Размах	7	9	7	9	15	12	14	14	10	16
<i>Супружеские пары (3) (n₃ = 138)</i>										
Среднее	8.72	8.33	8.85	7.54	17.04	16.39	17.57	15.87	-0.13	0.78
Станд. откл.	1.70	1.89	1.51	2.63	3.24	3.39	2.78	3.41	1.62	3.06
Медиана	9	9	9	9	18	17	18	16	0	0
Размах	8	8	7	9	16	13	13	15	12	14
<i>В целом по выборке (N = 340)</i>										
Среднее	8.83	7.71	9.01	7.29	16.54	16.30	17.84	15.00	-0.18	0.42
Станд. откл.	1.52	2.30	1.37	2.70	3.34	3.39	2.57	3.89	1.35	3.17
Медиана	9	8	10	8	17	17	18	15	0	0
Размах	8	9	7	9	16	14	14	18	12	18
<i>Значимые различия между группами (1 и 2) по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий	2.36						1.97			
p	0.02						0.05			
<i>Значимые различия между группами (1 и 3) по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий		-2.85	2.05	-2.10			2.21	-3.28		
p		0.004	0.04	0.036			0.027	0.001		
<i>Значимые различия между группами (2 и 3) по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий		-3.55			-2.77			-2.38		-1.82
p		0.000			0.006			0.017		0.068
<i>Значимые различия между всеми группами ANOVA Краскела—Уоллиса</i>										
Chi-квадрат		14.76			7.80			11.64		
p		0.000			0.019			0.003		

Примечание. Жирным шрифтом выделены максимальные средние значения показателей в сравниваемых выборках, жирным курсивом — минимальные. *p* — уровень значимости.

материальных ресурсов, чем партнеры в романтических отношениях. Партнеры в сожительстве проявляют наименьшую, в сравнении с романтическими и брачными партнерами, готовность поделиться с партнером нематериальными ресурсами, при том что интенсивность их ожиданий от партнера максимальная по сравнению с другими видами пар. Интенсивность намерений в этих парах при обмене эмоциональными отношениями значительно ниже, чем у пар с романтическими отношениями. Вероятно, партнеры, находясь в сожительстве, “экономят” (сознательно или неосознанно) свои нематериальные и материальные ресурсы, рассматривая данный союз как временный, пробный и нестабильный.

Для супружеских пар характерен более низкий, по сравнению с парами, находящимися в романтических отношениях, уровень намерений и ожиданий при

обмене нематериальными ресурсами и наиболее высокий — при обмене материальными ресурсами. В супружеских парах возрастает интенсивность обмена материальными ресурсами и снижается (особенно по сравнению с парами, находящимися в романтических отношениях) интенсивность обмена нематериальными ресурсами. По-видимому, в супружеских парах (по крайней мере, в некоторых из них) эмоционально близкие отношения со временем несколько теряют свою значимость. Вместе с тем переход к семейным отношениям повышает значимость материальных ресурсов, так как супруги ведут совместное хозяйство, имеют, как правило, общий бюджет, что требует объединения материальных ресурсов партнеров.

Соотношение намерений и ожиданий мужчин и женщин в парах с разным статусом близких

отношений. В табл. 2 представлены намерения и ожидания мужчин и женщин, находящихся в близких эмоциональных отношениях. Сравнение показателей намерений и ожиданий мужчин и женщин в парах с разным статусом близких отношений свидетельствует о том, что наблюдаются как общие тенденции, так и различия, характеризующие разные формы близких отношений.

В целом по выборке интенсивность намерений, так же как и интенсивность ожиданий женщин в нематериальной сфере обмена, превышает аналогичные показатели мужчин. Эта тенденция наблюдается при всех формах отношений, кроме отношений сожительства. При этой форме отношений интенсивность намерений мужчин выше (хотя и незначительно), чем у женщин, при том что уровень ожиданий выше в группе женщин.

Таблица 2. Намерения и ожидания мужчин и женщин, находящихся в парах с разным статусом близких отношений

Статистический показатель	Я НМ	Я М	О НМ	О М	И Н	И О	И НМ	И М	РП НМ	РП М
<i>Партнеры с романтическими отношениями (1)</i>										
<i>Женщины (n = 46)</i>										
Среднее	9.39	7.07	9.41	7.83	16.46	17.24	18.80	14.89	-0.02	-0.76
Медиана	10	7	10	9	16	18	19	14	0	0
<i>Мужчины (n = 46)</i>										
Среднее	8.91	7.67	9.04	5.72	16.59	14.76	17.96	13.39	-0.13	1.96
Медиана	9	8	10	5	17	14	19	13	0	2
<i>Значимые различия между женщинами и мужчинами по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий				3.38		-3.29				3.86
p				0.00		0.00				0.00
<i>Партнеры в отношениях сожительства (2)</i>										
<i>Женщины (n = 55)</i>										
Среднее	8.65	6.96	9.24	8.42	15.62	17.65	17.89	15.38	-0.58	-1.45
Медиана	9	8	10	9	16	18	19	16	0	0
<i>Мужчины (n = 55)</i>										
Среднее	8.75	7.49	8.80	6.40	16.24	15.20	17.55	13.89	-0.05	1.09
Медиана	9	8	9	6	16	15	18	14	0	0
<i>Значимые различия между женщинами и мужчинами по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий			-2.37	-3.96		-3.71			1.98	4.50
p			0.02	0.00		0.00			0.04	0.00
<i>Супруги (3)</i>										
<i>Женщины (n = 69)</i>										
Среднее	8.74	8.06	9.09	8.54	16.80	17.62	17.83	16.59	-0.35	-0.48
Медиана	9	8	10	9	17	18	18	17	0	0
<i>Мужчины (n = 69)</i>										
Среднее	8.70	8.59	8.61	6.55	17.29	15.16	17.30	15.14	0.09	2.04
Медиана	9	9	9	7	18	16	18	15	0	1
<i>Значимые различия между женщинами и мужчинами по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий				-4.24		-4.00		-2.40		5.10
p				0.00		0.00		0.02		0.00
<i>В целом по выборке</i>										
<i>Женщины (N = 170)</i>										
Среднее	8.89	7.44	9.22	8.31	16.32	17.53	18.11	15.74	-0.34	-0.87
Медиана	9	8	10	9	17	18	19	16	0	0
<i>Мужчины (N = 170)</i>										
Среднее	8.77	7.99	8.79	6.28	16.76	15.06	17.56	14.26	-0.02	1.71
Медиана	9	9	9	6	18	15	18	14	0	1
<i>Значимые различия между женщинами и мужчинами по U-критерию Манна—Уитни</i>										
Z-критерий		2.26	-3.14	-6.67		-6.57	-2.37	-3.18	1.98	7.77
p		0.02	0.00	0.00		0.00	0.02	0.00	0.04	0.00

Примечание. p — уровень значимости.

Что касается материальной сферы обмена, в качестве общей тенденции, проявляющейся при всех формах близких отношений, соотношение интенсивности намерений и интенсивности ожиданий мужчин и женщин носит реципрокный характер: интенсивность намерений выше в группах мужчин, а интенсивность ожиданий — в группах женщин.

Еще одной характерной особенностью является то, что во всех группах респондентов, при всех формах близких отношений, как у мужчин, так и у женщин интенсивность ожиданий в нематериальной сфере обмена превышает интенсивность намерений, т.е. партнеры ожидают друг от друга больше нематериальных ресурсов (напомним, что речь идет о проявлениях отношений близости: внимания, уважения, заботы, любви), чем готовы отдать ему. Суммарная интенсивность ожиданий в женской выборке превышает суммарную интенсивность намерений, а в мужской выборке, напротив, суммарная интенсивность намерений превышает суммарную интенсивность ожиданий.

При обмене материальными ресурсами мужчины независимо от статуса отношений предпочитают роль “донора”. При этом она наиболее выражена у мужчин, состоящих в официальном браке, и наименее — находящихся в сожительстве. Рольевая позиция “потребителя” в сфере обмена материальными ресурсами является характерной для женщин независимо от статуса отношений с мужчинами. При этом роль “потребителя” материальных ресурсов в наименьшей степени выражена у женщин, состоящих в супружеских отношениях, и в наибольшей — в отношениях сожительстве.

Обращает на себя внимание тот факт, что в сфере обмена нематериальными ресурсами (психологическими отношениями) мужчины, состоящие в романтических отношениях и в отношениях сожительстве, предпочитают роль “потребителя”, т.е. намерены получать больше, чем отдавать, причем эта роль наиболее выражена у мужчин, состоящих в романтических отношениях (–0.13). У мужчин, состоящих в супружеских отношениях, выявлена роль “донора” (0.09) при обмене нематериальными ресурсами. В сфере обмена нематериальными ресурсами (психологическими отношениями) женщины также предпочитают роль “потребителя” независимо от статуса, причем эта роль наиболее выражена у женщин, состоящих в отношениях сожительстве (–0.58), и наименее — у женщин, состоящих в романтических отношениях (–0.02). У женщин, состоящих в супружеских отношениях, роль “потребителя” выражена в средней степени (–0.35).

Намерения и ожидания партнеров как личностные предикторы перехода молодых людей к семей-

но-брачным отношениям. Для нахождения личностных предикторов перехода молодежи к семейно-брачным отношениям был применен множественный линейный дискриминантный анализ (модуль классификация) системы STATISTICA v. 8.0. В качестве независимых переменных выступали первичные показатели, полученные с помощью Методики диагностики намерений и ожиданий (ДНОП): Я НМ, Я М, О НМ, О М. В качестве зависимой переменной выступала принадлежность респондентов к группам, различающимся по статусу близких отношений (романтические отношения, отношения сожительстве и семейно-брачные отношения). Ввиду того что были обнаружены значимые половые различия в намерениях и ожиданиях, анализ проводился отдельно для мужчин и женщин.

По результатам анализа были получены классификационные функции и матрицы классификации. Число классификационных функций в нашем случае равно числу статусных групп. Классификационные функции представляют собой уравнения, содержащие числовую константу и весовые коэффициенты для каждой переменной. Классификационные функции предназначены для определения того, к какой совокупности (статусной группе) каждый респондент может быть наиболее вероятно отнесен. С другой стороны, показатели, входящие в состав классификационных функций, являются предикторами, так как с их помощью можно не только классифицировать респондентов, но и прогнозировать их статус, в частности переход к семейно-брачным отношениям. С этой целью для каждого респондента рассчитываются значения по каждой функции. Величина значения служит основанием принятия решения о соответствии показателей данного респондента показателям той или иной статусной группы, что, в свою очередь, дает возможность отнесения его по исследуемым признакам к соответствующей статусной группе.

Качество классификационных функций оценивается на основе анализа матрицы классификации, которая содержит число (процент) респондентов, корректно (правильно) классифицированных — попавших в свои статусные группы, т.е. в группы, к которым они фактически относятся (на диагонали матрицы), и тех, которые попали по значениям показателей методики не в свои статусные группы. В нашем случае особую значимость имеет процент правильно классифицированных респондентов, входящих в состав супружеских пар. Кроме того, отнесение респондентов, состоящих в романтических отношениях и отношениях сожительстве,

к категории супружеских пар может говорить о перспективности их перехода в данный статус. В частности, применительно к задаче исследования — выявлению предикторов перехода респондентов к семейно-брачным отношениям — эти значения являются основанием прогноза их перехода из групп с добрачным статусом отношений к отношениям зарегистрированного брака.

Результаты дискриминантного анализа для мужчин статистически значимы (значение лямбда Уилкса равно 0.843, приближенное значение F -статистики с числом степеней свободы 8 и 328 равно 3.65, уровень значимости (p) F -критерия < 0.0004).

В табл. 3 и 4 представлены классификационные функции и матрицы классификации для мужчин.

Из табл. 3 следует, что наиболее значимыми показателями (имеющими наиболее высокие значения веса в классификационной функции по сравнению с соответствующими показателями относительно других статусных групп) для отнесения респондентов мужчин к категории состоящих в супружеских отношениях являются намерения в материальной сфере, к категории мужчин, состоящих в отношениях сожительства, — ожидания в материальной сфере и к категории романтических отношений — намерения и ожидания в нематериальной сфере (соответствующие веса выделены жирным шрифтом).

Таблица 3. Классификационные функции для мужчин

Показатель	Классификационные функции для статусных групп (мужчины)		
	Романтические отношения $F(1)$	Отношения сожительства $F(2)$	Супружеские отношения $F(3)$
Я НМ	3.30	3.27	2.85
Я М	-0.93	-0.97	-0.44
О НМ	3.01	2.88	2.67
О М	-0.04	0.08	0.04
Константа	-25.94	-24.68	-23.01

Примечание. Жирным шрифтом выделены наиболее значимые показатели.

Таблица 4. Матрица классификации для мужчин (показатели соответствия фактической принадлежности респондентов к статусным группам и принадлежности, прогнозируемой на основе показателей методики ДНОП)

Наблюдаемые статусные группы респондентов (группы принадлежности)	Прогнозируемые статусные группы (мужчины)		
	Романтические отношения (1), количество (% в строке)	Отношения сожительства (2), количество (% в строке)	Супружеские отношения (3), количество (% в строке)
Романтические отношения (1) $n_1 = 46$	11 (23.9)	10 (21.7)	25 (54.3)
Отношения сожительства (2) $n_2 = 55$	7 (12.7)	19 (34.5)	29 (52.7)
Супружеские отношения (3) $n_3 = 69$	4 (5.8)	8 (11.6)	57 (82.6)

Примечание. Количество и процент правильно классифицированных респондентов отмечен жирным. Количество и процент респондентов, состоящих в романтических отношениях и отношениях сожительства, отнесенных к статусу супружеских, отмечен жирным курсивом.

Так, например, классификационная функция для отнесения мужчины к группе с супружескими отношениями имеет вид:

$$F(3) = 2.85 \times \text{Я НМ} - 0.44 \times \text{Я М} + 2.67 \times \text{О НМ} + 0.04 \times \text{О М} - 23.01,$$

где Я НМ, Я М, О НМ и О М — значения соответствующих показателей конкретного респондента.

Из табл. 4 видно, что наибольший процент правильно классифицированных наблюдений (82.6) имеет место у мужчин, состоящих в супружеских отношениях, что свидетельствует о высоком качестве соответствующей классификационной функции. Несколько меньше он у мужчин, состоящих в отношениях сожительства (34.5), и у мужчин, состоящих в романтических отношениях (23.9). Вместе с тем 54.3% мужчин, состоящих в романтических отношениях, и 52.7% мужчин, находящихся в отношениях сожительства, отнесены к категории супружеских отношений, что, на наш взгляд, подтверждает правомерность рассмотрения намерений и ожиданий в качестве предикторов перехода к супружеским отношениям.

Результаты дискриминантного анализа для женщин также статистически значимы (значение лямбда Уилкса равно 0.856, приближенное значение F -статистики с числом степеней свободы 8 и 328 равно 3.32, уровень значимости (p) F -критерия < 0.0012).

Таблица 5. Классификационные функции для женщин

Показатель	Классификационные функции для статусных групп (женщины)		
	Романтические отношения $F(1)$	Отношения сожительства $F(2)$	Супружеские отношения $F(3)$
Я НМ	1.26	0.77	0.75
Я М	0.31	0.39	0.62
О НМ	4.74	4.89	4.69
О М	0.86	1.03	1.07
Константа	-34.02	-32.76	-32.56

Примечание. Жирным шрифтом выделены наиболее значимые показатели.

Таблица 6. Матрица классификации для женщин (показатели соответствия фактической принадлежности респондентов к статусным группам и принадлежности, прогнозируемой на основе показателей методики ДНОП)

Наблюдаемые статусные группы респондентов (группы принадлежности)	Прогнозируемые статусные группы (женщины)		
	Романтические отношения (1), количество (% в строке)	Отношения сожительства (2), количество (% в строке)	Супружеские отношения (3), количество (% в строке)
Романтические отношения (1) $n_1 = 46$	20 (43.5)	4 (8.7)	22 (47.8)
Отношения сожительства (2) $n_2 = 55$	11 (20.0)	14 (25.5)	30 (54.5)
Супружеские отношения (3) $n_3 = 69$	7 (10.1)	10 (14.5)	52 (75.4)

Примечание. Количество и процент правильно классифицированных респондентов отмечен жирным. Количество и процент респондентов, состоящих в романтических отношениях и отношениях сожительства, отнесенных к статусу супружеских, отмечен жирным курсивом.

В табл. 5 и 6 представлены классификационные функции и матрицы классификации для женщин.

Из табл. 5 следует, что наиболее значимыми показателями (относительно других статусных групп) для отнесения респондентов женщин к категории супружеских отношений являются намерения (Я М) и ожидания (О М) в материальной сфере, к категории отношений сожительства — ожидания в нематериальной сфере (О НМ), а к категории романтических отношений — намерения в нематериальной сфере (Я НМ), соответствующие веса выделены жирным шрифтом.

Так, например, классификационная функция для отнесения женщины к группе с супружескими отношениями имеет вид:

$$F(3) = 0.75 \times \text{Я НМ} + 0.62 \times \text{Я М} + 4.69 \times \text{О НМ} + 1.07 \times \text{О М} - 32.56.$$

Из табл. 6 видно, что максимальный процент правильно классифицированных наблюдений (75.4) наблюдается у женщин, состоящих в супружеских отношениях, что свидетельствует о высоком качестве соответствующей классификационной функции. Несколько меньше он у женщин, состоящих в романтических отношениях (43.5), и значительно меньше у сожительствующих женщин (25.5). Вместе с тем показатели намерений и ожиданий являются предикторами прогнозируемого перехода сожительствующих женщин и женщин,

состоящих в романтических отношениях, в категорию супружеских пар (54.5 и 47.8% соответственно).

ВЫВОДЫ

В результате проведенного эмпирического исследования обнаружены значимые различия в соотношении намерений и ожиданий партнеров, мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса, в ситуации предполагаемого обмена материальными и нематериальными ресурсами.

Так, в парах с супружескими отношениями интенсивность обмена материальными ресурсами и готовность поделиться материальными ресурсами с партнером достоверно более выражены, чем в парах с добрачными отношениями. При этом интенсивность обмена нематериальными ресурсами в этих парах наименьшая (по сравнению с парами, состоящими в романтических отношениях, различия статистически значимы).

В результате исследования выявлены как общие, не зависящие от пола партнеров, так и специфические, характерные для мужчин и женщин, различия в соотношении намерений и ожиданий партнеров, состоящих в близких отношениях разного статуса.

По данным дисперсионного анализа установлено, что общими, не зависящими от пола являются такие показатели, как готовность поделиться с партнером материальными ресурсами и интенсивность намерений в материальной и нематериальной сфере.

Половые различия проявляются в ожиданиях получить от партнера материальные и нематериальные ресурсы, интенсивности ожиданий в целом. У женщин значения этих показателей достоверно больше, чем у мужчин. Также достоверно установлено, что мужчинам независимо от статуса отношений присуща роль “донора”, а женщине — “потребителя” при обмене материальными ресурсами.

Сравнение показателей намерений и ожиданий мужчин и женщин, состоящих в парах с разным статусом близких отношений, свидетельствует о том, что наблюдаются как общие тенденции, так и различия, характеризующие разные формы близких отношений.

Уже на стадии романтических отношений у мужчин сформирована позиция “донора” — поставщика, а у женщин — “реципиента” — потребителя материальных ресурсов, причем у женщин интенсивность ожиданий как в материальной, так и нематериальной сфере достоверно выше, чем у мужчин.

На стадии незарегистрированного брака и у мужчин, и у женщин снижаются намерения в нематериальной сфере и возрастают ожидания в материальной сфере, при этом у женщин усиливается ролевая позиция “потребителя” материальных ресурсов, а у мужчин ролевая позиция “поставщика” последних снижается по сравнению с “романтическими отношениями”.

В супружеских парах и у мужчин, и у женщин наблюдается возрастание интенсивности обмена материальными ресурсами и снижается, особенно по сравнению с парами, находящимися в романтических отношениях, интенсивность обмена нематериальными ресурсами. В этих парах отмечается наименьшая разница как в интенсивности намерений и ожиданий, так и в интенсивности обмена в материальной и нематериальной сферах, что говорит об их сбалансированности.

Таким образом, основная задача данного этапа исследования: выявление и сравнительный анализ намерений и ожиданий мужчин и женщин, находящихся в близких отношениях различного статуса, была решена. Основная гипотеза о том, что существуют значимые различия в соотношении намерений и ожиданий, подтвердилась.

Результаты дискриминантного анализа свидетельствуют о том, что намерения и ожидания партнеров могут не только служить основанием для корректной диагностики респондентов, находящихся в статусе супружеских отношений, но выступать в качестве предикторов перехода молодых людей, связанных как романтическими отношениями, так и отношениями сожительства, в категорию супружеских пар.

Анализ классификационных функций показал, что общим для мужчин и женщин предиктором перехода к семейно-брачным отношениям являются намерения в материальной сфере, а для женщин — также ожидания в материальной сфере. Другими словами, взаимные желания мужчины и женщины поделиться своими материальными ресурсами со своим партнером, а для женщины — также ожидание получить их от мужчины являются значимыми факторами для прогноза установления супружеских отношений или перехода к ним.

Таким образом, дополнительная гипотеза, предположение о том, что намерения и ожидания партнеров могут служить предикторами перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям, подтвердилась.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы для научного обоснования практических рекомендаций для руководителей и специалистов, занимающихся поддержкой и развитием института семьи в современном российском обществе, а также в практике индивидуального и семейного консультирования.

Перспективы дальнейших исследований авторы связывают с выявлением и анализом личностных особенностей мужчин и женщин, состоящих в близких отношениях разного статуса, которые могли бы также послужить предикторами готовности партнеров к переходу к семейно-брачным отношениям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бим-Бад Б.М., Гавров С.Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. М.: Интеллектуальная книга — Новый хронограф, 2010.
2. Кольцова В.А., Левкович В.П. Социально-психологические проблемы супружеских отношений. История и современное состояние. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.

3. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
4. *Поддубный С.Е., Позняков В.П.* Методика диагностики намерений и ожиданий в ситуации социального обмена с партнером по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4. С. 178–202.
5. *Поддубный С.Е., Позняков В.П.* Социально-психологические свойства личности и ее намерения и ожидания в ситуации предполагаемого обмена с партнером по близким эмоциональным отношениям // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 1 (13). С. 61–93.
6. *Позняков В.П., Вавакина Т.С.* Ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 257–268.
7. *Позняков В.П., Поддубный С.Е., Панфилова Ю.М.* Личностные факторы перехода молодых людей к семейно-брачным отношениям: замысел и программа эмпирического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3 (126). С. 144–150.
8. *Сапоровская М.В., Екимчик О.А., Опекина Т.П.* Близкие отношения: теоретический обзор исследований и концептуализация модели // Вестник Костромского государственного университета. Сер. Педагогика. Психология. Т. 27. № 4. С. 144–154.
9. *Саралиева З.Х., Блонин В.А., Егорова Н.Ю.* Жизненные миры современной российской семьи. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015.
10. Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.

INTENTIONS AND EXPECTATIONS OF MEN AND WOMEN, PARTNERS IN COUPLES WITH DIFFERENT STATUS OF CLOSE RELATIONSHIPS²

S. E. Poddubny*, V. P. Poznyakov**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Science;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bld. 1, Russia.*

*PhD (Psychology), Associate Researcher.

E-mail: serpodd@mail.ru

**ScD (Psychology), Professor, Chief Research Officer.

E-mail: pozn_v@mail.ru

Received 09.12.2022

Abstract. The results of a study of the intentions and expectations of men and women, partners in couples of close relationships of different status (romantic relationships, unregistered (“civil”) marriage, official marriage) are presented. The study uses an original method of experimental modeling of the situation of social exchange of tangible and intangible resources. As a result of the study, significant differences were found in the ratio of intentions and expectations of partners, men and women in close relationships of different status. Comparison of indicators of intentions and expectations of men and women in couples with different status of close relationships indicates that there are both general, independent of the status of relationships, and specific differences characterizing different forms of close relationships. Comparing the indicators of intentions and expectations of partners in couples with different status of close relationships allows us to talk about a certain dynamics or trend of changes in these indicators at different stages of these relationships. The results of the discriminant analysis show that indicators of intentions and expectations are good predictors of partners’ readiness to transition to marital relations. The obtained results can be used for scientific substantiation of practical recommendations for managers and specialists involved in the support and development of the family institute of modern Russian society, as well as in the practice of individual and family counseling.

Keywords: social psychology, social exchange, psychological relationships, intimate relationships, intentions and expectations of the individual

² The study was supported by Russian Science Foundation (project № 22-28-00356).

REFERENCES

1. *Bim-Bad B.M., Gavrov S.N.* Modernizacija instituta sem'i: sociologičeskij, ehkonomičeskij i antropologopedagogičeskij analiz. Moscow: Intellektual'naja kniga — Novyj khronograf, 2010. (In Russian)
2. *Kol'cova V.A., Levkovich V.P.* Social'no-psihologičeskie problemy supružheskikh otnošenij. Istorija i sovremennoe sostojanie. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
3. *Makhnach A.V.* Zhiznesposobnost' čeloveka i sem'i: social'no-psihologičeskaja paradigma. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian)
4. *Poddubnyj S.E., Poznjakov V.P.* Metodika diagnostiki namerenij i ozhidaniij v situacii social'nogo obmena s partnerom po blizkim ehmocional'nym otnošenijam. Institut psihologii rossijskoj akademii nauk. Social'naja i ehkonomičeskaja psihologija. 2018. V. 3. № 4. P. 178–202. (In Russian)
5. *Poddubnyj S.E., Poznjakov V.P.* Social'no-psihologičeskie svojjstva lichnosti i ee namerenija i ozhidaniija v situacii predpolagaemogo obmena s partnerom po blizkim ehmocional'nym otnošenijam. Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Social'naja i ehkonomičeskaja psihologija. 2019. V. 4. № 1 (13). P. 61–93. (In Russian)
6. *Poznjakov V.P., Vavakina T.S.* Resursno-cennostnyj podkhod k analizu social'nogo vzaimodejjstvija sub'ektov sovmestnoj zhiznedejatel'nosti. Znanie. Ponimanie. Umenie. 2014. № 3. P. 257–268. (In Russian)
7. *Poznjakov V.P., Poddubnyj S.E., Panfilova Ju.M.* Lichnostnye faktory perekhoda molodykh ljudej k semejno-brachnym otnošenijam: zamysel i programma ehmpiričeskogo issledovanija. Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2022. № 3 (126). P. 144–150. (In Russian)
8. *Saporovskaja M.V., Ekimchik O.A., Opekina T.P.* Blizkie otnošenija: teoretičeskij obzor issledovanij i konceptualizacija modeli. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. V. 27. № 4. P. 144–154. (In Russian)
9. *Saraljeva Z.Kh., Blonin V.A., Egorova N.Ju.* Zhiznennye miry sovremennoj rossijskoj sem'i. Nizhnij Novgorod: Izd-vo NNGU, 2015. (In Russian)
10. Sem'ja, brak i roditel'stvo v sovremennoj Rossii. V. 2. Eds. A.V. Makhnach, K.B. Zuev. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2015. (In Russian)

УДК 159.922.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ” В ИППОВЕНЦИИ: ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ПСИХИКИ¹

© 2023 г. О. Г. Лопухова^{1,*}, В. И. Панов^{2,**}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет;
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, корп. 1, Россия.

²ФГБНУ “Психологический институт Российской академии образования”;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, корп. 4, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии
Института психологии и образования.

**Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
заведующий лабораторией эконпсихологии развития и психодидактики.
E-mail: ecovip@mail.ru

Поступила 09.01.2023

Аннотация. Ипповенция как направление психотерапевтического и развивающего личность взаимодействия “человек—лошадь” последние годы экстенсивно развивается в России. За рубежом аналогичные практики представлены разнообразием моделей (Equine Assisted Psychotherapy, Equine Facilitated Psychotherapy, Equine-Assisted Counseling, Equine-Assisted Growth and Learning и т.п.), основанных на разных теоретических подходах. Систематизация этих моделей позволяет соотнести их с определенными функциональными задачами ипповенции как целостной системы: психотерапевтической, коррекционно-консультативной, социально-психологической и образовательно-педагогической. Однако на методологическом уровне выявляется противоречие. Практическая реализация большей части этих задач строится в гносеологической парадигме, когда лошадь для человека выступает как объект его действий или же человек “субъективизирует” лошадь (наделяет ее “человеческими” личностными качествами). В то же время существует точка зрения, согласно которой лошади по своей природе наделены субъектностью в поведении и отношениях, что соответствует онтологической парадигме анализа взаимодействий в системе “человек—лошадь”. Решение данного противоречия, на наш взгляд, возможно с позиций эконпсихологического подхода к развитию психики (В.И. Панов) и разработанной в его рамках эконпсихологической типологии субъект-средовых взаимодействий. Это обусловлено тем, что в основе данного подхода лежит представление о творческой природе психики как формы бытия, которая находит свое проявление в психологических возможностях и человека, и лошади выступать субъектами своего бытия и субъектами социальных взаимодействий. Проведен анализ психотерапевтического и развивающего потенциала техник ипповенции в контексте базовых типов эконпсихологических взаимодействий “человек—лошадь” (объект-объектного, субъект-объектного, объект-субъектного, субъект-обособленного, субъект-совместного и субъект-порождающего). Сделан вывод о том, что методология эконпсихологического подхода к развитию психики дает возможность рассматривать ипповенцию как систему социальных взаимодействий, построенную на едином теоретическом основании и позволяющую решать разные психотерапевтические и развивающие задачи в условиях взаимоотношений “человек—лошадь”.

Ключевые слова: эконпсихологический подход, ипповенция как система, взаимодействия “человек—лошадь”, психотерапия, субъект-средовые взаимодействия, гносеологическая парадигма, онтологическая парадигма.

DOI: 10.31857/S020595920027083-7

Участие лошадей в психотерапевтических встречах и психокоррекционных программах является

относительно новым для России явлением, которое развивается как направление, называемое “ипповенция” [1]. Идея выделить отдельное направление, назвав его “ипповенция” (от *hippo* — лошадь, *venire* — двигаться навстречу, идти к...), принадлежит Х.-Ю. Барайссу [15]. В своей модели “Терапевтическое взаимодействие человек—лошадь (ТВЧЛ)” он

¹ Работа О.Г. Лопуховой выполнена в рамках Программы стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета (ПРИОРИТЕТ-2030). Работа В.И. Панова выполнена в рамках научной темы ФГБНУ “Психологический институт РАО” (код — FNRE-2022-0002).

предлагает разделять два направления: “иппотерапию” как лечебно-физиологическое направление, где представлен один вид взаимодействия клиента с лошадью — пассивное движение верхом, и “ипповенцию” как психокоррекционное и развивающее личностное направление, включающее широкий спектр видов взаимодействия с лошадьми (наблюдение, уход, работа с лошадью “на земле”, верховая езда, варианты вольтижировки и пр.), а также различные формы организации контактов “человек—лошадь” (индивидуальные и групповые). Несмотря на то что модель ТВЧЛ популярна в европейских странах, сам термин “ипповенция” не получил там распространения. Обобщая данные зарубежных англоязычных источников, можно выделить различные модели психотерапии и тренингов с лошадьми: психотерапия с участием лошади (Equine Assisted Psychotherapy (EAP), Equine Facilitated Psychotherapy (EFP)), консультирование с участием лошади (Equine-Assisted Counseling (EAC)); личностный рост и обучение с участием лошади, включающие технологии коучинга, социально-психологических и корпоративных тренингов (Equine-Assisted Learning (EAL), Equine-Assisted Growth and Learning (EAGL)). Структурируя различные задачи психологической работы во взаимодействии “человек—лошадь”, в ипповенции можно выделить области, соотносящиеся с обозначенными выше зарубежными “моделями”: психотерапевтическую (модели EAP или EFP), коррекционно-консультативную (модель EAC), социально-психологическую (тренинги, коучинг; модель EAL) и образовательно-педагогическую (или иппопедагогическую; модель EAGL) области.

В определенном смысле ипповенцию можно отнести к анималотерапии как к более широкой сфере, поскольку многие проблемы, которые решаются в сессиях с участием домашних животных [8], являются общими для психотерапевтического взаимодействия с лошадьми. В то же время включение лошади в психотерапевтические или развивающие программы имеет свою специфику. Это в первую очередь непосредственное пребывание лошади в природной среде, в своем пространстве, вследствие чего для взаимодействия с лошадью человек должен переходить в ее пусть даже антропогенное пространство (например, пространственно-предметная среда конюшни). Большие размеры, физическая сила и некоторые психологические видовые особенности поведения лошади также обуславливают необходимость разрабатывать специфические для ипповенции технологии. Принципиально важным является то, что лошади — высокосоциальные животные, причем социальные отношения в лошадином табуне обнаруживают много параллелей

с человеческим социумом. Кроме того, восприятие образа лошади, глубоко архаичного и многостороннего по своей семантике, затрагивая когнитивно-символический уровень психики человека, открывает возможности развивать в ипповенции техники арт-терапии [4]. Таким образом, можно констатировать, что особенности лошади как животного, неразрывно связанного с природой и при этом являющегося многозначным символом культуры, задают для ипповенции возможности ее развития в эко-арт-терапевтическом направлении психологии [3].

Нарастающий в России интерес к ипповенции и экстенсивно распространяющиеся практики [5; 13] приводят к необходимости развития системы профессиональной подготовки специалистов по ипповенции (психотерапевтов, психологов, педагогов), строящейся на научных принципах и соответствующем методологическом основании.

В зарубежных исследованиях представлены различные подходы к осмыслению психотерапевтического взаимодействия “человек—лошадь”: ортодоксальный и юнгианский психоанализ [6], гештальт-подход [22; 27], личностно-центрированный [19], экзистенциально-интегративный [21], средовой [26] подходы и др. Такое концептуальное разнообразие объясняется многообразием конкретных психологических задач, которые ставятся и решаются с помощью коммуникативных взаимодействий человека с лошадью. При этом в анализе теоретических обоснований этих разных моделей и техник выявляется ряд противоречий. Практическая реализация большей части этих задач строится в гносеологической парадигме, в рамках которой лошадь для человека выступает как объект его действий либо человек “субъективизирует” лошадь (наделяет ее “человеческими” личностными качествами). В то же время существует точка зрения, предполагающая, что лошадь по своей природе наделена субъектностью в поведении и отношениях, что соответствует онтологической парадигме анализа взаимодействий в системе “человек—лошадь”. Таким образом, разные задачи психотерапевтических и развивающих взаимодействий с лошадью эксплицируются в зарубежных исследованиях в логике разных подходов, а ипповенция как целостная система предполагает использование единой концептуальной модели, которая позволила бы ставить и решать эти разнообразные задачи, опираясь на единые теоретико-методологические основания. Такой концептуальной моделью, на наш взгляд, может выступать экпсихологический подход к развитию психики [10; 12], в рамках которого выделены

экопсихологические типы взаимодействий в системе “индивид—среда”, обозначенные позднее как “экопсихологическая модель субъект-средовых взаимодействий”. Отличительной особенностью этих типов взаимодействий является их инвариантный (универсальный) характер по отношению к разным видам окружающей среды и ее субъектам, в том числе к описанию и анализу коммуникативных взаимодействий в межвидовой группе “человек — домашнее животное (собаки и кошки)” [9—11]. Мы полагаем, что отношение человека с лошадью (и к лошади) в разных областях ипповенции также может быть рассмотрено и понято в контексте экопсихологической модели субъект-средовых взаимодействий, что позволяет выйти за границы гносеологической парадигмы и понять механизм отношений “человек—лошадь” как целостного онтологического субъекта.

ОТНОШЕНИЕ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ” В ТЕХНИКАХ ИППОВЕНЦИИ: ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ

Методологическим результатом разработки экопсихологического подхода к развитию психики является расширение понимания психики как объекта и предмета научного исследования: от традиционной в психологии гносеологической парадигмы, где объектом исследования выступает психическая реальность, являющаяся данностью или функцией некоего субъекта (человека или животного), к онтологической парадигме, где в роли субъекта порождения исследуемых психических реальностей может выступать система отношений “человек—среда” [12]. В этом контексте взаимодействие “человек (клиент) — лошадь” в ипповенции можно анализировать как с позиций феноменологической данности психических процессов (состояний, сознания, способностей и поведения) человека и лошади в их контактах, так и с позиций отношений “человек—лошадь” как целостного онтологического субъекта при условии субъект-порождающего и субъект-совместного типов взаимодействия.

Отношения “человек—лошадь” с позиций гносеологической парадигмы анализируются в контексте “использования” природных особенностей лошади как средства, которое дает возможность человеку, испытывающему определенные психологические проблемы, получить необходимый опыт (ощущения, эмоции, образы, переживания и т.п.) для личностного развития и гармонизации.

Большинство зарубежных подходов к пониманию механизмов психотерапевтического и развивающего отношения “человек—лошадь” находятся скорее в рамках гносеологической парадигмы. Многие исследователи отмечают, что переживание тактильности, например, при чистке лошади может помочь человеку излечить эмоциональные и сенсорно-моторные нарушения [14]. Распространенным также является указание на то, что лошадь в силу видовых особенностей умеет точно интерпретировать внешние сигналы и находится в настоящем моменте [18; 23]. Постоянное пребывание лошади в состоянии “здесь и теперь” в сочетании с ее высокой реактивностью и чуткостью к невербальным выражениям эмоций значительно в психотерапевтических программах, включающих экспериментирование с регуляцией состояний и поведения, в частности, реализующихся с позиций гештальт-терапевтического подхода [22; 27]. Общепринята позиция, что уникальный опыт взаимодействия с большим животным может помочь людям побороть страх, развить эмпатию и уверенность в себе, что позволяет гармонизировать отношения с другими людьми [28]. Размеры лошади, производя особенное впечатление на человека, дают возможность исследовать основы проблем, связанных с уязвимостью, силой и контролем [23], а развитие способности управлять большим и мощным животным может помочь людям, перенесшим насилие, обрести чувство успешности и управления окружением [25].

Онтологическая парадигма в анализе отношений “человек—лошадь” исходит из признания того, что лошади, как и человеку, присуща субъектность, в которой выражается творческая природа психики.

Взаимодействие человека и лошади, которое определяется функциями обоих участников такой межвидовой группы, может преобразоваться в качественно иную психологическую структуру, обеспечивающую психологический контакт между человеком и лошадью как представителями разных видов и через взаимопонимание способствующую взаиморазвитию. Превращение отношений “человек—лошадь” в “целостного онтологического субъекта” происходит в условиях диалога, направленного на желание понять “другого”, иной внутренний мир, иное восприятие. В таком диалоге вырабатывается новая общая система коммуникативных знаков и значений. Таким образом, отношения “человек—лошадь” можно рассматривать как межвидовую группу, если она «...использует свой “язык”, устанавливает свои правила взаимодействия, и в этом смысле также является совокупным субъектом совместного развития» [10, с. 256].

ТЕХНИКИ ИППОВЕНЦИИ КАК ЭКОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ “ЧЕЛОВЕК—ЛОШАДЬ”

Экопсихологические типы взаимодействия универсальны, они включают шесть базовых типов: объект-объектный, субъект-объектный, объект-субъектный и субъект-субъектный, состоящий из субъект-обособленного, субъект-совместного (полисубъекта) и субъект-порождающего. Эти типы могут быть применимы к взаимодействию человека и лошади как частному случаю межвидового взаимодействия. При этом надо понимать, что не каждый тип взаимодействия будет способствовать установлению межвидовой группы “человек—лошадь”, однако в каждом экопсихологическом типе взаимодействия можно выделить психотерапевтический и развивающий потенциал, который может быть реализован в определенных (психодиагностических, психокоррекционных, развивающих) техниках ипповенции.

Объект-объектный тип взаимодействия “человек—лошадь” в ипповенции состоит в том, что ни человек (клиент), ни лошадь не реализуют в отношении друг друга целенаправленного поведения. Например, человек смотрит на лошадь, лошадь также видит или замечает человека. Такая ситуация может характеризовать начальный этап психотерапии с участием лошади, когда клиент только осваивается в пространстве и отношениях. Эта ситуация соотносится с техниками наблюдения за лошадью или табуном, как правило, свободно пасущимися на некотором расстоянии на своей территории. Такое наблюдение может сопровождаться беседой, обсуждением запроса. Для психолога в работе с клиентом объектом является рефлексия состояний, ассоциаций, возникающих в “пространстве с лошадьми”.

По мере своего развития клиент может быть готов к более активному взаимодействию с лошадью, установлению с ней непосредственного контакта. Как правило, это выражается в желании “познакомиться с лошадью”: человек подходит к лошади либо лошадь проявляет любопытство и подходит к человеку, который ощущает готовность к такому контакту. Одним из вариантов трансформации объект-объектного типа взаимодействия “человек—лошадь” может быть переход на **объект-субъектный тип взаимодействия**. При таком типе взаимодействия лошадь, например, обнюхивает, ошупывает, изучает человека. При этом клиент в практике ипповенции может быть еще не готов проявлять собственную активность, демонстрируя неуверенность, а также может сообщать о состояниях страха,

тревоги, неуверенности, своих опасениях. На этом этапе он нуждается в поддержке, “присутствии” терапевта. Ощущение себя объектом внимания и активности лошади может актуализировать скомпенсированные ранее травматичный опыт, невротические образования и комплексы. Если такой тип взаимодействия с лошадью в ипповенции затягивается на несколько встреч, это означает достаточно серьезные проблемы психотерапевтического характера и указывает на то, что “движение” к следующим типам взаимодействия нельзя форсировать. К объект-субъектному типу также можно отнести ситуации, когда лошадь манипулирует человеком, выпрашивая угощение. В этом случае можно обсуждать с клиентом восприятие им своей “объектной” позиции в межличностных отношениях, которая в опыте контакта с лошадью выступает яркой метафорой.

Субъект-объектный тип является, пожалуй, наиболее распространенным в практике взаимодействия человека с лошадью. Сюда относятся все варианты воздействия человека на лошадь, которая принимает это воздействие, подчиняясь, не проявляя каким-либо образом ответной агрессии или сопротивления. Техники, которые равно относятся к ипповенции и к обычной повседневной практике ухода и тренинга лошади, могут представлять собой чистку, кормление, другие варианты ухода, украшение, седловку и управление лошадью при обучении верховой езде (психотерапевтической верховой езде), отработку с дрессированной лошадью навыков и приемов, которые она знает, и пр. К комплексным практикам ипповенции, реализующим субъект-объектный тип взаимодействия с лошадью, можно, таким образом, отнести “терапию средой конюшни” [26]. Сюда же относятся “Семь игр Пата Парелли”, применяемые с целью освоения клиентом навыков невербального воздействия на лошадь, стимулирования ее к определенным движениям. При этом уже может возникать устойчивая межвидовая группа, по крайней мере пока каждый участник взаимодействия так или иначе удовлетворяет потребности другого. Например, человек угощает лошадь при правильном выполнении команды, гладит и приятно почесывает, что ее вполне устраивает, и она готова выполнять команды без сопротивления. В данном случае с точки зрения экопсихологического подхода также еще нельзя говорить о наличии психологического контакта клиента с лошадью, особенно если до этого у них не было устойчивых взаимоотношений либо у лошади нет потребности в этом контакте с человеком (она его не запоминает и никак не выделяет среди прочих людей), что бывает обычно при единичных или редких нерегулярных

“встречах” клиента с лошадью. Несмотря на это, в реализации всех обозначенных техник, относящихся к субъект-объектному типу взаимодействия, мы можем ожидать развития серьезной положительной психологической динамики в ипповенции у клиента.

Психологическим механизмом такого личностного развития является феномен субъектификации природных объектов [2], который по отношению к лошади может быть представлен в рамках “социальной атрибуции” (“считать субъектом”, “относиться как к субъекту”, “поступать как с субъектом”). Такое восприятие человеком лошади как субъективно значимого “другого”, способного переживать те же чувства, понимать, сопереживать, оценивать, помогать и подсказывать, и представляет собой механизм субъектификации, который, разворачиваясь в сознании человека, позволяет осуществлять процессы идентификации и социальной рефлексии во взаимодействии с лошадью, используя полученный опыт для коррекции и развития самосознания и разных уровней отношений: самоотношения, отношений в социальных группах, отношения к миру природы и к обществу.

С.Д. Дерябо выделил два вида субъектификации. Первый — “автосубъектификация”, когда процесс атрибуции субъектности природному объекту (в нашем случае лошади) инициируется самим человеком. Например, у подростка, пришедшего в конно-спортивную школу, часто можно наблюдать субъектификацию своей лошади, что может мешать устанавливать с ней эффективное взаимодействие в спортивной деятельности. Такой спортсмен может ожидать от своей лошади понимания и поддержки, в том числе в своих спортивных планах; обижаться, злиться на лошадь в случае поражения на соревнованиях. В спортивной деятельности субъектификация лошади не может, таким образом, рассматриваться как полезный или эффективный механизм, позволяющий выстроить адекватные рабочие отношения с лошадью как с животным другого вида и при этом спортивным партнером. Субъектификация лошади может выполнять лишь психотерапевтические функции, компенсируя для спортсмена нерешенные проблемы внутри- и межличностного характера.

Второй вид — “трансубъектификацию” (когда процесс инициируется другими людьми) — в ипповенции можно рассматривать как инструмент работы психотерапевта (психолога, педагога) с клиентом. Задача психолога в ипповенции как раз и состоит в том, чтобы в повседневных взаимодействиях с лошадью, связанных с уходом за ней или ее тренингом, целенаправленно способствовать

развитию у клиента такого механизма субъектификации лошади.

В проведенном нами формирующем эксперименте по апробации психологического тренинга с участием лошадей, направленного на личностное развитие и повышение психологического благополучия, было показано, что показатели “управление собой”, “человек как открытая система”, “позитивные отношения” и “самопринятие” выросли во взаимосвязи с ростом показателей субъектификации лошади (переживанием личностью ее динамики на основе установления параллелизма характеристик лошади со своими собственными, восприятием лошади в качестве фактора, опосредствующего построение личностью ее отношений к миру, и восприятием лошади как субъекта совместной деятельности) [4]. Кроме того, наш опыт показывает, что феномен субъектификации может быть актуализирован у клиента не только в контакте с реальной лошадью, но также и с образами лошади при работе с метафорическими фотокартами [Там же]. Например, когда клиенту при закрытом выборе выпадает какой-либо образ лошади, он практически всегда воспринимается как проекция его текущего состояния или актуального запроса, что может ему подсказать, помочь понять и решить что-то важное для себя. Субъектификация лошади, таким образом, выполняет важные для психотерапии и развития личности функции, обуславливая переход на субъект-субъектный уровень отношений “человек—лошадь”.

В субъект-субъектных отношениях реализация субъектной функции человеком, который имеет свои мотивы, цели, намерения в построении отношений с лошадью, подразумевает учет субъектной позиции и лошади. Человек признает за ней право быть субъектом (иметь свои потребности, желания, мотивы и выборы) либо создает в отношениях с лошадью условия развития ее субъектности через “диалог”. Такая позиция по отношению к лошади получает широкое распространение в зарубежных технологиях психотерапии с лошадьми, где в качестве основных позиций этического кодекса отмечается соблюдение “пяти свобод” (эти правила включены во Всемирную декларацию благополучия животных (Universal Declaration on Animal Welfare) с 2006 г.). Важным критерием психотерапевтической лошади также выступает ее качество “субъектности” (agency). Традиция признавать за лошадью субъектное начало в отношениях с человеком была заложена в практиках Natural Horsemanship (NH), которые имеют все больше последователей. Проблема свободы и контроля в таких практиках отношений “человек—лошадь” активно

обсуждается [16]. Однако признание и соблюдение субъектности и свободы лошади конфликтуют с возможностью управлять ею в целях своей деятельности, когда, например, клиент приходит на психотерапию, а лошадь не имеет желания с ним контактировать.

С позиций экопсихологического подхода к развитию психики субъект-субъектный экопсихологический тип взаимодействия “человек—лошадь” может реализовываться в различных вариантах, которые относятся к онтологической парадигме развития психики, поскольку всегда подразумевается порождение новых форм психической реальности, получающих свое развитие в самом процессе этого взаимодействия, включая конфликтные, сложные и кризисные этапы этой психологической динамики.

Субъект-обособленный тип взаимодействия характеризуется тем, что человек и лошадь, преследуя свои цели, целенаправленно вызывают друг в друге определенные состояния. Проявляя субъектность, лошадь может угрожать человеку, не подчиняться, сопротивляться, уходить, не желая контактировать с человеком, либо пытаться занять доминирующее положение, воспринимая человека как члена табуна. Человек, в свою очередь, будет пытаться дисциплинировать лошадь, наказывать, настаивать на своем либо подкупать угощением. Такой тип взаимодействия может проявляться в конфликтах с животным, которые могут иметь разные происхождение и проявления [9], не всегда являясь “конструктивными”, выражаясь часто в борьбе, противостоянии. Личностного развития в таком взаимодействии не происходит, однако ситуации субъект-обособленного типа взаимодействия в ипповенции могут выступать для клиента метафорой, важной для проработки проблем психологических границ и личного пространства, а также условием для развития навыков саморегуляции состояний и рефлексии своих внутренних конфликтов.

В субъект-совместном (полисубъектном) типе взаимодействия возможен двусторонний психологический контакт и образование устойчивой межвидовой группы. Человек в отношении к лошади удовлетворяет ее потребности. Чтобы хорошо и ответственно заботиться о лошади, необходимо правильное (ненадуманное) понимание ее реальных потребностей: знание ее анатомии, физиологии, психологии. Лошадь же удовлетворяет потребности или мотивы человека, например, в том, чтобы чувствовать себя владельцем престижной лошади, исполнить детскую мечту иметь лошадь, благодаря лошади организовывать свой досуг и общение с другими любителями лошадей, заниматься конным спортом и пр. В разных ситуациях возможны

переходы из полисубъектного типа взаимодействия к субъект-обособленным отношениям и обратно.

В практиках ипповенции полисубъектный вид взаимодействия клиента с лошадью несет в себе развивающую функцию в отношении экологического сознания, обретения опыта принимающего и ответственного отношения к “другому”, понимания и соблюдения психологических границ при условии переноса опыта отношений с лошадью на отношения в социуме. Например, в программах психологического сопровождения семей с детьми групп риска или расстройствами аутистического спектра родители могут, обретая опыт понимания иного восприятия отношений и информации лошадью, поняв и приняв с интересом этот “другой мир”, перенести этот опыт на отношение со своим “другим” ребенком, воспринимая его с большим принятием и пониманием. Через развитие понимания лошади как представителя другого вида животных, базирующегося на уважении ее потребностей, в том числе потребности быть собой и проявлять собственное субъектное начало, клиент получает возможность проецировать этот опыт на понимание психологии отношений в человеческом социуме, а также на себя (свое Я), развивая самопринятие, самоуважение и внутреннюю интеграцию. Соответственно, специалист по ипповенции (в данном случае это может быть психотерапевт, психолог или педагог) при разработке и организации развивающих или коррекционных программ большее внимание в рамках данного типа взаимодействия “человек—лошадь” уделяет механизмам рефлексии, проекции, обучающим методам, реализующимся через беседы, совместные обсуждения и дискуссии, письменные или устные эссе, развернутую обратную связь и осознание личностной динамики. Техники ипповенции субъект-совместного или полисубъектного типа взаимодействия с лошадью могут реализовываться и как арт-методы, например задания по выполнению фотопроекта в пространстве и контакте с лошадью с последующей его презентацией и обсуждением в группе своего опыта. В качестве примера также можно привести программу коррекции детско-родительских отношений “Контроль и доверие” [24]. В данной программе получение участниками опыта принятия субъектной позиции лошади во взаимодействии с ней приводило к обсуждению вопросов степени контроля, баланса контроля и доверия, и полученные инсайты транслировались родителем на отношение к своему ребенку, также включенному в эти терапевтические отношения.

Содержание **субъект-порождающего типа взаимодействия** человека и лошади состоит в том, что

“...изменение психического состояния одного члена межвидовой группы происходит как изменение состояния системы в целом посредством ее превращения в субъекта совместного действия или развития” [10, с. 255]. В инактивном подходе когнитивные психологи считают, что для субъект-субъектного взаимодействия порождающего типа ключевым условием является способность взаимодействующих социальных субъектов согласовывать свои действия, как минимум, на уровне движения. В результате таких социальных взаимодействий развивается не только индивидуальная субъектность, но и сама система взаимодействия, порождаются новые смыслы, значения, нормы [20]. Ярким примером такого взаимодействия выступает игра с лошадью. В развитии и углублении отношений с лошадью игра не выступает самоцелью, она возникает как новый качественный результат этих отношений, своего рода психическое новообразование. Совместная игра лошади и человека строится на чувстве глубокого понимания, принятия друг друга и взаимного доверия. Игра с лошадью сродни танцу, в котором общение также приобретает характер спонтанного символического взаимодействия.

В игре происходит не только выплеск энергии, но и развитие психики, ума, поскольку у лошади очень сильна потребность в развитии, освоении новых навыков. Специалисты отмечают, что чем лошадь “умнее” и благополучнее, тем больше у нее развита потребность в игре. Благополучие лошади обеспечивают обозначенные выше нормативные требования к ее содержанию (“пяти свобод” и субъектности). Что касается “ума”, то речь тут идет и о природном интеллекте как предпосылке развития умственных способностей, и о продукте развития этих способностей в созданных для лошади условиях как природной, так и культурной (человеческой) среды. Это так называемая двойная социализация: во-первых, “табунная”, во внутривидовых отношениях, где получает реализацию и развитие природное начало лошади, дающее основу самовыражения и субъектности (агентности), и, во-вторых, “культурная” социализация в отношениях с человеком, где лошадь интериоризует нормы и способы взаимодействия в человеческом социуме. “Социализированность” лошади, которая является необходимым требованием для межвидового взаимодействия с ней, состоит, как минимум, в том, что она не должна отождествлять человека с лошадьми и должна, соответственно, уметь соблюдать безопасную дистанцию, адекватно регулировать свои действия, понимать знаково-символические формы взаимодействия с человеком. У лошади должна быть потребность не только выражать

себя и контактировать со значимым человеком (как реализация ее субъектности), но и развиваться во взаимодействии с человеком. Такая потребность от природы заложена в психике лошади, но лишь во взаимодействии с человеком, обеспечивающем ей соответствующие средовые условия, потребность в развитии может получить свою реализацию. Эту особенность лошади обнаружил и описал в 30-е годы XX в. Ф.А. Любимов в своих опытах по обучению кавалерийских лошадей счету и буквам [7]. В середине XX в. Генри Блейк установил и описал, что лошадь способна выстраивать дифференцированную систему коммуникации, используя разный “язык” не только “для лошадей” и “человека”, но и в зависимости от конкретных средовых условий, в которых она проходила социализацию [17]. Современные исследования экспериментально подтвердили, что лошади способны связывать абстрактные символы с конкретным результатом, различать абстрактные геометрические фигуры (в том числе при вращении), понимать концепции отношения (больше, меньше, одинаковый) [28]. Важно при этом, что указанный интеллектуальный потенциал лошади может развиваться только в специально организованных средовых условиях взаимодействия с человеком, причем преимущественно посредством игры.

Не может быть никаких универсальных приемов развития отношений в виде игры с лошадью: каждая лошадь играет по-своему, это всегда неопределенность и спонтанность. Для этого нужно понять данную конкретную лошадь, увидеть внутренние причины особенностей ее поведения и реализации потребностей в общении (например, она может демонстрировать агрессию, пугать, покусывать, хулиганить, отбирать вещи, показывать язык, стучать копытом, вытягивать ногу и т.п.). Поняв, что за этим стоит нереализованная потребность в общении, неумело или неадекватно выражаемая, человек может предложить “культурные” средства для выражения и удовлетворения этой потребности, создавая игру и углубляя свой контакт с лошадью. При этом часто в повседневной практике традиционного отношения к лошади закрепились стереотипы, преодоление которых в субъект-порождающем взаимодействии подразумевает реализацию человеком внутренней свободы и творчества. Признаками внутренне свободной и творческой позиции в отношении с лошадью являются восхищение, любование, нескрываемая радость, свободно проявляемая и выражаемая во взаимодействии с ней. Развивая игру с лошадью, мы формируем отношение “человек—лошадь” как новую функциональную систему: самоорганизующуюся, саморегулирующуюся и способствующую достижению

совместного результата действия. То есть выход в отношениях “человек—лошадь” на уровень субъект-порождающего типа взаимодействия подразумевает творческую позицию развития и саморазвития участников этой межвидовой группы. Развитие потребности в игре с лошадью у человека подразумевает, что он должен быть внутренне целостным, гармоничным и раскрепощенным в общении. У человека должны быть развиты эмпатия (эмоциональная и кинестетическая), эмоциональный интеллект, способность к самоконтролю и саморегуляции, внутренняя свобода. Человеку в личностном развитии часто на этот уровень нужно “выйти”, нужна внутренняя трансформация, “путь”, и недаром термин “ипповенция” в нашей несколько трансформированной дефиниции — это “путь к лошади”.

ВЫВОДЫ

Понимание механизмов психологической динамики при взаимодействии “человек—лошадь” с позиций методологии экопсихологического подхода к развитию психики позволяет выстроить все многообразие возможных техник и вариантов ипповенции в рамках универсальной модели, базирующейся на ряде положений: 1) постулирование психики как формы бытия, фундаментальной особенностью которой является творческая природа развития (что относится как к человеку, так и к лошади); 2) представление об экопсихологических типах взаимодействия в понимании механизмов психотерапевтических отношений “человек—лошадь”; 3) преодоление ограничений гносеологической парадигмы в понимании психологических эффектов ипповенции и выход на онтологический уровень понимания механизма психической динамики как продукта субъект-порождающего взаимодействия “человек—лошадь”. Таким образом, методология экопсихологического подхода к развитию психики позволяет рассматривать ипповенцию как целостную систему, построенную на едином теоретическом основании для разных задач психотерапевтического и развивающего взаимодействия “человек—лошадь”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Газизов К.К., Лопухова О.Г. Ипповенция — психологическая коррекция и развитие личности с помощью лошади // Журнал “Иппотерапия”. Вестник Национальной федерации иппотерапии и адаптивного конного спорта. 2016. № 2 (4). С. 24–27.
2. Дерябо С.Д. Антропоморфизация природных объектов // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 61–69.
3. Копытин А.И. Концептуальные основы эко-арт-терапии // Медицинская психология в России. 2019. Т. 11. № 1. С. 4.
4. Лопухова О.Г., Газизов К.К. Психотерапия и обучение с участием лошади: теория, практика и связь с экопсихологией // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. 2020. Т. 1. № 1. С. 67–78.
5. Лопухова О.Г., Газизов К.К., Аболищ А.С. “Ипповенция” как реализация экопсихологического подхода в психотерапии и развитии личности // Экспсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: Сборник научных статей / отв. ред. В.И. Панов. М.: ФГБНУ “Психологический институт РАО”; Курск: Университетская книга, 2020. С. 146–150.
6. Лошадь в психотерапии, иппотерапии и лечебной педагогике: Учебные материалы и исследования немецкого кураториума по терапевтической групповой езде: Пер с нем.: В 3 ч. Ч. 2. М.: Конноспортивный клуб инвалидов, 2003.
7. Любимов Ф.А. Зоопсихология как основа обучения лошади. М.: ГорКа, 2005.
8. Никольская А.В., Костригин А.А. Эффективность использования анималотерапии в когнитивно-поведенческой терапии: психотерапевтические кейсы // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 4. С. 149–164.
9. Никольская А.В., Панов В.И. Возможность конструктивного конфликта в межвидовой группе “человек — домашнее животное” // Психология конструктивной конфликтности личности / Под ред. А.В. Карпова, М.М. Кашапова. Ярославль: Канцлер, 2013. С. 84–111.
10. Панов В.И. Экопсихология: Парадигмальный поиск. М.; Психологический институт РАО; СПб.: Нестор-История, 2014.
11. Панов В.И. Коммуникативные взаимодействия в межвидовой группе “человек — домашнее животное” в контексте экопсихологических типов взаимодействий // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9. № 1. С. 60–70.
12. Панов В.И. Экопсихология развития: гносеологическая и онтологическая парадигмы // Познание и переживание. 2020. Т. 1. № 1. С. 38–54.
13. Рабаданова Р.С., Новиков А.В., Виноградова М.К., Слабкая Д.Н. Ипповенция как действенный практический метод психолого-педагогического воздействия в современном обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 2 А. С. 317–324.
14. Vachl K., Terkel J., Teichman M. Equine-facilitated psychotherapy for at-risk adolescents: The influence on

- self-image, self-control and trust // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2012. V. 17. № 2. P. 298–312.
15. *Bareiss H.-J.* Therapeutische Mensch-Pferd-Interaktion (TMPI). Grundzuege eines ganzheitlichen und mehrdimensionalen Strukturmodells // *Praxis der Psychomotorik: Zeitschrift für Bewegungs und Entwicklungsförderung*. 1996. V. 21. № 2. P. 93–98.
  16. *Birke L.* Talking about horses: control and freedom in the world of “natural horsemanship” // *Society and Animals*. 2008. № 16. P. 107–126.
  17. *Blake H.N.* Talking with horses: A study of communication between man and horse. L.: Souvenir Press, 1975.
  18. *Brandt C.* Equine-facilitated psychotherapy as a complementary treatment intervention // *The Practitioner Scholar: Journal of Counseling and Professional Psychology*. 2013. V. 2. № 1. P. 23–42.
  19. *Chardonnens E.* The use of animals as co-therapists on a farm: The child-horse bond in person-centered equine-assisted psychotherapy // *Person-Centered and Experiential Psychotherapies*. 2009. № 8. P. 319–332.
  20. *De Jaegher H., Froese T.* On the role of social interaction in individual agency // *Adaptive Behavior*. 2009. V. 17. № 5. P. 444–460.
  21. *Lac V.* Horsing around: gestalt equine psychotherapy as humanistic play therapy // *Journal of Humanistic Psychology*. 2016. V. 56. № 2. P. 194–209.
  22. *Lac V.* Amy’s story: an existential-integrative equine-facilitated psychotherapy approach to anorexia nervosa // *Journal of Humanistic Psychology*. 2017. V. 57. № 3. P. 301–312.
  23. *Lentini J.A., Knox M.A.* Qualitative and quantitative review of equine facilitated psychotherapy (EFP) with children and adolescents // *The Open Complementary Medicine Journal*. 2009. V. 1. № 1. P. 51–57.
  24. *Lopukhova O.G.* Correction of parent-child relationship through Equine assisted learning “Control and Trust” // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (IFTE 2017 — III International Forum on Teacher Education)*. 2017. P. 485–493.
  25. *Kemp K. et al.* Equine facilitated therapy with children and adolescents who have been sexually abused: A program evaluation study // *Journal of child and family studies*. 2014. V. 23. № 3. P. 558–566.
  26. *Kern-Godal A., Arnevik E.* More than just a break from treatment: How substance use disorder patients experience the stable environment in horse-assisted therapy // *Substance Abuse: Research and Treatment*. 2016. № 10. P. 99–108.
  27. *Kirby M.* Gestalt equine psychotherapy // *Gestalt journal of Australia and New Zealand*. 2010. V. 6. № 2. P. 60–68.
  28. *Trotter K.S., Chandler C.K., Goodwin-Bond D., Casey J.* A comparative study of the efficacy of group equine assisted counseling with at-risk children and adolescents // *Journal of creativity in mental health and social care in the community*. 2008. V. 3. № 3. P. 254–284.

HUMAN-HORSE INTERACTIONS IN HIPPOVENTION: ECOPSYCHOLOGICAL APPROACH TO PSYCHE DEVELOPMENT²

O. G. Lopukhova^{1,*}, V. I. Panov^{2,**}

¹*Kazan (Volga Region) Federal University;
420008, Kazan, Kremlyovskaya str., 18/1, Russia.*

²*Psychological Institution of Russian Academy of Education;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9–4, Russia.*

^{*}*PhD (Psychology), Associate Professor, Department of Educational Psychology,
Institute of Psychology and Education.*

^{**}*ScD (Psychology), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education,
Head of the Laboratory of Ecopsychology of Development and Psychodidactics.*

E-mail: ecovip@mail.ru

Received 09.01.2023

Abstract. Hippovention, as a direction of psychotherapeutic and personality-developing “Human—Horse” interaction, has been extensively developing in Russia in recent years. In foreign countries many different models (Equine Assisted Psychotherapy, Equine Facilitated Psychotherapy, Equine-Assisted Counseling, Equine-Assisted Growth and Learning, etc.), based on different theoretical approaches, represent similar practices.

² The work of O.G. Lopukhova was supported by the Kazan Federal University Strategic Academic Leadership Program (PRIORITY-2030).

The systematization of these models allows us to correlate them with certain functional tasks of hippovention as an integral system: psychotherapeutic, correctional and consultative, socio-psychological, educational and pedagogical. However, at the methodological level a contradiction is revealed. The practical implementation of most of these tasks is built in the epistemological paradigm, when a horse for a person acts as an object of his actions, or when a person “subjectifies” a horse (endows it with “human” personal qualities). At the same time, there is a position that horses are inherently endowed with agency in behavior and relationships, which corresponds to the ontological paradigm of analysis of interactions in the “Human–Horse” system. The solution to this contradiction, in our opinion, is possible from the standpoint of the Ecopsychological approach to psyche development (V.I. Panov) and the Ecopsychological Typology of Agent-Environment Interactions created in this approach. This approach is based on the idea of the creative nature of the psyche as a form of being, which finds its manifestation in the psychological capabilities of both humans and horses to act as agents of their own being and agents of social interactions. The analysis of the psychotherapeutic and developmental potential of Hippovention techniques in the context of the Basic Types of Ecopsychological Interactions “Human–Horse” (“Object-Object”, “Agent-Object”, “Object-Agent”, “Agent-isolated”, “Agent-joint” and “Agent-generating”) was carried out. It is concluded that the methodology of the Ecopsychological approach to the psyche development makes it possible to consider hippovention as a system of social interactions built on a single theoretical basis and allowing us to solve various psychotherapeutic and developmental tasks in the context of the “Human–Horse” relationship.

Keywords: ecopsychological approach, hippovention as a system, human–horse interactions, psychotherapy, agent-environment interactions, epistemological paradigm, ontological paradigm.

REFERENCES

1. *Gazizov K.K., Lopuhova O.G.* Ippovencija — psihologičeskaja korekcija i razvitie lichnosti s pomoshh'ju loshadi. *Zhurnal “Ippoterapija”*. Vestnik Nacional'noj federacii ippoterapii i adaptivnogo konnogo sporta. 2016. № 2 (4). P. 24–27.
2. *Derjabo S.D.* Antropomorfizacija prirodnyh ob#ektov. *Psikhologičeskii zhurnal*. 1995. V. 16. № 3. P. 61–69.
3. *Kopytin A.I.* Konceptual'nye osnovy jeko-art-terapii. *Medicinskaja psihologija v Rossii*. 2019. V. 11. № 1. P. 4.
4. *Lopuhova O.G., Gazizov K.K.* Psihoterapija i obuchenie s uchastiem loshadi: teorija, praktika i svjaz' s jekopsihologiej. *Jekopojezis: jekogumanitarnye teorija i praktika*. 2020. V. 1. № 1. P. 67–78.
5. *Lopuhova O.G., Gazizov K.K., Abolic A.S.* “Ippovencija” kak realizacija jekopsihologičeskogo podhoda v psihoterapii i razvitii lichnosti. *Jekopsihologičeskie issledovanija-6: jekologija detstva i psihologija ustojchivogo razvitija: sbornik nauchnyh statej*. Ed. V.I. Panov. Moscow: FGBNU “Psikhologičeskij institut RAO”; Kursk: Universitetskaja kniga, 2020. P. 146–150.
6. *Loshad' v psihoterapii, ippoterapii i lechebnoj pedagogike*. Uchebnye materialy i issledovanija nemeckogo kuratoriuma po terapevtičeskoj gruppovoj ezde. Trans. from Germ. V treh chastjah. Ch. 2. Moscow: Konnosportivnyj klub invalidov. 2003.
7. *Ljubimov F.A.* Zoopsihologija kak osnova obuchenija loshadi. Moscow: GorKa, 2005.
8. *Nikol'skaja A.V., Kostrigin A.A.* Jefferektivnost' ispol'zovanija animaloterapii v kognitivno-povedenčeskoj terapii: psihoterapevtičeskie kejsy. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija*. 2019. V. 27. № 4. P. 149–164.
9. *Nikol'skaja A.V., Panov V.I.* Vozmožnost' konstruktivnogo konflikta v mezhhvidovoj gruppe “chelovek — domashnee zhivotnoe”. *Psihologija konstruktivnoj konfliktnosti lichnosti*. Eds. A.V. Karpov, M.M. Kashapov. Jaroslavl': Kancler, 2013. P. 84–111.
10. *Panov V.I.* *Jekopsihologija: Paradigmal'nyj poisk*. Moscow; Psikhologičeskij institut RAO; Saint-Petersburg: Nestor-Istorija, 2014.
11. *Panov V.I.* Kommunikativnye vzaimodejstvija v mezhhvidovoj gruppe “chelovek — domashnee zhivotnoe” v kontekste jekopsihologičeskikh tipov vzaimodejstvij. *Teoretičeskaja i jeksperimental'naja psihologija*. 2016. V. 9. № 1. P. 60–70.
12. *Panov V.I.* *Jekopsihologija razvitija: gnoseologičeskaja i ontologičeskaja paradigmy. Poznanie i perezhivanie*. 2020. V. 1. № 1. P. 38–54.
13. *Rabadanova R.S., Novikov A.V., Vinogradova M.K., Slabkaja D.N.* Ippovencija kak dejstvennyj praktičeskij metod psihologo-pedagogičeskogo vozdejstvija v sovremennom obshhestve. *Psihologija. Istoriko-kritičeskie obzory i sovremennye issledovanija*. 2022. V. 11. № 2 A. P. 317–324.
14. *Bachi K., Terkel J., Teichman M.* Equine-facilitated psychotherapy for at-risk adolescents: The influence on self-image, self-control and trust. *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2012. V. 17. № 2. P. 298–312.
15. *Bareiss H.-J.* Therapeutische Mensch-Pferd-Interaktion (TMPI). Grundzuege eines ganzheitlichen und mehrdimensionalen Strukturmodells. *Praxis der Psychomotorik: Zeitschrift für Bewegungs- und Entwicklungsförderung*. 1996. V. 21. № 2. R. 93–98.
16. *Birke L.* Talking about horses: control and freedom in the world of “natural horsemanship”. *Society and Animals*. 2008. № 16. P. 107–126.

17. *Blake H.N.* Talking with horses: A study of communication between man and horse. London: Souvenir Press, 1975.
18. *Brandt C.* Equine-facilitated psychotherapy as a complementary treatment intervention. *The Practitioner Scholar: Journal of Counseling and Professional Psychology*. 2013. V. 2. № 1. P. 23–42.
19. *Chardonens E.* The use of animals as co-therapists on a farm: The child-horse bond in person-centered equine-assisted psychotherapy. *Person-Centered and Experiential Psychotherapies*. 2009. № 8. P. 319–332.
20. *De Jaegher H., Froese T.* On the role of social interaction in individual agency. *Adaptive Behavior*. 2009. V. 17. № 5. P. 444–460.
21. *Lac V.* Horsing around: gestalt equine psychotherapy as humanistic play therapy. *Journal of Humanistic Psychology*. 2016. V. 56. № 2. P. 194–209.
22. *Lac V.* Amy’s story: an existential-integrative equine-facilitated psychotherapy approach to anorexia nervosa. *Journal of Humanistic Psychology*. 2017. V. 57. № 3. P. 301–312.
23. *Lentini J.A., Knox M.A.* Qualitative and quantitative review of equine facilitated psychotherapy (EFP) with children and adolescents. *The Open Complementary Medicine Journal*. 2009. V. 1. № 1. P. 51–57.
24. *Lopukhova O.G.* Correction of parent-child relationship through Equine assisted learning “Control and Trust”. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (IFTE 2017 — III International Forum on Teacher Education)*. 2017. P. 485–493.
25. *Kemp K. et al.* Equine facilitated therapy with children and adolescents who have been sexually abused: A program evaluation study. *Journal of child and family studies*. 2014. V. 23. № 3. P. 558–566.
26. *Kern-Godal A., Arnevik E.* More than just a break from treatment: How substance use disorder patients experience the stable environment in horse-assisted therapy. *Substance Abuse: Research and Treatment*. 2016. № 10. P. 99–108.
27. *Kirby M.* Gestalt equine psychotherapy. *Gestalt journal of Australia and New Zealand*. 2010. V. 6. № 2. P. 60–68.
28. *Trotter K.S., Chandler C.K., Goodwin-Bond D., Casey J.* A comparative study of the efficacy of group equine assisted counseling with at-risk children and adolescents. *Journal of creativity in mental health and social care in the community*. 2008. V. 3. № 3. P. 254–284.

УДК 159.9.07

СВЯЗЬ ЦЕННОСТЕЙ И ПЛАНИРУЕМОГО ЭМИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ТРЕХ СТРАН. ЧАСТЬ II. МУЛЬТИГРУППОВОЙ АНАЛИЗ¹

© 2023 г. Н. В. Муращенко^{1,*}, В. В. Гриценко^{2,**}, М. Н. Ефременкова^{2,***}

¹ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»»;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

²ФГБОУ ВО Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

*Кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований.
E-mail: ncel@yandex.ru

**Доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Аспирант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования.

E-mail: mnetema@yandex.ru

Поступила 02.12.2022

Аннотация. В статье представлены результаты сравнительного анализа взаимосвязей компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи 18–25 лет из Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19,8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20,5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20,0). В первой части статьи в предыдущем номере журнала опубликованы результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника «Планируемое эмиграционное поведение», а также кросскультурного анализа выраженности компонентов планируемого эмиграционного поведения и ценностей, диагностированных с помощью сокращенной версии «Опросника портретных ценностей» Ш. Шварца («PVQ-21 — ESS»), у студентов трех стран. В данной части статьи обсуждаются результаты мультигруппового путевого анализа взаимосвязи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов — граждан Беларуси, Казахстана и России. Выявлены общие и культурно-специфические связи. Общекультурным трендом является невключенность ценностей Самопреодоления в процесс формирования планируемого эмиграционного поведения студенческой молодежи. У россиян ценности Самоутверждения положительно связаны с позитивными установками в отношении эмиграции, а ценности Открытости изменениям — с воспринимаемым контролем. У казахстанцев компоненты планируемого эмиграционного поведения положительно связаны с ценностями Самоутверждения (установки и воспринимаемые нормы) и низкой значимостью ценностей Сохранения (установки, воспринимаемый контроль, воспринимаемые нормы). У белорусов нивелирование значимости ценностей Сохранения позитивно связано с установками и воспринимаемыми нормами в отношении эмиграции.

Ключевые слова: теория планируемого поведения, модель планируемого эмиграционного поведения, эмиграционное намерение, индивидуальные ценности, студенческая молодежь, мультигрупповой анализ.

DOI: 10.31857/S020595920027084-8

ВВЕДЕНИЕ

В статье представлена вторая часть результатов научного исследования, целью которого стал сравнительный анализ связей компонентов планируемого эмиграционного поведения с ценностями у студенческой молодежи в различных социокультурных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросскультурный анализ»

контекстах. Первая часть результатов исследования опубликована в предыдущем номере журнала [4]: представлено обоснование актуальности и выборки исследования, проведен подробный теоретический обзор проблемы исследования, представлены результаты тестирования мультигрупповой модели авторского опросника “Планируемое эмиграционное поведение” и кросскультурного анализа выраженности ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов из Беларуси, Казахстана и России. В данной части статьи обсуждаются общие и культурно-специфические связи ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов из этих стран.

Ценности как фундаментальные психологические конструкты могут выступать основой, *психологической ресурсной базой для реализации эмиграционного поведения* [3]. Раскрытие *эмиграционного ресурсного потенциала ценностей* предполагает анализ их связи с теми факторами, которые оказывают наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений. Мы опираемся на теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [6; 12] и теорию планируемого поведения А. Айзена [8; 9]. Согласно теории планируемого поведения, факторами, оказывающими наибольшее влияние на развитие эмиграционных намерений, являются установки в отношении эмиграции, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль [8; 9]. Кросскультурный анализ связи данных факторов с индивидуальными ценностями молодежи из Беларуси, Казахстана и России будет способствовать более глубокому пониманию процесса формирования эмиграционной активности молодых граждан этих государств, а также позволит определить, какие из факторов эмиграционного намерения в большей степени подвержены влиянию индивидуальных ценностей у молодых россиян в сравнении с белорусами и казахстанцами.

В рамках данного исследования мы проверяем три гипотезы. Их теоретическое обоснование представлено в предыдущем номере журнала в первой части статьи [4]. Мы предполагаем, что:

1) аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции будут иметь положительные значимые связи с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, будет положительно связано с поведением по его реализации у студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России;

2) метаценности (Сохранения, Открытости изменениям, Самоутверждения и Самопреодоления) белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи будут иметь значимые связи

с такими факторами планируемого эмиграционного поведения, как аттитюды, воспринимаемый контроль и воспринимаемые нормы;

3) в различных социокультурных контекстах (у молодежи из Беларуси, Казахстана и России) связи между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения будут иметь свои особенности.

В связи с отсутствием предваряющих научных исследований по соответствующей проблематике мы не формулируем частные гипотезы относительно *особенностей* связей между ценностями и факторами планируемого эмиграционного поведения у разных культурных групп. Выводы об этих особенностях будут сделаны на основе эмпирических данных.

Проверка выдвинутых гипотез связана с решением эмпирических задач, предполагающих:

1) тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у белорусской, казахстанской и российской студенческой молодежи;

2) анализ общих и культурно-специфических особенностей связей индивидуальных ценностей и факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России.

МЕТОДИКА

Выборка исследования. Участниками исследования стали 658 русскоговорящих студентов университетов — граждан Беларуси ($n = 208$, 25% юношей, средний возраст — 19.8), Казахстана ($n = 200$, 26% юношей, средний возраст — 20.5) и России ($n = 250$, 25% юношей, средний возраст — 20.0) от 18 до 25 лет. Среди белорусских респондентов 94% идентифицировали себя как белорусы (по национальности), среди казахстанских — 54% отнесли себя к казахам, среди российских — 87% отнесли себя к русским. В онлайн-опросе приняли участие студенты гуманитарного, технического и экономического направлений обучения из белорусских университетов Витебска, Гродно и Минска, из казахстанских университетов Нур-Султана, Павлодара, Усть-Каменогорска и из российских университетов Москвы, Омска, Пензы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Хабаровска.

Процедура сбора данных. Анонимный онлайн-опрос проходил с января по апрель 2021 г. Для размещения онлайн-анкеты мы использовали платформу anketolog.ru. Рекрутировали респондентов

и распространяли ссылку на онлайн-анкету преподаватели, сотрудники и студенты университетов трех стран. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось.

Инструментарий исследования. Подробное описание используемых в исследовании опросников с показателями надежности шкал представлено в опубликованной в предыдущем номере журнала первой части статьи [4]. Для оценки компонентов планируемого эмиграционного поведения на основе рекомендаций, сформулированных в соответствии с базовыми положениями теории А. Айзена [7–10], был разработан авторский опросник “Планируемое эмиграционное поведение” [4]. Диагностика индивидуальных ценностей осуществлялась с помощью сокращенной версии “Опросника портретных ценностей” Ш. Шварца (“PVQ-21 — ESS”), разработанного для Европейского социального исследования [13]. Осуществлялось также измерение семи контрольных переменных. Респонденты указывали свой пол (1 — мужской, 2 — женский), возраст, количество иностранных языков, которыми они владеют, частоту выездов за границу, количество знакомых, друзей и родственников за границей, к которым они могли бы в случае необходимости обратиться за помощью. Материальное положение кодировалось от 1 (“на данный момент я испытываю значительные финансовые трудности”) до 4 (“мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать”). В качестве контрольной переменной, связанной с пандемией COVID-19 как значимым контекстным фактором сбора эмпирических данных, оценивалась объективная дистанция с данным заболеванием. Использовался вопрос: “Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые коронавирусом?” с четырьмя вариантами ответа: 1 — “да, я сам болел/болею COVID-19”; 2 — “да, переболели/болеют мои родные”; 3 — “да, переболели/болеют мои знакомые”; 4 — “нет, не болел и не болею ни я, ни мои родные, ни знакомые”. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа в зависимости от своего положения. Дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием.

Методы обработки данных. Обработка данных осуществлялась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 23 и программы IBM SPSS Amos 23. Применялся множественный регрессионный анализ и мультигрупповой путевой анализ. Зависимыми переменными в мультигрупповой модели путей стали компоненты планируемого эмиграционного поведения (средние значения

по соответствующим шкалам). Предикторами выступили ценности высшего порядка (средние значения по шкалам). Мультигрупповой путевой анализ проводился при контроле переменных (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей, объективная дистанция с COVID-19).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В табл. 1 представлены социокультурные различия в связях социально-демографических параметров студентов из Беларуси, Казахстана и России (контрольные переменные исследования) с их ценностями и компонентами планируемого эмиграционного поведения (основные переменные).

Наибольшее число из рассматриваемых предикторов связано с эмиграционными намерениями у казахстанской молодежи: ориентация на эмиграцию выражена у владеющих иностранными языками более молодых студентов с низким материальным достатком (см. табл. 1). Для белорусских студентов важную роль при формировании эмиграционного намерения играет опыт международной мобильности, а для россиян — низкая материальная обеспеченность и наличие социальных связей за границей. Предикторы поведения по реализации эмиграционных намерений для российских студентов идентичны предикторам самих эмиграционных намерений, описанным выше. У казахстанских студентов переход к активным действиям по подготовке к переезду связан с более молодым возрастом и владением иностранными языками. Белорусские студенты, демонстрирующие поведение по реализации эмиграционного намерения, владеют большим числом иностранных языков и имеют большую дистанцию с COVID-19. Эти же предикторы обуславливают у белорусских студентов воспринимаемые нормы в отношении эмиграции, в то время как для казахстанцев в данном случае значимыми факторами являются более молодой возраст и владение иностранными языками, а для россиян, напротив, — более старший возраст в сочетании с наличием социальных связей за границей. Для всех трех групп респондентов уверенность в осуществлении эмиграции в случае необходимости (воспринимаемый контроль) положительно связана с опытом международной мобильности, однако у казахстанских студентов этот предиктор дополняется наличием родственников, друзей и знакомых за границей. Позитивные установки в отношении эмиграции в большей степени выражены у наиболее молодых белорусских

Таблица 1. Статистически значимые стандартизированные регрессионные коэффициенты связи основных и контрольных переменных у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России

Зависимые переменные	Предикторы						
	Пол	Возраст	Материальное положение	Владение иностранными языками	Опыт международной мобильности	Связи за границей	Дистанция с COVID-19
Эмиграционное намерение $R^2 = 0.04/0.11/0.05$		-/-0.27***/-	-/-0.18*/-0.14*	-/0.23**/-	0.15*/-/-	-/-/0.18**	
Поведение по реализации эмиграционного намерения $R^2 = 0.03/0.05/0.08$		-/-0.22**/-	-/-/-0.13*	0.14*/0.21**/-		-/-/0.24***	0.16*/-/-
Воспринимаемые нормы $R^2 = 0.09/0.08/0.09$		-/-0.15*/0.16*		0.28***/0.22**/-		-/-/0.23**	0.13*/-/-
Воспринимаемый контроль $R^2 = 0.05/0.07/0.04$					0.16*/0.16*/0.19*	-/0.19**/-	
Аттитюды в отношении эмиграции $R^2 = 0.05/0.02/0.02$	0.17*/-/-	-0.15*/-/0.15*	-/-0.16*/-			-0.15*/-/-	
Ценности Сохранения $R^2 = 0.01/0.01/0.02$							
Ценности Самоутверждения $R^2 = 0.02/0.01/0.00$		-0.16*/-/-					
Ценности Открытости изменениям $R^2 = 0.04/0.05/0.01$	0.23**/-/-	-/-0.22**/-		-/0.22**/-			-/-/-0.14*
Ценности Самопреодоления $R^2 = 0.02/0.00/0.02$						-0.15*/-/-	

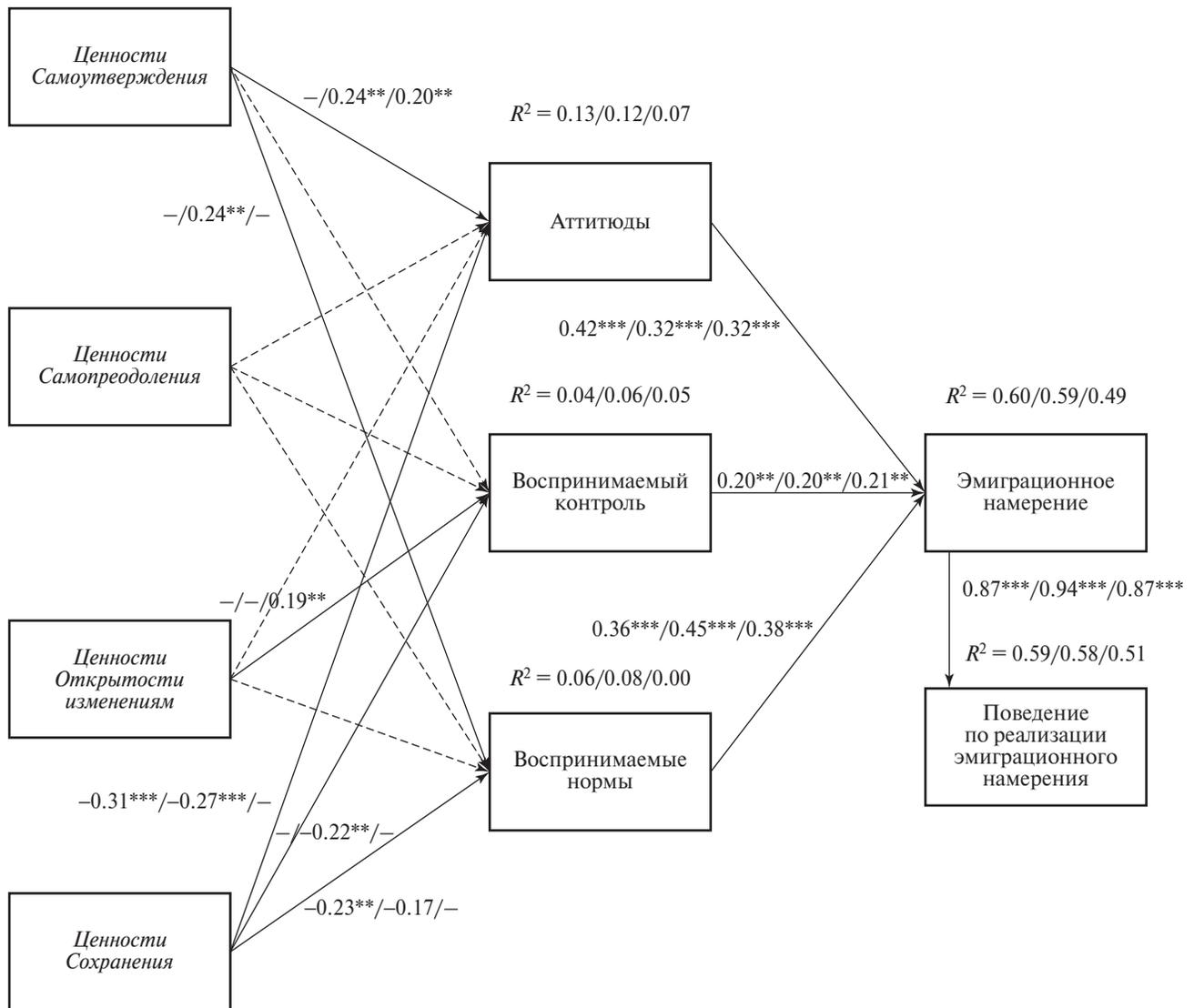
Примечание. R^2 — скорректированное значение коэффициента детерминации; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; через слэш последовательно представлены коэффициенты для белорусской, казахстанской и российской выборок.

студенток, не имеющих социальных связей за границей. Среди российской студенческой молодежи, напротив, наиболее позитивно относятся к переезду более старшие респонденты. В казахстанской выборке респонденты, положительно оценивающие эмиграцию, имеют более низкий уровень материального благосостояния. Относительно связей индивидуальных ценностей с контрольными переменными получены следующие результаты: в белорусской выборке ценности Самоутверждения наиболее значимы для более молодых респондентов, ценности Открытости изменениям в большей степени значимы для женщин, а ценности Самопреодоления — для тех, кто не имеет социальных связей за границей; в казахстанской выборке ценности Открытости изменениям наиболее значимы для более молодых студентов, владеющих иностранными языками; а в российской выборке выраженные ценности Открытости изменениям демонстрируют

респонденты, имеющие опыт встречи с COVID-19. Описанные взаимосвязи подтверждают обоснованность контроля таких переменных, как пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, число социальных связей за границей и объективная дистанция с COVID-19, при мультигрупповом путевом анализе.

На рис. 1 отражены связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студентов Беларуси, Казахстана и России.

Мультигрупповая модель имеет хорошие индексы пригодности [11] (табл. 2). Конфигурационная и метрическая инвариантность присутствуют (ΔCFI не превышает 0.01), что позволяет сравнивать регрессионные связи в выборках исследуемых стран.

Рис. 1. Мультигрупповая (конфигурационная) модель связи ценностей с компонентами планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России (для удобства восприятия рисунок модели не перегружен изображением ошибок; * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$; сплошными линиями обозначены статистически значимые (как минимум, для одной группы респондентов) связи; пунктирные линии демонстрируют отсутствие статистически значимых связей у всех групп респондентов)

Таблица 2. Статистики согласия мультигрупповой модели связи компонентов планируемого эмиграционного поведения и ценностей у студенческой молодежи Беларуси/Казахстана/России

Модель инвариантности	CFI	ΔCFI	RMSEA	AIC	PCLOSE	Chi-square	df	p
Конфигурационная	0.978		0.045	333.307	0.718	69.307	30	0.000
Метрическая	0.974	0.004*	0.034	308.210	0.996	108.210	62	0.000

Примечание. CFI — сравнительный индекс согласия; RMSEA — корень среднеквадратичной ошибки аппроксимации; AIC — информационный критерий Акаике; PCLOSE — тест значимости; Chi-square — критерий хи-квадрат; df — число степеней свободы; p — уровень значимости; * — $\Delta CFI < 0.01$.

Результаты мультигруппового анализа (стандартизированные регрессионные коэффициенты и коэффициенты детерминации) показывают, что аттитюды, воспринимаемый контроль и субъективные нормы являются значимыми предикторами эмиграционных намерений, а эмиграционное намерение соответственно — значимым предиктором

эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (см. рис. 1). При этом, согласно величинам стандартизированных регрессионных коэффициентов, наибольшее влияние на эмиграционные намерения трех групп студентов оказывают установки в отношении эмиграции и воспринимаемые нормы, нежели воспри-

нимаемый контроль. При этом рассматриваемые факторы вносят больший вклад в объяснение эмиграционных намерений белорусов и казахстанцев, нежели россиян.

Поведение по реализации эмиграционного намерения также в большей степени обусловлено эмиграционным намерением в белорусской и казахстанской выборках (в сравнении с российской).

В свою очередь, согласно полученным результатам, индивидуальные ценности выступают предикторами факторов эмиграционного намерения. Коэффициенты детерминации в данном случае свидетельствуют о том, что наибольшей объяснительной способностью во всех трех выборках индивидуальные ценности обладают *в отношении attitudes к эмиграции*, нежели воспринимаемых норм и воспринимаемого контроля. При этом у российской молодежи воспринимаемые нормы, а у белорусской молодежи — воспринимаемый контроль оказались не связаны ни с одной ценностью высшего порядка.

Предикторами позитивных установок в отношении эмиграции выступили низкая ориентация молодежи на ценности Сохранения (белорусская ($p < 0.001$) и казахстанская ($p < 0.001$) выборки), а также предпочтение ценностей Самоутверждения (казахстанская ($p < 0.01$) и российская ($p < 0.01$) выборки). Представления респондентов о том, что значимые другие одобрили бы эмиграционное поведение (воспринимаемые нормы), обусловлены нивелированием значимости ценностей Сохранения у двух групп респондентов (у белорусских ($p < 0.01$) и казахстанских ($p < 0.1$) студентов), а также предпочтением ценностей Самоутверждения у одной из исследуемых групп (у казахстанской молодежи ($p < 0.01$)). У российских студентов статистически значимых связей между воспринимаемыми нормами в отношении эмиграции и ценностями не обнаружено.

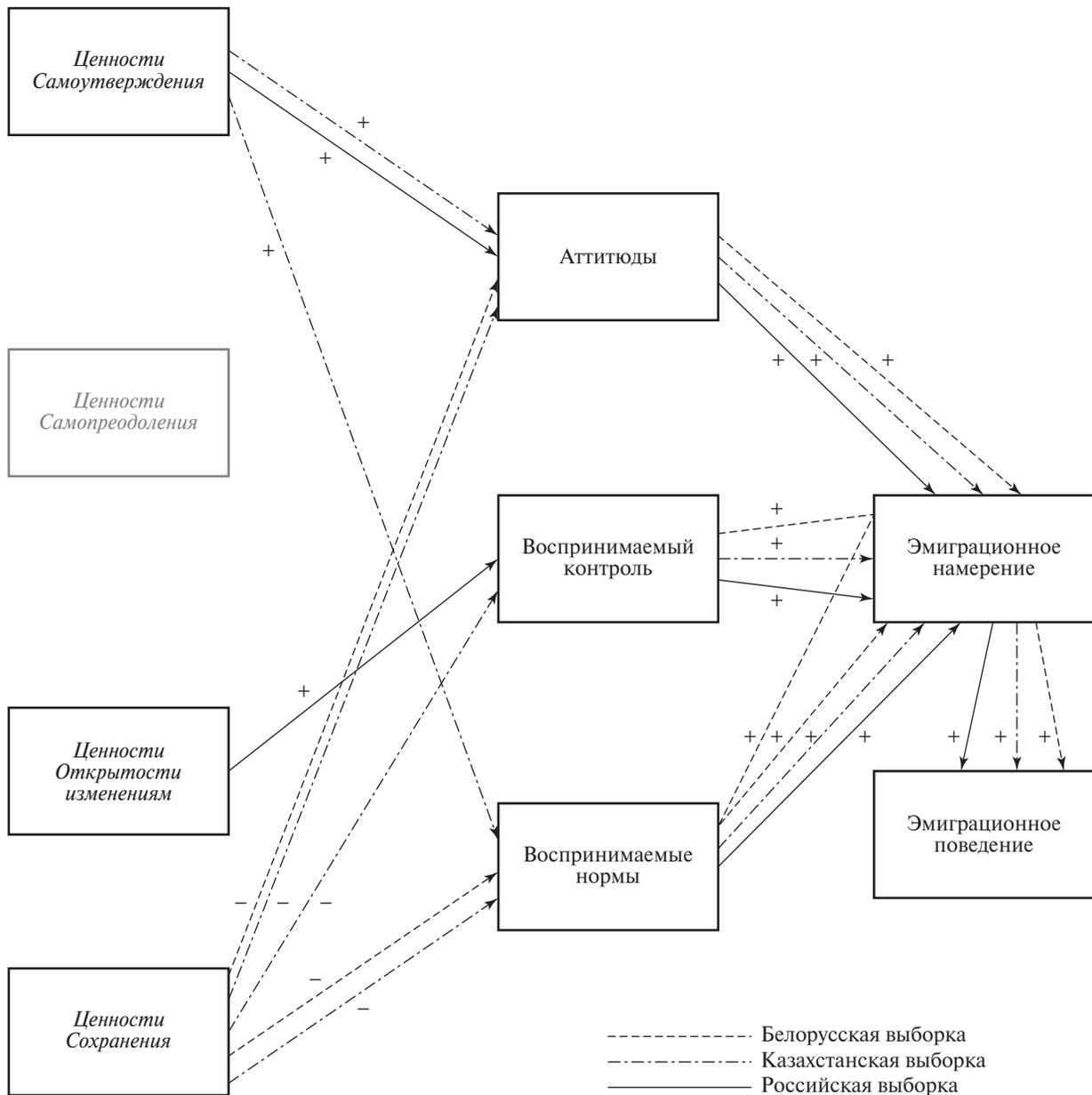
Предиктором уверенности в своей способности в случае необходимости осуществить эмиграцию (воспринимаемый контроль в отношении эмиграционного поведения) у российских студентов выступает приверженность ценностям Открытости изменениям ($p < 0.01$), а у казахстанских студентов — нивелирование значимости ценностей Сохранения ($p < 0.01$). На белорусской выборке в данном случае статистически значимых связей не обнаружено. Не обнаружено также статистически значимых связей между факторами эмиграционного намерения и ценностями Самопреодоления в трех выборках.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Теоретическая модель планируемого эмиграционного поведения, построенная на основе теории планируемого поведения А. Айзена, получила эмпирическое подтверждение на выборках студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России. Наряду с этим получило свое подтверждение выдвинутое в исследовании предположение о существовании специфических связей индивидуальных ценностей (в терминологии Ш. Шварца) с attitudes, воспринимаемыми нормами и воспринимаемым контролем в отношении эмиграции как факторами эмиграционного намерения (в терминологии А. Айзена) у студентов трех стран. На рис. 2 наглядно представлена роль индивидуальных ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения белорусских, казахстанских и российских студентов.

Общекультурной особенностью в данном случае является невключенность блока ценностей Самопреодоления в процесс формирования факторов эмиграционных намерений студенческой молодежи: связей между этими переменными не обнаружено ни в одной из изучаемых выборок. То есть ориентация на заботу о других, их принятие, поддержание их благополучия не выступают *ресурсной основой формирования факторов* эмиграционной активности молодежи, что поддается логичному объяснению. Эмиграционное поведение молодых людей — это индивидуализированная активность, направленная на собственное благо молодежи: в ней отражаются и реализуются личные мотивы, цели, потребности, она опирается преимущественно на индивидуальные возможности и ресурсы. Но в то же время, как показывают результаты нашего предыдущего исследования, ценности Самопреодоления могут выступать *мотивационной основой проявления* планируемого эмиграционного поведения [3], т.е. выступать значимыми целями, реализация которых возможна, по мнению респондентов, в результате переезда.

Интерес представляют выявленные *различия в связях ценностей высшего порядка и факторов эмиграционного намерения* у студентов трех стран. У российских студентов (и только у них) ценности высшего порядка не обуславливают представления об одобрении значимыми другими их возможной эмиграции (воспринимаемые нормы). То есть представления о позитивном отношении к эмиграции значимых других могут присутствовать у российской молодежи с различными ценностными приоритетами. Возможно, это связано с более лояльным отношением к эмиграции в российском

Рис. 2. Роль ценностей в формировании планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России (представлены только статистически значимые регрессионные связи; символами “+” и “-” обозначены положительные и отрицательные связи соответственно)

обществе в целом, а также с большей самостоятельностью и меньшим влиянием значимых других на принимаемые молодыми россиянами решения в отношении эмиграции [5] в сравнении, например, с молодыми казахстанцами [2]. В казахстанской и белорусской выборках ценности выступают предикторами субъективных норм в отношении эмиграции: представления об одобрении близкими людьми собственной эмиграционной активности присущи тем студентам данных стран, у которых нивелирована значимость ценностей Сохранения. У казахстанцев данные представления обусловлены также выраженной ориентацией на ценности Са-

моутверждения. То есть белорусская и казахстанская молодежь, считающая, что окружающие одобряют их решение переехать за границу, не ориентирована на проявление конформности, поддержание традиций, не стремится к безопасности. Наряду с этим, казахстанская молодежь с подобными представлениями демонстрирует ценности Самоутверждения — ориентирована на проявление своих способностей, социальное доминирование и достижение личного успеха. С одной стороны, в данном случае можно предположить, что та среда (общение с родственниками, друзьями, близкими), в которой *могут* сформироваться и проявиться

эмиграционные намерения молодежи Беларуси и Казахстана, изначально в меньшей степени ориентирована на традиционность. С другой стороны, возможно, в среде белорусской и казахстанской молодежи (в отличие от российской) в большей степени выражено представление об эмиграции как об особом, нетипичном для большинства поведении, предполагающем нонконформизм и отход от традиционности для его проявления, а также предоставляющем возможности для самоутверждения — в случае с казахстанской молодежью.

В то же время только в российской выборке блок ценностей Открытости изменениям выступает предиктором воспринимаемой студентами самоэффективности в отношении реализации собственного эмиграционного поведения (воспринимаемый контроль). У российской студенческой молодежи ориентация на перемены, изменения, стремление к независимости, поиску новых ощущений и получению удовольствия от жизни позитивно связаны с уверенностью в собственных возможностях осуществить переезд за границу. У казахстанских студентов в данном случае подобным ресурсом выступает отход от ценностей Сохранения — отход от традиционности. В выборке белорусской студенческой молодежи не обнаружена значимая роль ценностей в предполагаемой личной эмиграционной самоэффективности. Возможно, наиболее важными факторами в данном случае выступают другие психологические и/или непсихологические конструкты: личностные черты, внешние условия и т.д. Но возможно также и то, что отсутствие единого ценностного профиля у молодых белорусов в данном случае связано с теми социально-политическими условиями, которые сложились в стране после выборов президента в августе 2020 г. [1]. Можно предположить, что в условиях социально-политического и гражданского кризиса в Беларуси [1] эмиграционные намерения молодежи отражали интенции не только добровольного, но и условно-вынужденного эмиграционного поведения. В связи с этим высказываться об индивидуальной самоэффективности эмиграционной активности могли разные студенты (проявляющие не только добровольную эмиграционную активность), имеющие различные системы ценностей. В связи с этим единый ценностный профиль предполагаемой эмиграционной самоэффективности мог не проявиться.

В формировании позитивного отношения к эмиграции (аттитюды) значимую роль как у российской, так и у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, проявляющиеся в стремлении к демонстрации и реализации своих способностей, достижению успеха, уважения,

материального благополучия. Общей для белорусской и казахстанской молодежи (но несвойственной для российской) является регрессионная связь между отрицанием значимости ценностей Сохранения и положительным отношением к переезду за границу.

Таким образом, у молодых россиян факторы эмиграционного поведения формируются на основе приверженности ценностям, связанным с демонстрацией собственной компетентности, личным успехом, престижем, стремлением приобрести возможность контроля над материальными и человеческими ресурсами (самоутверждение), а также ценностям, связанным с поиском новизны, стремлением к автономии и независимости (открытость изменениям). В первом случае ценности влияют на формирование позитивного отношения к эмиграции, во втором повышают уверенность молодых людей в способности осуществить запланированный переезд. Данные взаимосвязи позволяют сделать прогноз относительно того, как может измениться ценностный профиль образованной российской молодежи в случае, если существующие эмиграционные интенции студенческой молодежи будут реализованы в ее поведении.

Ценностная стратегия формирования эмиграционных намерений белорусской и казахстанской студенческой молодежи связана с отходом от традиционности и снижением для респондентов, ориентированных на переезд, значимости ценностей Сохранения. У казахстанцев данная тенденция проявляется в отношении всех факторов, определяющих намерение в модели А. Айзена, в то время как у белорусов — только в отношении воспринимаемых норм и аттитюдов. В дополнение значимую роль в формировании эмиграционных намерений у казахстанской молодежи играют ценности Самоутверждения, позитивно связанные с их установками и воспринимаемыми ими нормами эмиграционной активности.

Подведем итог. В результате проведенного исследования на выборке студенческой молодежи из Беларуси, Казахстана и России подтверждена модель планируемого поведения А. Айзена применительно к эмиграционной активности: аттитюды, воспринимаемые нормы и воспринимаемый контроль в отношении эмиграции положительно связаны с эмиграционным намерением, которое, в свою очередь, позитивно связано с поведением по его реализации. Тестирование мультигрупповой модели связи индивидуальных ценностей и компонентов планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран продемонстрировало наличие как общих, так и культурно-

специфических путей формирования эмиграционной активности. Однако стоит отметить ряд ограничений данного исследования, которые необходимо учитывать при трактовке и использовании его результатов. Мы применяли корреляционный дизайн и использовали поперечные срезы, что требует осторожности при вероятностной оценке причинно-следственных связей. Наряду с этим стоит учитывать, что выборка нерепрезентативна и в ней значительно преобладают девушки, а казахстанские респонденты представляют преимущественно северные регионы страны. В то же время данные получены на основании самоотчетов, что не исключает проявление фактора социальной желательности и искажения информации в ответах респондентов. Подчеркнем также, что использовались краткие версии опросников. Отдельные ограничения связаны с формой организации опроса (онлайн) и невозможностью контроля за процессом заполнения анкеты. Таким образом, значимой задачей последующих исследований является преодоление обозначенных ограничений. А перспективным направлением научных изысканий в будущем может стать дифференцированная оценка вклада ценностей обновленной модели Ш. Шварца (19 показателей) в эмиграционную активность различных социально-демографических групп российского населения в сравнении с представителями других стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дырина А.* Беларусь после президентских выборов 2020 г. // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. Т. 58. № 74. С. 8–11.
2. Молодежь и ценности. Алматы: Изд-во “DELUXE Printery”, 2021.
3. *Муращенко Н.В.* Взаимосвязь ценностей и эмиграционных намерений студенческой молодежи г. Смоленска // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 77–93.
4. *Муращенко Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.* Связь ценностей и планируемого эмиграционного поведения у студенческой молодежи трех стран. Ч. I: Введение в проблему // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 49–60.
5. *Ромашева Ж.Ж., Калиниченко О.В., Малышев И.В.* Связь базовых ценностей с эмиграционными установками российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10. № 4 (40). С. 323–333.
6. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
7. *Ajzen I.* Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).
8. *Ajzen I.* The theory of planned behavior // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
9. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
10. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
11. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011.
12. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology* / Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
13. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.

RELATIONSHIP OF VALUES AND PLANNED EMIGRATION BEHAVIOR AMONG STUDENTS FROM THREE COUNTRIES. PART II. MULTIGROUP ANALYSIS²

N. V. Murashchenkova^{1,*}, V. V. Gritsenko^{2,**}, M. N. Efremenkova^{2,***}

¹HSE University;

101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

²Moscow State University of Psychology & Education;

127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.

*PhD in Psychology, Research Fellow of the Centre for Sociocultural Research.

E-mail: ncel@yandex.ru

**ScD in Psychology, Professor of the Department of Cross-cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: gritsenko2006@yandex.ru

***Graduate Student of the Department of Cross-Cultural Psychology and Multicultural Education.

E-mail: mnemema@yandex.ru

Received 02.12.2022

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the relationships between the components of planned emigration behavior and the values among students aged 18–25 from Belarus ($n = 208$, 25% men, mean age = 19.8), Kazakhstan ($n = 200$, 26% men, mean age = 20.5) and Russia ($n = 250$, 25% men, mean age = 20.0). Results of testing of multigroup model of author's questionnaire "Planned emigration behavior" and cross-cultural analysis of the manifestations of values and components of planned emigration behavior among students from three countries are presented in the first part of the article in the previous issue of the journal. In this part of the article we discuss the results of multigroup path analysis. We have identified identical and culturally specific links between the components of planned emigration behavior and the values among students from the three countries. Self-transcendence values are not involved in shaping of the planned emigration behavior of students from the three countries. Among Russians the self-enhancement values are positively linked with positive attitudes towards emigration, and the openness to change values are positively related to perceived behavioral control. Among Kazakhstanis, all factors of planned emigration behavior are negatively related to the conservation values, and subjective norms and attitudes towards emigration are positively related to the self-enhancement values. Among Belarusians, the conservation values are negatively related to subjective norms and attitudes towards emigration.

Keywords: theory of planned behavior, model of planned emigration behavior, emigration intention, individual values, student youth, multigroup analysis.

REFERENCES

1. Dyrina A. Belarus' posle prezidentskih vyborov 2020 g. Evropejskaja bezopasnost': sobytija, ocenki, prognozy. 2020. V. 58. № 74. P. 8–11. (In Russian)
2. Molodezh' i cennosti. Almaty: Izd-vo "DELUXE Printery", 2021. (In Russian)
3. Murashhenkova N.V. Vzaimosvjaz' cennostej i jemigracionnyh namerenij studencheskoj molodezhi g. Smolensk. Social'naja psihologija i obshhestvo. 2021. V. 12. № 1. P. 77–93. (In Russian)
4. Murashhenkova N.V., Gricenko V.V., Efremenkova M.N. Svjaz' cennostej i planiruемого jemigracionnogo povedenija u studencheskoj molodezhi treh stran. Chast' I. Vvedenie v problem. Psichologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 3. P. 49–60. (In Russian)
5. Romasheva Zh.Zh., Kalinichenko O.V., Malyshev I.V. Svjaz' bazovyh cennostej s jemigracionnymi ustanovkami rossijskoj molodezhi. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Akmeologija obrazovanija. Psihologija razvitija. 2021. V. 10. № 4 (40). P. 323–333. (In Russian)
6. Schwartz Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaja teorija bazovyh individual'nyh cennostej: primenenie v Rossii. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2012. V. 9. № 1. P. 43–70. (In Russian)
7. Ajzen I. Constructing a TPB questionnaire: Conceptual and methodological considerations. 2002. URL: <http://www.people.umass.edu/ajzen/pdf/tpb.measurement.pdf> (accessed: 10.08.2022).

²The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00156 "Social and psychological space of emigration intentions of youth: cross-cultural analysis".

8. *Ajzen I.* The theory of planned behavior. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*. 1991. V. 50. № 2. P. 179–211.
9. *Fishbein M., Ajzen I.* Predicting and changing behaviour: The reasoned action approach. N.Y.: Psychology Press, 2010.
10. *Francis J. et al.* Constructing questionnaires based on the theory of planned behaviour: A manual for health services researchers. Newcastle upon Tyne, UK: Centre for Health Services Research, University of Newcastle upon Tyne. 2004. URL: <https://openaccess.city.ac.uk/id/eprint/1735> (accessed: 28.11.2022).
11. *Kline R.B.* Principles and practice of structural equation modeling. 3rd ed. N.Y.: The Guilford Press, 2011.
12. *Schwartz S.H.* Basic individual values: Sources and consequences. *Handbook of value: perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology*. Eds. D. Sander, T. Brosch. Oxford University Press, 2015. P. 63–84.
13. *Schwartz S.H. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001. V. 32. № 5. P. 519–542.

УДК 159.9.07

ДИАГНОСТИКА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ: КРАТКАЯ ВЕРСИЯ ОПРОСНИКА “ИНДЕКС СТРЕМЛЕНИЙ”

© 2023 г. Т. О. Гордеева^{1,2,*}, О. А. Сычев^{3,**}, В. А. Егоров^{4,***}

¹ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

²ФГАОУ ВО Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”;
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.

³ФГБОУ ВО Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина;
659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, д. 53, Россия.

⁴Некоммерческая организация “Целевой фонд будущих поколений Республики Саха (Якутия)”;
677018, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Аммосова, д. 18, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
научный сотрудник НИУ ВШЭ.

E-mail: tamgordeeva@gmail.com

** Кандидат психологических наук, доцент.

E-mail: osn1@mail.ru

*** Кандидат физико-математических наук, генеральный директор.

E-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Поступила 03.02.2023

Аннотация. Целью данного исследования стала разработка краткой версии опросника “Индекс стремлений”, основанного на подтеории жизненных целей теории самодетерминации и предназначенного для измерения двух типов целей: внутренних (шкалы Самовыражение, Близкие отношения, Вклад в сообщество) и внешних (шкалы Внешность, Известность, Влиятельность). В исследовании приняли участие 5635 старшеклассников в возрасте от 16 до 18 лет ($M = 16.81$, $SD = 0.68$, 41% юношей). Конфирматорный факторный анализ структуры методики показал приемлемое соответствие данным как шестифакторной модели, так и иерархической модели с факторами внутренних и внешних стремлений. Подтверждено соответствие структуры опросника на уровне шкал круговой (циркумплекс) модели, отражающей ожидаемую упорядоченность шкал в соответствии с внутренним или внешним характером целей. О хорошей внутренней согласованности шкал говорит величина коэффициентов α Кронбаха (0.78–0.85 для шкал первого уровня, 0.84 — для внутренних стремлений и 0.89 — для внешних). В пользу валидности методики свидетельствуют корреляции шкал с показателями психологического благополучия, мотивации и успешности в учебе. Показано, что наличие стремлений в целом способствует благополучию, однако наиболее благоприятным является доминирование в них внутренних просоциальных стремлений.

Ключевые слова: внутренние цели, внешние цели, индекс стремлений, опросник, теория самодетерминации, благополучие, мотивация.

DOI: 10.31857/S020595920027085-9

В рамках одной из шести мини-теорий теории самодетерминации — теории содержания целей — утверждается, что присущие людям цели (или стремления) можно разделить на внутренние и внешние [10; 20]. Стремление к внутренним целям, таким как личностный рост, близкие отношения, участие в жизни сообщества и здоровье, создает условия для удовлетворения базовых психологических потребностей людей в автономии,

компетентности и связанности, укрепляя тем самым психологическое благополучие. Преследование внешних целей (например, финансового успеха, известности и привлекательной внешности) может лишь косвенно удовлетворить базовые психологические потребности, однако оно приводит к снижению удовлетворенности и благополучия при их доминировании над внутренними целями, когда последние из-за этого реализуются в меньшей

мере. Причиной того, что внешние стремления негативно сказываются на благополучии, также может быть их недостижимость, поскольку по мере улучшения своего благосостояния люди склонны сравнивать себя с новыми более успешными социальными моделями или группами, испытывая при этом неудовлетворенность достигнутым.

К настоящему времени накоплено множество свидетельств о связи жизненных целей с показателями психологического благополучия в различных культурах и странах. В недавнем метаанализе [8], обобщающем данные о 1808 эффектах на общей выборке $N = 70\,110$ (105 исследований), было показано, что внутренние стремления прямо связаны с благополучием ($r = 0.24$ [95%-й доверительный интервал: 0.22; 0.27]), представленным показателями счастья, витальности, самооценки, удовлетворенности и осмысленности жизни, и обратно — с показателями неблагополучия ($r = -0.11$ [-0.14; -0.08]), оцениваемого через показатели депрессии, тревоги и негативного аффекта. Связь внешних стремлений с благополучием зависела от способа обработки результатов: сырые оценки внешних стремлений демонстрировали отсутствие связи либо слабую прямую связь с благополучием, однако относительные, центрированные оценки внешних стремлений, характеризующие меру их доминирования, показывали обратную связь этих стремлений с благополучием и прямую — с показателями неблагополучия.

Среди результатов этого метаанализа интерес представляет тот факт, что регион мира является статистически значимым модератором таких связей: в странах Восточной Европы наблюдалась несвойственная другим народам слабая прямая связь сырых показателей внешних стремлений и благополучия ($r = 0.15$ [0.11; 0.19]) [8]. При этом основанные на центрированных показателях эффекты внешних стремлений в этом метаанализе носили схожий характер, не зависящий от региона и СЭС выборок. Вопрос о специфике и причинах связи внешних целей с психологическим благополучием в разных странах обсуждается в научной литературе [9; 23] и нуждается в дальнейших исследованиях.

Внутренние жизненные стремления поддерживают благополучие не только благодаря удовлетворению базовых психологических потребностей, но и за счет поддержки автономной мотивации [20]. Это положение было подтверждено в лонгитюдном исследовании, показавшем, что студенты с доминирующими внутренними стремлениями со временем демонстрируют более автономную мотивацию к их достижению и последующий рост благополучия [14]. В другом исследовании обнаружилось, что

внутренние жизненные стремления прямо предсказывают академические достижения студентов и обратно через автономную академическую мотивацию и воспринимаемую компетентность — намерение бросить учебу [15].

На подростковых выборках было также показано, что старшеклассники с доминирующими внешними стремлениями не только показывали сниженное благополучие, но и были более склонны вовлекаться в поведение, имеющее высокие риски для здоровья и благополучия, такие как курение, использование алкоголя и марихуаны [24]. Исследования источников такого рода паттернов стремлений, проведенные Г. Вильямсом с коллегами [Там же], показали важность фактора поддержки автономии родителями: подростки с выраженными внешними целями чувствовали, что родители не поддерживают их автономию.

ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДИКИ “ИНДЕКС СТРЕМЛЕНИЙ”

В основанных на теории самодетерминации исследованиях жизненных стремлений основным инструментом их оценки является разработанный Т. Кассером и Р. Райаном опросник Индекс стремлений (Aspirations Index, AI) [6; 16–18]. Этот опросник позволяет оценить важность целей, вероятность их достижения, степень их реализации на текущий момент, однако основным ее предназначением является оценка их важности.

Рекомендуемая центром теории самодетерминации версия этого опросника [6] включает семь типов стремлений (шкалы Финансовый успех, Известность, Внешность, Личностный рост, Отношения, Сообщество, Здоровье), на каждую из которых приходится по пять конкретных целей. В описании этой версии авторы отмечают [6], что нередко используется только шесть из этих семи шкал, исключая шкалу Здоровье [23]. В некоторых исследованиях [22] факторный анализ показывал, что шкала Здоровье может быть отнесена как к числу внутренних, так и к числу внешних стремлений, вероятно, потому что для некоторых людей поддержание физической формы скорее выступает частью управления своим имиджем и близко к стремлению к привлекательной внешности.

Учитывая кросскультурную специфику данных, не вполне укладывается в дихотомию внешних и внутренних целей шкала Финансовый успех. Так, в исследовании жизненных стремлений на примере 15 стран было обнаружено, что в небогатых странах эта цель располагается ближе к внутренним

стремлениям [12]. По-видимому, если в богатых странах финансовый успех имеет в первую очередь инструментальный смысл (например, служит показателем достижений, дает возможность избыточного, демонстративного потребления), то в странах с невысоким уровнем материального благополучия он открывает больше возможностей для самовыражения, личностного роста и помощи другим людям [9] и поэтому приближается к внутренним стремлениям. Удачной альтернативой этой шкале представляется предложенная в исследовании Ф. Мартеллы, Э. Брэдшоу и Р. Райана [19] шкала Влиятельность, измеряющая стремление к статусному, влиятельному положению в обществе.

В некоторых исследованиях были предприняты попытки к привычному набору стремлений добавить другие, например: безопасность, конформность, гедонизм, духовность [12], самовыражение, мастерство, социальная приверженность, влиятельность и безопасность [19]. При этом происходило уточнение названий шкал и формулировок конкретных целей. В частности, шкала Самовыражение, предложенная в исследовании Ф. Мартеллы с соавторами [Там же], пересекается в своем содержании с использовавшейся ранее шкалой Личностный рост, однако содержит более ясные формулировки, так что замена последней на шкалу Самовыражение представляется вполне оправданной.

По мере расширения методики усложнялись представления о ее структуре, что нашло выражение, например, в попытках отобразить соотношение стремлений с помощью круговой (циркумплекс) модели [12; 19]. Введенное Д. Гуттманом [13] понятие циркумплекса используется для описания определенной структуры связей в упорядоченном наборе переменных, где каждая из них теснее связана с более близкими переменными, чем с отстоящими дальше. Применительно к диагностике жизненных целей круговая модель иллюстрирует близость друг к другу целей одного типа (например, внешних) и их удаленность от целей другого типа (внутренних).

Характерной тенденцией при работе с этой методикой является склонность давать более или менее высокие оценки по всем стремлениям. Для ее контроля в прошлых исследованиях использовались различные стратегии. Одна из них заключается в использовании регрессионного анализа, в котором в качестве предикторов используется не только интересующая жизненная цель, но и общая оценка: среднее по всем целям, исключая интересующую [16; 18]. Если в качестве предикторов интерес представляют лишь оценки внутренних и внешних целей в целом, то некоторые авторы вычисляют регрессионные модели отдельно для

внутренних и отдельно для внешних целей, включая в модель в качестве контролируемой переменной общую оценку [18], в то время как другие обходятся без контролируемых переменных, включая оба типа целей в анализ одновременно [19]. Последний вариант представляется более корректным, поскольку включение в регрессионный анализ слагаемого и включающей его суммы является типичной причиной мультиколлинеарности, вследствие которой результаты приобретают плохо поддающийся интерпретации вид [7].

Другая стратегия контроля состоит в использовании центрированных оценок, которые получаются в результате вычитания от каждой шкалы общего среднего значения по всем шкалам [17]. Наряду с центрированными оценками по шкалам используются также центрированные оценки внешних и внутренних стремлений в целом, для вычисления которых от средних значений по внешним и внутренним стремлениям отнимают среднее значение по всем шкалам [8]. Полезным показателем является также относительная выраженность внутренних стремлений (ОВВС), которая вычисляется путем вычитания из среднего по внутренним стремлениям среднего по внешним стремлениям. Разнообразие способов анализа результатов методики и применяемых показателей в некоторой мере объясняет различия в выводах исследований [8], поэтому необходимо осознанно относиться к их выбору: центрированные оценки нужны в тех случаях, когда интерес представляет *приоритетность* тех или иных целей, их *относительное преобладание* над другими. В остальных ситуациях достаточно сырых оценок.

Наряду с попытками расширения методики популярной тенденцией является также использование сокращенных версий, которые могут быть адаптированы для решения частных исследовательских задач [14; 15].

Хотя методика Индекс стремлений ранее использовалась в исследованиях на русскоязычных выборках [21], к настоящему времени отсутствуют публикации, посвященные русскоязычной версии, с анализом ее психометрических характеристик. Поэтому было принято решение о разработке краткой русскоязычной версии опросника Индекс стремлений, соответствующей современному состоянию исследований в этой области.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 5635 старшеклассников (10–11-е классы) из 422 школ в возрасте от 16 до 18 лет ($M = 16.81$,

$SD = 0.68$), из них 41% юношей. 49% опрошенных проживают в сельской местности, 34% — в городе Якутске и 17% — в других городах Якутии. Опрос проводился в индивидуальном формате, обратной связи или вознаграждений за участие в исследовании не предоставлялось. Данное исследование — часть Всероссийского лонгитюдного проекта “Растем вместе”, к участию в котором приглашались учащиеся всех школ Республики Саха.

Методики. Краткая версия опросника “Индекс стремлений” (ИС-К) была разработана на основе соответствующего англоязычного опросника (AI) [16–18] с учетом результатов исследований, направленных на расширение и уточнение списка основных стремлений [12; 19]. Из семи традиционных шкал методики AI две шкалы (Здоровье и Финансовый успех) были исключены ввиду их неоднозначного положения в континууме внутренних-внешних целей. Вместо шкалы финансового успеха в данную версию была введена шкала Влиятельность [19] ввиду ее более явной согласованности по содержанию с внешними целями. Вслед за Ф. Мартелой с соавторами [19] вместо шкалы Личностный рост нами использовалась близкая к ней по содержанию шкала Самовыражение. В результате краткая версия опросника была образована из шести шкал, три из которых измеряют внутренние стремления (Самовыражение, Отношения, Сообщество) и еще три — внешние стремления (Внешность, Известность, Влиятельность). Каждая из шкал состоит из трех утверждений. Двумя экспертами был выполнен прямой и обратный перевод заданий, рассогласования в переводе были обсуждены и устранены.

Как и в большинстве прошлых исследований, при проведении опроса и анализе результатов учитывался только показатель важности стремлений. Дополнительные варианты использования методики (для оценки достижимости целей и степени их реализации) учтены в бланке опросника, приведенном в приложении.

В ходе обработки результатов анализ проводился по сырым, нецентрированным оценкам, а также по центрированным показателям. Кроме того, были вычислены оценки относительной выраженности внутренних стремлений (ОВВС), представляющие собой разность между средними оценками по трем внутренним и трем внешним стремлениям. Оценки ОВВС и центрированные оценки для внешних и внутренних стремлений являются независимыми, только если число шкал внешних и внутренних стремлений различается. При равном числе шкал (в нашем случае 3 внутренних и 3 внешних) центрированные оценки для внешних стремлений

равны аналогичным оценкам для внутренних стремлений с обратным знаком, в то время как ОВВС равно удвоенному значению центрированных оценок для внутренних стремлений (поскольку $x - (-x) = 2x$). Поэтому можно ограничиться использованием только одного показателя, среди которых наиболее удобным представляется ОВВС. Коэффициенты внутренней согласованности шкал (α Кронбаха) для этой и последующих методик приведены в табл. 2.

С целью анализа валидности использовался комплекс шкал, измеряющих проявления психологического благополучия (в том числе школьного), академической мотивации и демотивации, включающий:

— Шкалы удовлетворенности собой, школой и отношениями с учителями из шкалы удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ) [4];

— Невербальную методику “Отношение к учебе и жизни” [5], представляющая собой две серии из семи символических изображений лиц с различными эмоциональными состояниями — от веселого, улыбающегося к грустному и очень печальному, из которых надо выбрать одно лицо, соответствующее отношению 1) к жизни и 2) к школе и учебе;

— Шкалы академической мотивации школьников и учащихся колледжей (ШАМ-Ш) [2], краткая версия, позволяющая оценить пять типов мотивации учебной деятельности (внутренней познавательной и мотивации саморазвития, внешней интроецированной и экстернальной, а также амотивации) и получить общий показатель, характеризующий соотношение автономных и контролируемых мотивов (индекс автономии академической мотивации, ИААМ);

— Шкалу отчуждения от учебы [3], измеряющую отчуждение как отказ личности от реализации собственных интересов и достижения индивидуальных целей в рамках учебной деятельности;

— Шкалу учебного обмана [1], предназначенную для оценки склонности к списыванию.

Для оценки академической успеваемости использовались самоотчетные данные, предоставленные участниками, в частности отметки за прошлую четверть по предметам: алгебра, геометрия, русский язык, литература, биология, география, химия, физика, иностранный язык, информатика и информационно-коммуникационные технологии, история, обществознание. На их основе для каждого участника были вычислены индивидуальные средние баллы успеваемости.

Методы анализа данных. Статистический анализ результатов проводился с помощью конфирматор-

ного факторного анализа (КФА) в программе Mplus 8 с использованием робастного алгоритма MLR и с учетом иерархического состава выборки (распределения учащихся по школам). Оценка соответствия структуры методики круговой модели (циркумплекса) проводилась в среде статистического анализа R с помощью пакета CircE [11], в этой же программе были вычислены описательные статистики, коэффициенты корреляции и регрессионные модели. В ходе корреляционного и регрессионного анализа использовалось попарное исключение пропущенных случаев, так что объем выборки для этих результатов составил от 5430 до 5635 учащихся. С учетом большого числа вычисленных статистических критериев и значительного объема выборки при интерпретации учитывались лишь результаты с уровнем значимости $p \leq 0.001$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для анализа структуры опросника в ходе КФА была проверена шестифакторная модель, в которой каждый из пунктов опросника входит в один фактор, соответствующий ему по ключу, при этом все факторы свободно коррелируют между собой. Оценка этой модели указывала на удовлетворительное соответствие данным: $\chi^2 = 2229.18$; $df = 120$; $P < 0.001$; $CFI = 0.935$; $TLI = 0.917$; $SRMR = 0.045$; $RMSEA = 0.056$; 90%-й доверительный интервал для $RMSEA$: 0.054–0.058; $PCLOSE \leq 0.001$. Вместе с тем анализ индексов модификации показал, что добавление ковариации между пунктами 5 и 11, входящими в шкалу “Известность”, приводит к существенному улучшению показателей, которые теперь указывают на отличное соответствие модели данным: $\chi^2 = 1192.58$; $df = 119$; $P < 0.001$; $CFI = 0.967$; $TLI = 0.958$; $SRMR = 0.032$; $RMSEA = 0.040$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.038–0.042; $PCLOSE = 1$. Добавление этой ковариации (величина которой в стандартизованном виде составила 0.60) оправдано значительным сходством содержания этих пунктов при их принадлежности к одной шкале. Факторные нагрузки и стандартизованные ковариации между латентными факторами (табл. 1) свидетельствуют о внутренней согласованности каждого фактора (величина всех нагрузок — более 0.60) и наличии тесных связей между факторами внешних стремлений при менее выраженных связях между факторами внутренних стремлений. Хорошая внутренняя согласованность шкал подтверждается также коэффициентами α Кронбаха, лежащими в пределах 0.78–0.89 (табл. 2).

Оценка иерархической модели, в которой исходные факторы объединяются в два фактора второго

уровня (внутренних и внешних стремлений), также учитывающая ковариацию между пунктами 5 и 11, показала ее приемлемое (хотя и несколько худшее в сравнении предыдущей моделью) соответствие данным: $\chi^2 = 2667.66$; $df = 127$; $P < 0.001$; $CFI = 0.922$; $TLI = 0.906$; $SRMR = 0.078$; $RMSEA = 0.060$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.058–0.062; $PCLOSE \leq 0.001$.

Для анализа соответствия структуры опросника круговой модели на уровне шкал была проверена наиболее общая модель циркумплекса, в которой не накладывалось никаких ограничений. Результаты анализа свидетельствуют о хорошем соответствии такой модели данным: $\chi^2 = 23.2$; $df = 1$; $p < 0.001$; $CFI = 0.998$; $TLI = 0.97$; $RMSEA = 0.063$; 90%-й ДИ для $RMSEA$: 0.042–0.086. В данной круговой модели (рис. 1) горизонтальная ось соответствует континууму от внешних (слева) к внутренним (справа) стремлениям, в то время как вторая ось может отражать преимущественную ориентацию на индивидуальные (Самовыражение) или социальные (Сообщество, Известность) цели.

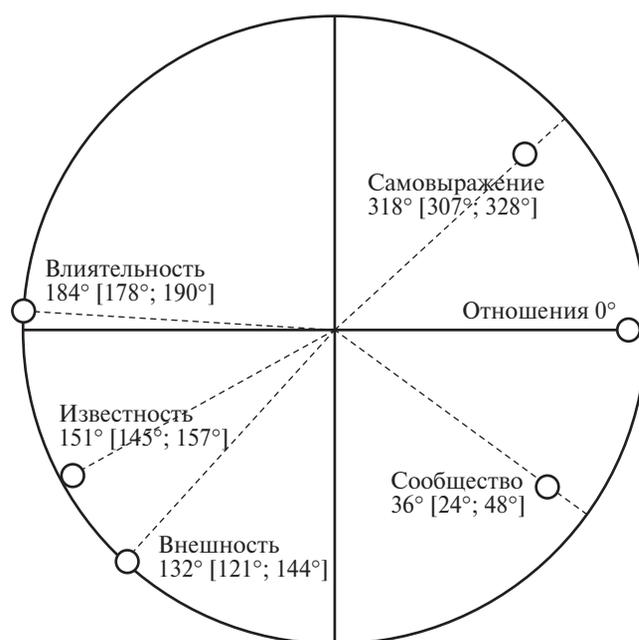

Рис. 1. Круговая модель структуры краткой версии опросника Индекс стремлений. В скобках приведены границы 95%-го доверительного интервала для полярных координат

Для анализа валидности были вычислены коэффициенты корреляции опросника шкал друг с другом и другими шкалами, измеряющими релевантные конструкты (см. табл. 2). Прямые и статистически значимые интеркорреляции всех стремлений подтверждают наличие общей тенденции в их оценке.

Таблица 1. Результаты конфирматорного факторного анализа по утверждениям опросника ИС-К

	Самовыра- жение	Отно- шения	Сооб- щество	Внеш- ность	Извест- ность	Влиятель- ность
<i>Факторные нагрузки</i>						
1. Жить в согласии с собой, своими ценностями и интересами	0.78					
7. Выбирать, что мне делать, а не быть вынужденным что-то делать	0.69					
13. Заниматься тем, что имеет для меня важный смысл	0.80					
2. Иметь хороших друзей, на которых я могу рассчитывать		0.68				
8. Иметь надежные близкие отношения		0.76				
14. Чувствовать, что есть люди, которые действительно любят меня и которых люблю я		0.79				
3. Работать ради улучшения общества			0.68			
9. Помогать людям, которые в этом нуждаются, ничего не прося взамен			0.73			
15. Помогать другим улучшать их жизнь			0.84			
4. Добиться того, чтобы люди отмечали, как привлекательно я выгляжу				0.78		
10. Следовать моде в причёске и одежде				0.70		
16. Иметь внешний вид, который другие находят привлекательным				0.85		
5. Быть знаменитым (знаменитой)					0.67	
11. Быть известным(ой), видеть, что мое имя часто появляется в средствах массовой информации					0.72	
17. Видеть, что мной восхищаются многие люди					0.83	
6. Быть влиятельным человеком						0.78
12. Занимать важное положение в обществе						0.82
18. Стать тем, кому подчиняются другие люди						0.63
<i>Стандартизованные ковариации латентных факторов</i>						
Отношения	0.58					
Сообщество	0.42	0.61				
Внешность	0.27	0.46	0.41			
Известность	0.32	0.42	0.46	0.89		
Влиятельность	0.42	0.36	0.40	0.66	0.81	

Примечания. Факторные нагрузки, зафиксированные равными нулю, и коэффициенты, повторяющиеся в силу симметрии корреляционной матрицы, опущены.

Относительная выраженность внутренних стремлений предсказуемо показала прямые связи с показателями удовлетворенности школой и учителями, положительным отношением к жизни и школе и успеваемостью, а также обратные — с отчуждением от учебы и списыванием. При этом все шкалы стремлений показали прямые связи со всеми показателями удовлетворенности жизнью и школой. Наиболее тесные связи с показателями благополучия демонстрирует шкала Сообщество, в то время как довольно слабые связи характерны для шкалы Самовыражения и всех внешних стремлений. Также все стремления показали прямые связи с большинством шкал академической мотивации, хотя с амотивацией положительно коррелируют лишь

внешние стремления, в то время как внутренние стремления коррелируют отрицательно. Напротив, индекс автономии академической мотивации прямо связан лишь с внутренними стремлениями, в то время как с внешними стремлениями (за исключением стремления к влиятельности) не коррелирует.

Отчуждение от учебы прямо связано только с внешними стремлениями и обратно — со шкалой Сообщество при отсутствии связей с другими шкалами. Обратную связь со шкалой Сообщество показала и склонность к списыванию, в то время как связь со всеми другими стремлениями оказалась прямой. Прямую связь с успеваемостью в школе показали все стремления, за исключением стремления

Таблица 2. Описательная статистика и корреляции шкал краткой версии опросника Индекс стремлений по сырым показателям

Шкалы и показатели (методики)	α Крон-баха	Показатели по ИС-К										Внешние стремления	ОВВС
		Самовыражение	Отношения	Сообщество	Внешность	Известность	Влиятельность	Внутренние стремления					
Самовыражение (ИС-К)	0.80	1	0.45*	0.34*	0.21*	0.22*	0.32*	0.72*	0.29*	0.22*	0.32*	0.29*	0.22*
Отношения (ИС-К)	0.79	0.45*	1	0.49*	0.37*	0.29*	0.25*	0.83*	0.36*	0.29*	0.25*	0.36*	0.23*
Сообщество (ИС-К)	0.79	0.34*	0.49*	1	0.34*	0.35*	0.29*	0.81*	0.38*	0.35*	0.29*	0.38*	0.19*
Внешность (ИС-К)	0.82	0.21*	0.37*	0.34*	1	0.68*	0.53*	0.40*	0.86*	0.68*	0.53*	0.86*	-0.63*
Известность (ИС-К)	0.85	0.22*	0.29*	0.35*	0.68*	1	0.62*	0.37*	0.90*	1	0.62*	0.90*	-0.69*
Влиятельность (ИС-К)	0.78	0.32*	0.25*	0.29*	0.53*	0.62*	1	0.36*	0.37*	0.36*	1	0.82*	-0.61*
Внутренние стремления (ИС-К)	0.84	0.72*	0.83*	0.81*	0.40*	0.37*	0.36*	1	0.90*	0.44*	0.44*	1	0.27*
Внешние стремления (ИС-К)	0.89	0.29*	0.36*	0.38*	0.86*	0.90*	0.82*	0.44*	0.90*	0.44*	0.44*	0.44*	-0.75*
ОВВС (ИС-К)	—	0.22*	0.23*	0.19*	-0.63*	-0.69*	-0.61*	0.27*	-0.69*	0.27*	0.27*	0.27*	1
Удовлетворенность собой (ШУДЖИ)	0.89	0.24*	0.28*	0.33*	0.22*	0.24*	0.27*	0.36*	0.24*	0.36*	0.36*	0.28*	-0.03
Удовлетворенность школой (ШУДЖИ)	0.81	0.09*	0.17*	0.36*	0.09*	0.09*	0.09*	0.28*	0.09*	0.28*	0.28*	0.11*	0.09*
Удовлетворенность учителями (ШУДЖИ)	0.90	0.15*	0.21*	0.37*	0.10*	0.10*	0.09*	0.32*	0.10*	0.32*	0.32*	0.11*	0.11*
Позитивное отношение к жизни	—	0.11*	0.21*	0.25*	0.08*	0.09*	0.09*	0.25*	0.09*	0.25*	0.25*	0.10*	0.08*
Позитивное отношение к школе	—	0.05*	0.15*	0.31*	0.10*	0.10*	0.08*	0.23*	0.10*	0.23*	0.23*	0.11*	0.05*
Познавательная мотивация (ШАМ-Ш)	0.89	0.14*	0.19*	0.40*	0.14*	0.14*	0.15*	0.32*	0.14*	0.32*	0.32*	0.17*	0.06*
Мотивация саморазвития (ШАМ-Ш)	0.91	0.10*	0.12*	0.34*	0.12*	0.16*	0.18*	0.25*	0.16*	0.25*	0.25*	0.18*	-0.01
Интроецированная мотивация (ШАМ-Ш)	0.68	0.12*	0.18*	0.18*	0.23*	0.15*	0.15*	0.21*	0.15*	0.21*	0.21*	0.21*	-0.07*
Экстернальная мотивация (ШАМ-Ш)	0.75	0.05*	0.06*	-0.03	0.18*	0.10*	0.10*	0.03	0.10*	0.03	0.03	0.14*	-0.13*
Амотивация (ШАМ-Ш)	0.85	-0.07*	-0.08*	-0.13*	0.11*	0.11*	0.09*	-0.12*	0.11*	-0.12*	-0.12*	0.12*	-0.22*
ИААМ (ШАМ-Ш)	—	0.07*	0.08*	0.29*	-0.03	0.03	0.05*	0.20*	0.03	0.03	0.20*	0.02	0.13*
Отчуждение от учебы	0.92	-0.01	-0.04	-0.19*	0.12*	0.11*	0.12*	-0.11*	0.11*	0.11*	-0.11*	0.13*	-0.22*
Списывание	0.85	0.06*	0.05*	-0.10*	0.13*	0.08*	0.12*	-0.01	0.08*	-0.01	-0.01	0.12*	-0.14*
Успеваемость	—	0.22*	0.13*	0.09*	0.06*	0.03	0.09*	0.18*	0.03	0.03	0.18*	0.07*	0.06*
Возраст	—	0.02	-0.01	-0.02	-0.01	-0.01	0.02	-0.01	-0.01	-0.01	-0.01	0	0
Пол (0 — м, 1 — ж)	—	0.14*	0.05*	0.03	0.13*	0.05*	0.04	0.09*	0.05*	0.04	0.09*	0.08*	-0.03
Среднее	6.12	6.12	6.04	5.05	4.38	3.88	4.66	5.74	3.88	4.66	5.74	4.30	1.44
Стандартное отклонение	0.99	0.99	1.15	1.28	1.52	1.61	1.42	0.90	1.61	1.42	0.90	1.31	1.22
Асимметрия	-1.36	-1.36	-1.60	-0.50	-0.24	0.09	-0.29	-1.07	0.09	-0.29	-1.07	-0.10	0.32

Примечания. ОВВС — относительная выраженность внутренних стремлений; ИААМ — индекс автономии академической мотивации. Значимость. * — $p \leq 0.001$.

к известности, при этом наиболее тесную корреляцию продемонстрировало стремление к самовыражению.

Связи между жизненными стремлениями и полом указывают на то, что стремления к самовыражению, отношениям, а также привлекательной внешности и известности в большей мере характерны для девушек. Статистически значимых корреляций жизненных стремлений с возрастом не обнаружилось, вероятно, ввиду незначительного разброса по возрасту внутри выборки.

Приведенные в табл. 2 средние значения по шкалам позволяют сделать вывод о том, что наиболее сильными являются стремление к самовыражению и отношениям, несколько слабее — стремление к участию в жизни сообщества, еще слабее — стремления к влиятельности и привлекательной внешности и самым слабым является стремление к известности. Оценки по всем шкалам, кроме стремления к известности, показывают левостороннюю асимметрию, причем для шкал Самовыражение и Отношения эта асимметрия является довольно сильной, в то время как для остальных шкал — умеренной или слабой.

Далее для оценки вклада в благополучие и мотивацию внешних и внутренних стремлений с учетом их взаимной связи был проведен регрессионный анализ, в ходе которого проверено 15 регрессионных моделей (табл. 3), каждая из которых оказалась статистически значима при $p \leq 0.001$. Об отсутствии мультиколлинеарности в наборе предикторов свидетельствует значение фактора инфляции дисперсии (*VIF*), составившее 1.24 для внутренних

и внешних стремлений. Стандартизованные коэффициенты регрессии (табл. 4) демонстрируют, что внутренние стремления прямо связаны со шкалами автономной мотивации и одной из шкал контролируемой мотивации (интроецированной), индексом автономии, удовлетворенностью собой, школой, отношениями с учителями, позитивным отношением к школе и жизни и успеваемостью. Также обнаружилась обратная связь внутренних стремлений с амотивацией, отчуждением от учебы и списыванием. Внешние стремления показали прямую связь с одной из шкал автономной мотивации, всеми шкалами контролируемой мотивации и амотивации, удовлетворенностью собой, отчуждением от учебы и списыванием. При этом обнаружилась также обратная связь внешних стремлений с индексом автономии.

Для анализа связи приоритетности различных жизненных целей с показателями психологического благополучия, мотивации и успеваемости был проведен корреляционный анализ на основе центрированных показателей шкал ИС-К (см. табл. 4).

Полученные корреляции свидетельствуют о прямых связях шкалы Сообщество со всеми показателями удовлетворенности, в то время как шкалы внешних стремлений и шкала Самовыражение показывают обратные связи. Стремление к близким отношениям прямо и слабо связано лишь с позитивным отношением к жизни.

Корреляции с академической мотивацией демонстрируют, что прямую связь с внутренними мотивами и индексом автономии показывает шкала Сообщество, в то время как другие внутренние

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа зависимости показателей благополучия и мотивации от внутренних и внешних стремлений

Зависимые переменные	Стандартизованные коэффициенты регрессии β для предикторов		R^2 модели
	Внутренние стремления	Внешние стремления	
Удовлетворенность собой (ШУДЖИ)	0.30*	0.15*	0.15
Удовлетворенность школой (ШУДЖИ)	0.29*	-0.02	0.08
Удовлетворенность учителями (ШУДЖИ)	0.33*	-0.03	0.10
Позитивное отношение к жизни	0.26*	-0.01	0.06
Позитивное отношение к школе	0.22*	0.01	0.05
Познавательная мотивация (ШАМ-Ш)	0.31*	0.03	0.10
Мотивация саморазвития (ШАМ-Ш)	0.21*	0.09*	0.07
Интроецированная мотивация (ШАМ-Ш)	0.14*	0.14*	0.06
Экстернальная мотивация (ШАМ-Ш)	-0.04	0.16*	0.02
Амотивация (ШАМ-Ш)	-0.22*	0.22*	0.05
ИААМ (ШАМ-Ш)	0.24*	-0.09*	0.05
Отчуждение от учебы	-0.21*	0.22*	0.05
Списывание	-0.07*	0.16*	0.02
Успеваемость	0.18*	-0.01	0.03

Примечания. Значимость коэффициентов: * — $p \leq 0.001$.

Таблица 4. Корреляции центрированных показателей по шкалам ИС-К с показателями психологического благополучия, мотивации и успеваемости

Методики, шкалы и показатели	Шкалы ИС-К					
	Самовыражение	Отношения	Сообщество	Внешность	Известность	Влиятельность
Удовлетворенность собой (ШУДЖИ)	-0.12*	-0.02	0.07*	-0.01	0.04	0.03
Удовлетворенность школой (ШУДЖИ)	-0.11*	0.01	0.27*	-0.06*	-0.05*	-0.07*
Удовлетворенность учителями (ШУДЖИ)	-0.07*	0.02	0.26*	-0.07*	-0.05*	-0.09*
Позитивное отношение к жизни	-0.13*	0	0.23*	-0.02	-0.02	-0.06*
Позитивное отношение к школе	-0.07*	0.07*	0.14*	-0.06*	-0.03	-0.05*
Познавательная мотивация (ШАМ-Ш)	-0.13*	-0.05*	0.27*	-0.05*	-0.02	-0.04
Мотивация саморазвития (ШАМ-Ш)	-0.14*	-0.10*	0.21*	-0.04	0.02	0.03
Интроецированная мотивация (ШАМ-Ш)	-0.11*	-0.02	0	0.13*	0.02	-0.02
Экстернальная мотивация (ШАМ-Ш)	-0.07*	-0.04	-0.15*	0.16*	0.05*	0.03
Амотивация (ШАМ-Ш)	-0.10*	-0.13*	-0.20*	0.15*	0.15*	0.11*
ИААМ (ШАМ-Ш)	-0.04	-0.01	0.28*	-0.15*	-0.06*	-0.03
Отчуждение от учебы	-0.05*	-0.09*	-0.28*	0.14*	0.13*	0.13*
Списывание	-0.02	-0.03	-0.21*	0.12*	0.05*	0.09*
Успеваемость	0.09*	0.02	0	-0.03	-0.08*	0
Возраст	0.02	-0.01	-0.02	-0.01	-0.01	0.03
Пол (0 — м, 1 — ж)	0.05*	-0.04	-0.06*	0.10*	-0.02	-0.04

Примечания. ИААМ — индекс автономии академической мотивации. Значимость: * — $p \leq 0.001$.

и внешние стремления связаны с ними обратно либо не связаны вовсе. Шкала Сообщество показала также обратную связь со склонностью к списыванию. В соответствии с ожиданиями внутренние жизненные стремления обратно коррелируют с экстернальной мотивацией и амотивацией, в то время как внешние показывают прямые связи с этими шкалами. Также внешние стремления показали прямую связь с показателями демотивации и школьного неблагополучия: отчуждением от учебы и склонностью к списыванию, в то время как внутренние стремления связаны с отчуждением обратно. Академическая успеваемость прямо связана со стремлением к самовыражению и обратно — со стремлением к известности.

Центрированные показатели не связаны с возрастом, в то время как корреляции с полом говорят о том, что девушкам свойственна большая относительная важность стремлений к самовыражению и привлекательной внешности и меньшая приоритетность стремления внести вклад в жизнь сообщества.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Предложенная краткая версия опросника Индекс стремлений продемонстрировала хорошую внутреннюю согласованность шкал и приемлемое соответствие ожидаемой структуре, в том числе иерархической двухфакторной и круговой. Достоинствами этой версии являются четкое разделение

внешних и внутренних стремлений на два фактора, краткость, простота и удобство обработки благодаря небольшому числу пунктов на шкалу и симметричному составу (по три шкалы на внутренние и внешние стремления).

Результаты анализа валидности продемонстрировали наличие ожидаемых связей общих показателей по внешним и внутренним стремлениям, а также относительной выраженности внутренних стремлений с показателями благополучия, мотивации и академических достижений, в целом аналогичные тем, что наблюдались в прошлых зарубежных исследованиях [8; 14; 15; 19]. Подтверждая выводы недавнего метаанализа [8], наши результаты свидетельствуют о связи внутренних стремлений с показателями благополучия. Корреляция внутренних стремлений с индексом автономии академической мотивации подтверждает полученные ранее выводы о связи стремлений и мотивации [14; 15].

Также в соответствии с результатами этого метаанализа [8] в нашем исследовании обнаружилась слабая, но статистически значимая положительная корреляция внешних стремлений с показателями благополучия. В ходе регрессионного анализа, учитывающего одновременно и внутренние, и внешние стремления, связь последних с большинством показателей благополучия потеряла значимость, хотя их вклад в удовлетворенность собой остался прямым и статистически значимым. Вместе с тем и парные корреляции, и регрессии демонстрируют

наличие прямой связи внешних стремлений с показателями неблагополучия, что также согласуется с выводами из метаанализа [8]. Таким образом, результаты нашего исследования подкрепляют полученный авторами метаанализа [8] вывод о наличии парадоксальных прямых связей между внешними стремлениями и психологическим благополучием в странах Восточной Европы, убеждая в необходимости дальнейших исследований, направленных на объяснение этого факта.

Анализ валидности на основе центрированных оценок, рекомендуемых в теории самодетерминации, продемонстрировал важное позитивное значение доминирования целей, связанных с вкладом в жизнь сообщества. Приоритетность таких просоциальных целей сочетается с благополучием и более автономной академической мотивацией у старшеклассников. Другие внутренние цели, согласно полученным данным, имеют меньшее и порой даже негативное значение. В частности, не связанная по данным прошлых исследований [19] с показателями психологического благополучия шкала самовыражения в нашей выборке продемонстрировала с ними слабую обратную связь по центрированным оценкам. Это значит, что доминирование целей самовыражения сочетается с некоторым снижением благополучия (при наличии прямой связи таких целей с успеваемостью). Приоритетность целей отношений довольно слабо связана лишь с некоторыми показателями благополучия. Таким образом, полученные результаты указывают на то, что для психологического благополучия имеет значение не только наличие внутренних целей, но и их просоциальный характер. Обнаруженные в нашем исследовании различия в последствиях социальных и индивидуальных целей указывают на необходимость более глубокого анализа роли конкретных целей в функционировании личности, что составляет перспективу данного исследования.

Ограничением исследования является тот факт, что выборка образована только из старшеклассников. Хотя формулировки пунктов опросника не включают специфического для подростков содержания, требует дополнительного исследования релевантность полученных конкретных закономерностей в других возрастных категориях на российских выборках. При этом стоит учитывать, что выборка старшеклассников является более репрезентативной и разнородной, чем, например, традиционные выборки студентов из одного вуза. К ограничениям относится и отсутствие среди критериев валидности в нашем исследовании непосредственных показателей позитивного и негативного аффекта, обычно используемых для

демонстрации последствий внутренних и внешних целей.

ВЫВОДЫ

Предложенная краткая версия опросника Индекс стремлений представляет собой удобный инструмент оценки выраженности трех внешних (Внешность, Известность, Влиятельность) и трех внутренних (Самовыражение, Отношения, Сообщество) стремлений. О хороших психометрических характеристиках свидетельствуют данные о внутренней согласованности и валидности шкал. Факторная структура, хорошо соответствующая предсказаниям теории самодетерминации, и корреляции с показателями психологического благополучия, академической мотивации подтверждают конструктивную валидность методики. Учитывая важность проблематики жизненных целей для исследователей мотивации и благополучия, опросник может стать востребованным инструментом оценки внутренних и внешних стремлений на русскоязычных выборках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гижицкий В.В.* Учебный обман как стратегия псевдоадаптивного поведения у старшеклассников // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. Т. 58. № 2. С. 293–299.
2. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Гижицкий В.В., Гавриченко Т.К.* Шкалы внутренней и внешней академической мотивации школьников // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 2. С. 65–74.
3. *Осин Е.Н.* Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 4. С. 57–74.
4. *Сычев О.А. и др.* Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. № 6. С. 5–15.
5. *Andrews F.M., Withey S.B.* Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality. N.Y.: Plenum Press, 1976. 455 p.
6. Aspirations Index [Electronic resource]. Center for Self-Determination Theory. URL: https://selfdeterminationtheory.org/wp-content/uploads/2022/01/AI_Complete.pdf (date of access: 10.01.2023).
7. *Bolin J.E.* Regression analysis in R: A comprehensive view for the social sciences. N.Y., L.: CRC Press, 2023. 134 p.

8. *Bradshaw E.L. et al.* A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2022.
9. *Brdar I., Majda R., Dubravka M.* Life goals and well-being: Are extrinsic aspirations always detrimental to well-being? // *Psihologijske Teme*. 2009. V. 18. № 2. P. 317–334.
10. *Deci E.L., Ryan R.M.* The “What” and “Why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // *Psychological Inquiry*. 2000. V. 11. № 4. P. 227–268.
11. *Grassi M., Luccio R., Di Blas L.* CircE: An R implementation of Browne’s circular stochastic process model // *Behavior Research Methods*. 2010. V. 42. № 1. P. 55–73.
12. *Grouzet F. et al.* The structure of goal contents across 15 cultures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2005. V. 89. № 5. P. 800–816.
13. *Guttman L.* A new approach to factor analysis: The Radox // *Mathematical thinking in the social sciences* / Ed. P. Lazarfeld. N.Y., US: Free Press, 1954. P. 258–348.
14. *Hope N.H. et al.* The path from intrinsic aspirations to subjective well-being is mediated by changes in basic psychological need satisfaction and autonomous motivation: A large prospective test // *Motivation and Emotion*. 2019. V. 43. № 2. P. 232–241.
15. *Jeno L.M., Danielsen A.G., Raaheim A.* A prospective investigation of students’ academic achievement and dropout in higher education: A Self-Determination Theory approach // *Educational Psychology*. 2018. V. 38. № 9. P. 1163–1184.
16. *Kasser T., Ryan R.M.* A dark side of the American dream: Correlates of financial success as a central life aspiration // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993. V. 65. № 2. P. 410–422.
17. *Kasser T., Ryan R.M.* Be careful what you wish for: Optimal functioning and the relative attainment of intrinsic and extrinsic goals // *Life goals and well-being: Towards a positive psychology of human striving* / Eds. P. Schmuck, K.M. Sheldon. Hogrefe & Huber Publishers, 2001. P. 116–131.
18. *Kasser T., Ryan R.M.* Further examining the american dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. V. 22. № 3. P. 280–287.
19. *Martela F., Bradshaw E.L., Ryan R.M.* Expanding the map of intrinsic and extrinsic aspirations using network analysis and multidimensional scaling: Examining four new aspirations // *Frontiers in Psychology*. 2019. V. 10. P. 2174.
20. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness. N.Y., NY: Guilford Publications, 2017. 756 p.
21. *Ryan R.M. et al.* The American dream in Russia: Extrinsic aspirations and well-being in two cultures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. № 12. P. 1509–1524.
22. *Schmuck P., Kasser T., Ryan R.M.* Intrinsic and extrinsic goals: Their structure and relationship to well-being in German and U.S. college students // *Social Indicators Research*. 2000. V. 50. № 2. P. 225–241.
23. *Spasovski O.* The relation of basic psychological needs, intrinsic and extrinsic life goals, and collectivism with subjective well-being: A case in Macedonia // *Well-Being and cultures: Perspectives from positive psychology: Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology* / Eds. H.H. Knoop, A. Delle Fave. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. P. 71–81.
24. *Williams G.C. et al.* Extrinsic life goals and health-risk behaviors in adolescents // *Journal of Applied Social Psychology*. 2000. V. 30. № 8. P. 1756–1771.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Краткая версия опросника “Индекс стремлений”

У каждого человека есть долговременные стремления или цели, которые он надеется достичь в течение жизни. Ниже мы перечислили некоторые жизненные цели и просим Вас ответить на три вопроса о каждой из них:

а) Насколько важна эта цель для Вас?

Совсем не (важна и т.д.)   Умеренно   Очень (важна и т.д.)
 1   2   3   4   5   6   7

б) Насколько вероятно, что Вы достигнете этой цели в будущем?

в) Насколько Вы уже достигли этой цели?

Отвечая на каждый из трех вопросов о каждой (в соответствующих колонках “а”, “б” или “в”) цели используйте следующую шкалу:

Жизненная цель	а	б	в
1. Жить в согласии с собой, своими ценностями и интересами			
2. Иметь хороших друзей, на которых я могу рассчитывать			
3. Работать ради улучшения общества			

Жизненная цель	а	б	в
4. Добиться того, чтобы люди отмечали, как привлекательно я выгляжу			
5. Быть знаменитым (знаменитой)			
6. Быть влиятельным человеком			
7. Выбирать, что мне делать, а не быть вынужденным что-то делать			
8. Иметь надежные близкие отношения			
9. Помогать людям, которые в этом нуждаются, ничего не прося взамен			
10. Следовать моде в причёске и одежде			
11. Быть известным(ой), видеть, что мое имя часто появляется в средствах массовой информации			
12. Занимать важное положение в обществе			
13. Заниматься тем, что имеет для меня важный смысл			
14. Чувствовать, что есть люди, которые действительно любят меня и которых люблю я			
15. Помогать другим улучшать их жизнь			
16. Иметь внешний вид, который другие находят привлекательным			
17. Видеть, что мной восхищаются многие люди			
18. Стать тем, кому подчиняются другие люди			

Примечание. При использовании методики для оценки только относительной важности стремлений необходимо убрать пункты “б” и “в” из инструкции и удалить соответствующие столбцы из таблицы для ответов.

Ключ:

Внутренние стремления	Внешние стремления
Самовыражение: 1, 7, 13	Внешность: 4, 10, 16
Отношения: 2, 8, 14	Известность: 5, 11, 17
Сообщество: 3, 9, 15	Влиятельность: 6, 12, 18

LIFE GOALS DIAGNOSTICS: SHORT VERSION OF “ASPIRATIONS INDEX” QUESTIONNAIRE

T. O. Gordeeva^{1,2,*}, O. A. Sychev^{3,**}, V. A. Egorov^{4,***}

¹Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bldn. 9, Russia.

²National Research University “Higher School of Economics”;
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.

³Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy;
659333, Biysk, Altai Territory, Vladimir Korolenko str., 53, Russia.

⁴Non-Profit Organization “Trust Fund for Future Generations of Sakha (Yakutia) Republic”;
677018, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Ammosova str., 18, Russia.

*ScD (Psychology), Professor, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University,
Researcher at the National Research University “Higher School of Economics”.

E-mail: tamgordeeva@gmail.com

** PhD (Psychology), Associate Professor.

E-mail: osn1@mail.ru

*** PhD (Physical and Mathematical Sciences), General Director.

E-mail: vladimir_egorov@mail.ru

Received 03.02.2023

Abstract. The purpose of the study was to develop a short version of the “Aspirations Index” questionnaire, based on the life goals sub-theory of self-determination theory and designed to measure two types of goals: intrinsic (Self-Expression, Relationships, Community contribution scales) and extrinsic (Image, Fame, Power

scales). A total of 5635 high school students between the ages of 16 and 18 participated in the study ($M = 16.81$, $SD = 0.68$, 41% male). Confirmatory factor analysis of questionnaire's structure demonstrated an acceptable fit to the data from both the six-factor model and the hierarchical model with the factors of intrinsic and extrinsic aspirations. The structure of the questionnaire at the scale level was confirmed to be consistent with a circular (circumplex) model, reflecting the expected ordering of the scales according to the intrinsic or extrinsic nature of the goals. The good internal consistency of the scales is evidenced by the magnitude of the Cronbach's α coefficients (0.78–0.85 for the first-level scales, 0.84 for intrinsic aspirations, and 0.89 for extrinsic aspirations). Correlations of the scales with the indicators of psychological well-being, motivation, and academic achievement testify to the validity of the questionnaire. The presence of aspirations has been shown to be generally conducive to well-being, but it is the dominance of intrinsic prosocial aspirations that is most favorable.

Keywords: intrinsic goals, extrinsic goals, aspiration index, questionnaire, self-determination theory, well-being, motivation.

REFERENCES

1. *Gizhickij V.V.* Uchebnyj obman kak strategija psevdoadaptivnogo povedenija u starsheklassnikov. Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. V. 58. № 2. P. 293–299.
2. *Gordeeva T.O., Sychev O.A., Gizhickij V.V., Gavrichenkova T.K.* Shkaly vnutrennej i vneshej akademicheskoy motivacii shkol'nikov. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2017. V. 22. № 2. P. 65–74.
3. *Osin E.N.* Otchuzhdenie ot ucheby kak prediktor vygoranija u studentov vuzov: rol' harakteristik obrazovatel'noj sredy. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2015. V. 20. № 4. P. 57–74.
4. *Sychev O.A. et al.* Mnogomernaja shkala udovletvorenosti zhizn'ju shkol'nikov. Psihologicheskaja nauka i obrazovanie. 2018. № 6. P. 5–15.
5. *Andrews F.M., Withey S.B.* Social indicators of well-being: Americans' perceptions of life quality. New York: Plenum Press, 1976. 455 p.
6. Aspirations Index [Jelektronnyj resurs]. Center for Self-Determination Theory. URL: https://selfdeterminationtheory.org/wp-content/uploads/2022/01/AI_Complete.pdf (date of access: 10.01.2023).
7. *Bolin J.E.* Regression analysis in R: A comprehensive view for the social sciences. New York, London: CRC Press, 2023. 134 p.
8. *Bradshaw E.L. et al.* A meta-analysis of the dark side of the American dream: Evidence for the universal wellness costs of prioritizing extrinsic over intrinsic goals. Journal of Personality and Social Psychology. 2022.
9. *Brdar I., Majda R., Dubravka M.* Life goals and well-being: Are extrinsic aspirations always detrimental to well-being? Psihologijske Teme. 2009. V. 18. № 2. P. 317–334.
10. *Deci E.L., Ryan R.M.* The “What” and “Why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. Psychological Inquiry. 2000. V. 11. № 4. P. 227–268.
11. *Grassi M., Luccio R., Di Blas L.* CircE: An R implementation of Browne's circular stochastic process model. Behavior Research Methods. 2010. V. 42. № 1. P. 55–73.
12. *Grouzet F. et al.* The structure of goal contents across 15 cultures. Journal of Personality and Social Psychology. 2005. V. 89. № 5. P. 800–816.
13. *Guttman L.* A new approach to factor analysis: The Radex. Mathematical thinking in the social sciences. Ed. P. Lazarfeld. New York, US: Free Press, 1954. P. 258–348.
14. *Hope N.H. et al.* The path from intrinsic aspirations to subjective well-being is mediated by changes in basic psychological need satisfaction and autonomous motivation: A large prospective test. Motivation and Emotion. 2019. V. 43. № 2. P. 232–241.
15. *Jeno L.M., Danielsen A.G., Raaheim A.* A prospective investigation of students' academic achievement and dropout in higher education: A Self-Determination Theory approach. Educational Psychology. 2018. V. 38. № 9. P. 1163–1184.
16. *Kasser T., Ryan R.M.* A dark side of the American dream: Correlates of financial success as a central life aspiration. Journal of Personality and Social Psychology. 1993. V. 65. № 2. P. 410–422.
17. *Kasser T., Ryan R.M.* Be careful what you wish for: Optimal functioning and the relative attainment of intrinsic and extrinsic goals. Life goals and well-being: Towards a positive psychology of human striving. Eds. P. Schmuck, K.M. Sheldon. Hogrefe & Huber Publishers, 2001. P. 116–131.
18. *Kasser T., Ryan R.M.* Further examining the American dream: Differential correlates of intrinsic and extrinsic goals. Personality and Social Psychology Bulletin. 1996. V. 22. № 3. P. 280–287.
19. *Martela F., Bradshaw E.L., Ryan R.M.* Expanding the map of intrinsic and extrinsic aspirations using network analysis and multidimensional scaling: Examining four new aspirations. Frontiers in Psychology. 2019. V. 10. P. 2174.
20. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and

- wellness. New York, NY: Guilford Publications, 2017. 756 p.
21. *Ryan R.M. et al.* The American dream in Russia: Extrinsic aspirations and well-being in two cultures. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. V. 25. № 12. P. 1509–1524.
  22. *Schmuck P., Kasser T., Ryan R.M.* Intrinsic and extrinsic goals: Their structure and relationship to well-being in German and U.S. college students. *Social Indicators Research*. 2000. V. 50. № 2. P. 225–241.
  23. *Spasovski O.* The relation of basic psychological needs, intrinsic and extrinsic life goals, and collectivism with subjective well-being: A case in Macedonia. *Well-Being and cultures: Perspectives from positive psychology: Cross-Cultural Advancements in Positive Psychology*. Eds. H.H. Knoop, A. Delle Fave. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. P. 71–81.
  24. *Williams G.C. et al.* Extrinsic life goals and health-risk behaviors in adolescents. *Journal of Applied Social Psychology*. 2000. V. 30. № 8. P. 1756–1771.

УДК 159.9

АПРОБАЦИЯ МОДИФИЦИРОВАННОЙ ШКАЛЫ ВРАЖДЕБНОСТИ НА РОССИЙСКОЙ ВЫБОРКЕ

© 2023 г. Г. Д. Емелин^{1,*}, С. Н. Ениколопов^{1,2,**}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

²ФГБНУ “Национальный центр психического здоровья”;
115522, г. Москва, Каширское ш., д. 34, Россия.

*Выпускник кафедры психологии личности факультета психологии.
E-mail: gemelinpsy@gmail.com

**Кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель отдела клинической психологии ФГБНУ “Национальный центр психического здоровья”.

E-mail: enikolopov@mail.ru

Получено 17.02.2023

Аннотация. В статье приведены результаты апробации модифицированной шкалы враждебности, сконструированной на основе русскоязычного перевода опросника Кука—Медли с помощью сокращения числа пунктов и коррекции перевода. Выборка апробации составила 231 человек (39.8% — мужчины). Статистический и содержательный анализ опросника подтвердили надежность-согласованность, надежность-устойчивость и конвергентную валидность методики. В результате проведенных последовательно эксплораторного факторного анализа и конфирматорного факторного анализа была получена трехфакторная структура опросника: цинизм, негативизм, настороженность. Хотя полученная трехфакторная структура семантически схожа с четырехфакторной структурой оригинальной русскоязычной версии опросника Кука—Медли, в нашем случае факторы не являются ортогональными. Это соответствует логике построения “материнского” опросника (ММРП), из которого изначально и была взята шкала Но (опросник Кука—Медли).

Ключевые слова: враждебность, агрессия, цинизм, негативизм, настороженность, шкала Но, апробация опросника.

DOI: 10.31857/S020595920024439-8

Враждебность является одним из ключевых факторов, влияющих на рост насилия, который наблюдается в актуальной социальной ситуации. Несмотря на данный факт, враждебность как отдельный психологический феномен получает ощущение меньшее количество внимания исследователей, нежели смежные феномены агрессии и гнева. Существующие же исследования в основном проводятся в рамках клинической психологии, психологии здоровья и психиатрии [3; 4; 8; 9]. При этом исследования враждебности в рамках социальной психологии и психологии личности встречаются очень редко. Мы полагаем, что это связано в том числе со скудным набором современных инструментов для изучения данного феномена. Таким образом, целью нашего исследования является расширение методического арсенала для изучения враждебности. Данная статья

посвящена результатам апробации модифицированной шкалы враждебности.

Долгое время, до 60-х годов прошлого века, семантически близкие понятия “агрессия”, “агрессивность”, “гнев”, “враждебность” и т.д. не разделялись. Первую попытку обозначить границу указанных конструкторов предпринял А. Басс. Он понимал агрессию как трехфакторный феномен, который включает в себя когнитивный (враждебность), аффективный (гнев) и поведенческий (агрессивное поведение) компоненты [17]. При этом враждебность понимается Бассом как система оценок или длительное и устойчивое отношение к людям, объектам внешнего мира, событиям, явлениям и т.д.

Д. Бэрфут, в отличие от Басса, ставил во главу угла именно враждебность и полагал, что уже она

включает в себя те же три компонента. При этом содержание указанных компонентов шире: когнитивный компонент включает в себя как цинизм, понимаемый в качестве базовой негативной установки на природу человека, так и базовое недоверие к людям, подозрительность; аффективный компонент включает в себя не только гнев, но и обиду, отвращение и т.д.; поведенческий же компонент включает в себя как прямую агрессию, так и нежелание общаться, негативизм, намеренное избегание и т.д. [15].

Т.В. Смит понимает враждебность как систему негативных убеждений касательно мотивов и личности людей, которая провоцирует у человека ощущение себя в противовес остальным, желание зла другим и т.д. [24].

С.Н. Ениколопов и соавторы понимают враждебность как “генератор фиксированной гипотезы” (по Дж. Брунеру) о том, что люди изначально враждебно настроены к субъекту, или же, если рассматривать шире, как специфически “настроенный” на определение опасности образ мира [3; 4; 6; 7]. Образ мира при этом понимается в том смысле, в котором его понимал А.Н. Леонтьев, т.е. как интегральное образование когнитивной сферы, обладающее следующими характеристиками: 1) амодальность; 2) аффективная насыщенность возникающих представлений [10]; 3) источник знаний для формирования представлений о мире [12].

Из данных выше определений четко прослеживается тенденция к пониманию враждебности как феномена когнитивной сферы. Более того, в исследованиях встречается понятие “hostile attributional bias”, или “предвзятая атрибуция враждебности”. Данный феномен представляет собой искажение социальной перцепции, которое выражается в приписывании другим враждебных намерений, даже когда это не соответствует реальности [1; 2; 11; 14; 19; 20; 26].

Кроме того, связь враждебности с когнитивной сферой и ее влияние на социальную перцепцию подтверждаются рядом исследований, где была показана связь враждебности с трудностями в расшифровке эмоции. В частности, эмоция отвращения часто была декодирована враждебными респондентами как гнев, а счастье — как нейтральное выражение лица [22].

В других исследованиях было показано, что для враждебных респондентов конфликт в супружеской паре был более личностно значим, чем для невраждебных [25].

В связи с концептуализацией враждебности как феномена когнитивной сферы, т.е. феномена, который доступен к самовосприятию респондентами либо в форме априорных суждений и базовых представлений о мире, либо как осознанно сформулированной позиции на природу человека и мира, опросный метод является адекватным для его исследования.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании принял участие 231 человек в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 21.7$, $SD = 3.3$), 91 из которых — мужчины (39.8%). Распределение по уровню получаемого или полученного образования следующее: 98 человек (42.4%) — бакалавриат, 98 человек — магистратура или специалитет (42.4%), 27 человек — среднее общее образование (11.7%), 8 человек — среднее специальное образование (3.5%); специальность образования не уточнялась. В связи с риском социально желательных ответов было принято решение сделать опросник анонимным и распространять в Интернете с помощью платформы Google Forms. В самом конце, уже после прохождения опросника, была предложена возможность указать любые контакты для участия во втором этапе исследования (ретест). По итогам сбора данных 106 человек указали свои контактные данные, по которым им рассылались информационные письма с предложением участия во втором этапе исследования. На письма откликнулись 37 человек (34.9%).

Во втором этапе (ретесте) приняло участие 37 человек в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 22.3$, $SD = 3.01$), 9 из которых — мужчины (24.3%). Распределение по уровню получаемого или полученного образования следующее: 14 человек (37.8%) — бакалавриат, 19 человек — магистратура или специалитет (51.4%), 1 человек — среднее общее образование (2.7%), 3 человека — среднее специальное образование (8.1%); специальность образования не уточнялась. Опросник был составлен в электронном виде с помощью платформы Google Forms и отправлен напрямую респондентам.

Методики. 1. Русскоязычная версия опросника враждебности Кука—Медли в адаптации Л.Н. Собчик [13]. Испытуемым предлагается оценить 50 утверждений по пятибалльной шкале Ликерта от 1 до 5, где 1 — “совершенно не согласен”, а 5 — “полностью согласен”. 2. Русскоязычная версия опросника склонности к агрессивным формам поведения ВРАQ-24 (опросник агрессии Басса—Перри в адаптации Ениколопова и Цибульского). Испытуемым предлагается оценить 24 утверждения

по пятибалльной шкале Ликерта-типа, где 1 — “совсем на меня не похоже”, а 5 — “очень на меня похоже” [5].

Для статистической обработки данных было использовано следующее ПО: MS Excel 2019, IBM SPSS Statistics 25, MPlus 8.12.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Важно отметить, что авторы специально не ставили целью воспроизведение изначальной структуры опросника враждебности Кука—Медли в адаптации Л.Н. Собчик. В фокусе нашего внимания стояло конструирование нового инструмента на основе сокращения числа пунктов и модификации перевода методики, представленной на русском языке.

Перевод пунктов. Уже переведенные на русский язык 50 утверждений опросника были сравнены с оригиналом на английском двумя экспертами: психологом, владеющим английским языком, и профессиональным переводчиком. После сравнения были изменены пункты 2, 7, 10, 19, 20, 22, 31, 35, 40, 41, 42, 48 с целью большего семантического сближения с оригиналом.

Надежность-согласованность опросника. При анализе внутренней согласованности по критерию альфа Кронбаха нами было исключено 14 пунктов оригинального опросника в связи с тем, что при их наличии коэффициент согласованности был ниже, чем без них: 1, 3, 4, 12, 16, 18, 20, 22, 31, 32, 33, 45, 47, 48. Таким образом, число пунктов сократилось с 50 до 36. Среднее значение альфа Кронбаха по всей шкале составило 0.871, что говорит о высокой внутренней согласованности опросника в целом.

Далее, согласно общепринятым психометрическим нормам, был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) и конфирматорный факторный анализ (КФА) для определения структуры опросника.

Эксплораторный факторный анализ. Значения критерия Кайзера—Майера—Олкина и результаты анализа по критерию сферичности Бартлетта показали пригодность данных для проведения эксплораторного факторного анализа (табл. 1).

Таблица 1. Значение Кайзера—Майера—Олкина (КМО) и результат анализа по критерию сферичности Бартлетта

Мера адекватности выборки (КМО)		0.81
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	2240
	ст.св.	630
	Значимость	> 0.001

При проведении эксплораторного факторного анализа путем факторизации главной оси с вращением варимакс и заданным условием выделения факторов при их собственном значении, равном единице или больше, была получена десятифакторная модель. Для снижения количества факторов нами было принято решение ввести условие выделения фактора при изначальном собственном значении, равном двум. Таким образом была получена трехфакторная модель: фактор “Цинизм” объясняет 17.3% общей дисперсии; фактор “Негативизм” объясняет 4.8% дисперсии; фактор “Настороженность” объясняет 4%. Совокупный процент объясненной дисперсии — 26.1%. Факторные нагрузки пунктов представлены в табл. 2. Содержание пунктов с номерами представлено в приложении.

Конфирматорный факторный анализ. На основе результатов эксплораторного факторного анализа с помощью пакета Mplus 8.12 был проведен конфирматорный факторный анализ ($ESTIMATOR = WLSMV$). Существуют разные подходы к принятию решений о том, пригодна ли модель, полученная в результате КФА, для описания исходных данных. Б. Бирн предлагает следующие границы показателей для принятия решений о пригодности модели для описания: $RMSEA < 0.05$, $CFI \geq 0.95$, $SRMR \leq 0.06$ [18]. П.М. Бентлер и Д.Г. Боннет полагают, что значение TLI должно быть больше 0.9 [16]. Л. Ху и П.М. Бентлер предлагают считать пригодной модель, если $SRMR < 0.08$; $CFI > 0.95$ (хорошее соответствие модели) или $CFI > 0.9$ (приемлемое соответствие модели) [21]. Модель, полученная в результате ЭФА, показала неудовлетворительные результаты по критериям CFI и TLI (табл. 3). В связи с этим мы обратились к анализу индексов модификации. Индексы модификации показывают то, насколько значимо и сильно уменьшится значение хи-квадрат, если добавить ковариацию ошибок переменных, нагрузку переменной на фактор и т.д. Значимыми индексами считались, если показатель хи-квадрат был выше 3.84. Это соответствует уровню значимости $p < 0.05$ для 1-й степени свободы. На основе этого анализа модель была несколько изменена. В фактор “Цинизм” были добавлены пункты: 8 “Если вам делают приятное, то вас обычно интересует, что за этим кроется” и 19 “Мало кто искренне старается помочь другим, если это связано с неудобствами”; в фактор “Негативизм” были добавлены

Таблица 2. Факторная нагрузка пунктов модифицированной шкалы враждебности после ротации.

Пункт (№)	Факторы		
	“Цинизм”	“Негативизм”	“Настороженность”
1			0.33
2	0.475		
3	0.32		
4	0.568		
5	0.474		
6	0.435		
7	0.647		
8		0.567	
9			0.611
10		0.3	
11			0.322
12			0.343
13		0.585	
14		0.544	
15			0.459
16	0.509		
17	0.505		
18		0.476	
19		0.412	
20		0.639	
21		0.378	
22	0.381		
23	0.429		
24	0.3		
25			0.354
26			0.39
27	0.474		
28			0.401
29			0.356
30		0.483	
31			0.471
32	0.373		
33	0.371		
34	0.332		
35			0.345
36	0.37		

пункты: 16 “Большинство людей заводит знакомства лишь потому, что друзья могут оказаться полезными”, 22 “Вы часто разочаровываетесь в людях”, 33 “Когда мужчина находится в обществе женщины, направленность его мыслей обычно связана с ее полом”. Кроме того, в модель были добавлены ковариации ошибок пунктов в связи с их смысловой

Таблица 3. Значение критериев модели КФА, полученной по результатам ЭФА, и модели КФА, построенной на основе анализа индексов модификации

Критерий	$\chi^2(df, p)$	<i>RMSEA</i> (90%-й ДИ, <i>p</i>)	<i>CFI</i>	<i>TLI</i>	<i>SRMR</i>
Модель 1 (по ЭФА)	3110.6 (630, $p < 0.001$)	0.052 (0.046...0.058, $p = 0.242$)	0.848	0.838	0.074
Модель 2 (по итогам анализа индексов модификации)	3110.6 (630, $p < 0.001$)	0.041 (0.034...0.048, $p = 0.99$)	0.91	0.9	0.065

близостью: 29 и 3, 7 и 4, 7 и 6, 16 и 12, 13 и 30, 31 и 9, 12 и 1, 16 и 7, 25 и 18, 32 и 23. Таким образом, факторы в модели не являются ортогональными, как изначально предполагалось, однако это соответствует общей логике построения “материнского” опросника, из которого изначально и была взята шкала враждебности Кука—Медли (ММРП).

По итогам преобразований модель получила удовлетворительные значения по необходимым критериям и оценивается нами как пригодная (см. табл. 3).

Итоговая структура факторов опросника представлены в табл. 4.

Таким образом, факторная структура шкалы враждебности отличается от структуры шкалы враждебности в адаптации Л.Н. Собчик. В изначальном варианте было представлено четыре фактора: цинизм, настороженность, агрессия, аутизация. В нашем же случае выявилась трехфакторная структура, которая хоть и содержательно близка к изначальной структуре, все же отличается: цинизм, негативизм, настороженность. Различия в факторной структуре могут быть обусловлены кардинальными социальными изменениями в российском обществе в сравнении с ситуацией при первой адаптации. Также на факторную структуру мог оказать влияние модифицированный перевод ряда пунктов.

Тест-ретестовая надежность. Для оценки надежности-устойчивости опросника был проведен ретест. В нем приняло участие 37 человек. Интервалы между первым и вторым тестированием составили от 30 до 40 дней. Результаты представлены в табл. 5.

Как видно из таблицы, корреляции между результатами двух тестирований значимы при значении коэффициентов больше 0.3, что говорит о высокой надежности-устойчивости модифицированной шкалы враждебности.

Конвергентная валидность. Для определения конвергентной валидности опросника рассчитывались корреляции между факторами модифицированной шкалы враждебности и фактором “Враждебность” опросника агрессии Басса—Перри (табл. 6).

Как видно из таблицы, все три фактора модифицированной шкалы враждебности положительно коррелируют с фактором “Враждебность” опрос-

Таблица 4. Трехфакторная структура шкалы враждебности и показатели внутренней согласованности факторов (альфа Кронбаха, стандартизированная альфа Кронбаха, альфа-если удалить)

“Цинизм” ($\alpha = 0.834$, $st.\alpha = 0.834$)		“Негативизм” ($\alpha = 0.805$, $st.\alpha = 0.805$)		“Настороженность” ($\alpha = 0.724$, $st.\alpha = 0.719$)	
Номер пункта	альфа-если удалить	Номер пункта	альфа-если удалить	Номер пункта	альфа-если удалить
2	0.826	8	0.778	1	0.703
3	0.83	10	0.811	9	0.675
4	0.826	13	0.783	11	0.717
5	0.823	14	0.783	12	0.709
6	0.829	16	0.793	15	0.695
7	0.819	18	0.794	25	0.709
8	0.824	19	0.79	26	0.711
16	0.82	20	0.776	28	0.697
17	0.822	21	0.803	29	0.709
19	0.827	22	0.79	31	0.704
22	0.822	30	0.794	35	0.72
23	0.827	33	0.797		
24	0.833				
27	0.826				
32	0.829				
33	0.827				
34	0.83				
36	0.831				

Таблица 5. Корреляция между результатами первого и второго тестирования (коэффициент Пирсона)

	Цинизм (I тестирование)	Негативизм (I тестирование)	Настороженность (I тестирование)
Цинизм (II тестирование)	0.514**		
Негативизм (II тестирование)		0.693**	
Настороженность (II тестирование)			0.625**

** Корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Таблица 6. Корреляции факторов шкалы враждебности с факторами враждебности Басса—Перри

Факторы (модифицированная шкала враждебности)	“Враждебность” (Басс—Перри)
Цинизм	0.58**
Негативизм	0.603**
Настороженность	0.612**

** Корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

ника Басса—Перри. Это говорит о том, что методика действительно направлена на измерение конструкта враждебности.

Половые различия. При анализе результатов у мужчин и женщин по факторам модифицированной шкалы враждебности не были выявлены

значимые различия (табл. 7). Стоит отметить, что та же тенденция отмечалась и в предыдущих исследованиях [5; 23].

Данные результаты весьма интересны с учетом того, что для других проявлений агрессии/враждебности (например, физической и вербальной

Таблица 7. Средние, стандартные отклонения и показатели t -критерия для независимых выборок (мужчины и женщины)

Фактор	Мужчины	Женщины	t (df , p)
Цинизм	$M = 55.7$ $SD = 9.6$	$M = 54$ $SD = 11.9$	-1.155 (229, 0.25)
Негативизм	$M = 34.1$ $SD = 8$	$M = 33.3$ $SD = 9.3$	-0.654 (229, 0.515)
Настороженность	$M = 30.6$ $SD = 7.3$	$M = 31.9$ $SD = 7.1$	1.372 (229, 0.171)

агрессии, гнева) различия были установлены. Вероятно, отсутствие значимых половых различий во враждебности связано с природой самого феномена. В случае враждебности мы изучаем не самооценку склонности к тому или иному поведению или переживанию, но некоторые базовые установки, которые касаются взгляда на мир и человека. Соотношение и влияние установок и, шире, образа мира на поведение все еще является вопросом открытым. Однако, судя по всему, различные феномены агрессии/враждебности (враждебность, агрессия, гнев и т.д.) между собой коррелируют не всегда.

ВЫВОДЫ

В заключение приведем основные выводы, следующие из результатов нашего исследования.

1. Результаты исследования показали, что модифицированная шкала враждебности Кука—Медли имеет достаточную внутреннюю согласованность и надежность-устойчивость в оценке враждебности.

2. Факторная структура модифицированной шкалы враждебности отличается от факторной структуры оригинальной адаптации шкалы враждебности Кука—Медли. Это может быть связано с различиями в социальных условиях, в которых находились выборки при адаптации шкалы враждебности Кука—Медли и апробации модифицированной шкалы враждебности. Изменения в факторной структуре опросника также могут быть связаны с изменением перевода. Кроме того, факторы модифицированной шкалы враждебности неортогональны, что соответствует логике построения ММПИ, “материнского” опросника, из которого и был взят опросник враждебности Кука—Медли.

3. Корреляционный анализ шкалы враждебности с фактором “Враждебность” Басса—Перри показал, что методика обладает конвергентной валидностью, т.е. действительно измеряет заявленный конструкт враждебности.

4. Половые различия по факторам шкалы враждебности отсутствуют, что подтверждает результаты предыдущих исследований. Это возможно объяснить при понимании враждебности как определенной базовой установки, которая не всегда связана с реальным поведением и протеканием аффективных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2018.

2. Грищенкова А.Е. Половозрастные особенности атрибуции враждебности школьников // Психолог. 2015. № 4. С. 139–316.
3. Ениколопов С.Н. Враждебность в клинической и криминальной психологии // Национальный психологический журнал. 2007. Т. 2. № 1. С. 33–39.
4. Ениколопов С.Н. Психология враждебности в медицине и психиатрии // Современная терапия психических расстройств. 2007. № 1. С. 18–22.
5. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журн. 2007. Т. 28. № 1. С. 115–124.
6. Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. М.: Политическая энциклопедия, 2014.
7. Ениколопов С.Н., Чудова Н.В. Проблема проявлений враждебной установки // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.02.2023).
8. Кузнецова С.О., Абрамова А.А. Враждебность и психическое здоровье [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. Т. 1. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40886 (дата обращения: 15.02.2023).
9. Кузнецова С.О., Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Разумова А.В. Психологические особенности враждебности у больных с шизофренией, шизоаффективными и аффективными расстройствами // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2014. № 3. С. 92–103.
10. Леонтьев А.Н. Образ мира. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983.
11. Реан А.А. Свобода: ответственность, негативизм, работа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 2021. № 3. С. 83–101.
12. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М.: Моск. гос. университет, 1985.
13. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. М.: Институт прикладной психологии, 1997.
14. Яворский А.А., Яворский Р.А. Социально-психологические стигмы, дезадаптация и гетероагрессия // Вестник Гуманитарного университета. 2015. № 2. С. 10–18.
15. Barefoot J.C. Developments in the measurement of hostility / Ed. H.S. Friedman. Hostility, coping, & health. American Psychological Association. 1992. P. 13–31.
16. Bentler P.M., Bonnet D.G. Significance tests and goodness of fit in the analysis of covariance structures // Psychological Bulletin. 1980. V. 88. № 3. P. 588–606.
17. Buss A.H. The psychology of aggression. N.Y.: Wiley, 1961.

18. *Byrne B.* Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications and programming. L.: Routledge Academic, 2011.
19. *Dodge K.A. et al.* Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents // *Journal of abnormal psychology.* 1990. V. 99. № 4. P. 385–392.
20. *Epps J., Kendall P.C.* Hostile attributional bias in adults // *Cognitive Therapy and Research.* 1995. V. 19. P. 159–178.
21. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives // *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal.* 1999. V. 6. № 1. P. 1–55.
22. *Larkin K.T., Martin R.R., McClain S.E.* Cynical hostility and the accuracy of decoding facial expressions of emotions // *Journal of Behavioral Medicine.* 2002. V. 25. P. 285–292.
23. *Moreno J.K., Selby M.J., Fuhriman A., Laver G.D.* Hostility in depression // *Psychological reports.* 1994. V. 75. № 3. P. 1391–1401.
24. *Smith T.W.* Hostility and health: current status of a psychosomatic hypothesis // *Health psychology.* 1992. V. 11. № 3. P. 139–150.
25. *Smith T.W., Sanders J.D., Alexander J.F.* What does the Cook and Medley Hostility scale measure? Affect, behavior, and attributions in the marital context // *Journal of Personality and Social Psychology.* 1990. V. 58. № 4. P. 699–708.
26. *Tuente S.K., Bogaerts S., Veling W.* Hostile attribution bias and aggression in adults—a systematic review // *Aggression and violent behavior.* 2019. V. 46. P. 66–81.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Модифицированная шкала враждебности

Инструкция. Внимательно прочитайте утверждения и оцените их по 5-балльной шкале от 1 до 5, где 1 — “совершенно не согласен”, 5 — “полностью согласен”. Старайтесь отвечать откровенно и долго не раздумывать.

1. Если кто-то с вами плохо поступает, то вы чувствуете, что должны отплатить ему/ей тем же.
2. Очень многие преувеличивают свои несчастья, чтобы добиться сочувствия и помощи.
3. Большинство людей приходится долго убеждать, чтобы доказать им какую-нибудь истину.
4. Большинство людей способно солгать, чтобы преуспеть.
5. Кое-кто рад бы вам навредить.
6. Большинство людей честны главным образом потому, что боятся попасться.
7. Большинство людей будут добиваться выгоды не совсем честным способом.
8. Если вам делают приятное, то вас обычно интересует, что за этим кроется.
9. Вы считаете, что вас часто незаслуженно наказывали.
10. Вы против того, чтобы подавать милостыню.
11. У некоторых членов вашей семьи есть привычки, которые вас раздражают.
12. Обычно люди неправильно понимают ваши поступки.
13. Никому не интересно то, что с вами происходит.
14. Безопаснее никому не доверять.
15. Вы не раз замечали, что незнакомые люди смотрят на вас критически.
16. Большинство людей заводит знакомства лишь потому, что друзья могут оказаться полезными.
17. Вы уверены, что о вас говорят за вашей спиной.
18. Вы предпочитаете не заговаривать с людьми, пока они сами к вам не обратятся.
19. Мало кто искренне старается помочь другим, если это связано с неудобствами.
20. Обычно вы осторожны с людьми, которые относятся к вам дружелюбнее, чем вы ожидали.
21. Иногда вы стараетесь держаться подальше от того или иного человека, чтобы не сделать или не сказать чего-нибудь такого, о чем потом пожалете.
22. Вы часто разочаровываетесь в людях.
23. Вам часто приходилось встречать людей, которые считались специалистами, а на самом деле знали не больше вашего.
24. Вам определенно доставило бы удовольствие победить преступника в его же собственной игре.
25. Когда вы узнаете об успехах близкого знакомого, у вас появляется чувство, что вы неудачник.
26. Временами вы были вынуждены обходиться резко с людьми, которые вели себя грубо или назойливо.

27. Обычно люди требуют больше уважения к своим правам, чем сами уважают чужие права.

28. Есть люди, которые вам настолько неприятны, что в глубине души вы радуетесь, когда они за что-то получают нагоняй.

29. Вам зачастую приходится из кожи вон лезть, чтобы победить в споре.

30. Вы зачастую не в курсе дел и интересов людей из вашего окружения.

31. В детстве человек, с которым вы проводили больше всего времени (мать/отец, мачеха/отчим, приемная мать/приемный отец и т.д.), были очень строг к вам.

32. Вы часто встречали людей, завидовавших вашим удачным идеям, потому что сами они не могли до этого додуматься.

33. Когда мужчина находится в обществе женщины, направленность его мыслей обычно связана с ее полом.

34. Вам часто приходилось работать под руководством людей, которые умели повернуть дело так, что все достижения в работе приписывались им, а виноватыми в ошибках всегда оказывались подчиненные.

35. Иногда вы уверены, что другие люди знают, о чем вы думаете.

36. Многие люди повинны в неправильном сексуальном поведении.

APPROBATION OF MODIFIED HOSTILITY SCALE IN RUSSIAN-SPEAKING SAMPLE

G. D. Emelin^{1,*}, S. N. Enikolopov^{1,2,**}

¹Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11, bld. 9, Russia.

²FSBSI "Mental Health Research Center";
115522, Moscow, Kashirskoe hw., 34, Russia.

*Graduate of the Department of Personality Psychology, Faculty of Psychology.

E-mail: gemelinpsy@gmail.com

**Candidate of Psychological Sciences, Leading Researcher,
Department of Personality Psychology,

Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University,

Head of the Department of Clinical Psychology of the FSBSI "Mental Health Research Center".

E-mail: enikolopov@mail.ru

Received 17.02.2023

Abstract. This article presents the results of an approbation of Modified Hostility Scale. This questionnaire is designed based on Russian translation of Cook—Medley Hostility scale by reducing the number and translation correction of several items. Statistical and content analyzes of data show that Modified Hostility Scale is reliable and convergently valid. Exploratory and confirmatory factor analyzes showed the 3-factor structure of questionnaire: cynicism, negativism, alertness. This structure is semantically close to the 4-factor structure of original Russian translation of Cook—Medley scale. However, our factors are non-orthogonal. This corresponds to the logic of "maternal" questionnaire construction (MMPI) from which the Ho scale (Cook—Medley Hostility scale) was originally taken.

Keywords: hostility, aggression, cynicism, negativism, alertness, Ho scale, approbation of questionnaire.

REFERENCES

1. Behron R., Richardson D. *Agressiya*. 2-e izd. Saint-Petersburg: Piter, 2018.
2. Grischenkova A.E. Polovozrastnye osobennosti atributsii vrazhdebnosti shkol'nikov. *Psikholog*. 2015. № 4. P. 139–316.
3. Enikolopov S.N. Vrazhdebnost' v klinicheskoy i kriminal'noy psikhologii. *National Psychological Journal*. 2007. V. 2. № 1. P. 33–39.
4. Enikolopov S.N. Psikhologiya vrazhdebnosti v meditsine i psikiatrii. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstrojstv*. 2007. № 1. P. 18–22.

5. *Enikolopov S.N., Tsibul'skij N.P.* Psichometricheskij analiz ruskoyazychnoj versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri. *Psychological Journal*. 2007. V. 28. № 1. P. 115–124.
6. *Enikolopov S.N., Kuznetsova Yu.M., Chudova N.V.* Agressiya v obydennoj zhizni. Moscow: Politicheskaya ehntsiopediya, 2014.
7. *Enikolopov S.N., Chudova N.V.* Problema proyavlenij vrazhdebnost'noy ustanovki. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 2017. V. 10. № 54. P. 12. URL: <http://psystudy.ru> (data obrascheniya: 01.02.2023).
8. *Kuznetsova S.O., Abramova A.A.* Vrazhdebnost' i psikhicheskoe zdorov'e [Elektronnyj resurs]. *Psychology and Law*. 2011. V. 1. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40886 (data obrascheniya: 15.02.2023).
9. *Kuznetsova S.O., Abramova A.A., Enikolopov S.N., Razumova A.V.* Psikhologicheskie osobennosti vrazhdebnosti u bol'nykh s shizofreniej, shizoafektivnymi i affektivnymi rasstrojstvami Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. *Psychology*. 2014. № 3. P. 92–103.
10. *Leont'ev A.N.* Obraz mira. Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya. Moscow: Pedagogika, 1983.
11. *Rean A.A.* Svoboda: otvetstvennost', negativizm, zabota. Moscow University Psychology Bulletin. Series 14. *Psychology*. 2021. № 3. P. 83–101.
12. *Smirnov S.D.* Psikhologiya obraza: problema aktivnosti psikhicheskogo otrazheniya. Moscow: Mosk. gos. Universitet, 1985.
13. *Sobchik L.N.* Vvedenie v psikhologiyu individual'nosti. Moscow: Institut prikladnoj psikhologii, 1997.
14. *Yavorskij A.A., Yavorskij R.A.* Sotsial'no-psikhologicheskie stigmy, dezadaptatsiya i geteroagressiya. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2015. № 2. P. 10–18.
15. *Barefoot J.C.* Developments in the measurement of hostility. Ed. H.S. Friedman. *Hostility, coping, & health*. American Psychological Association, 1992. P. 13–31.
16. *Bentler P.M., Bonnet D.G.* Significance tests and goodness of fit in the analysis of covariance structures. *Psychological Bulletin*. 1980. V. 88. № 3. P. 588–606.
17. *Buss A.H.* The psychology of aggression. New York: Wiley, 1961.
18. *Byrne B.* Structural equation modeling with Mplus: Basic concepts, applications and programming. London: Routledge Academic, 2011.
19. *Dodge K.A. et al.* Hostile attributional biases in severely aggressive adolescents. *Journal of abnormal psychology*. 1990. V. 99. № 4. P. 385–392.
20. *Epps J., Kendall P.C.* Hostile attributional bias in adults. *Cognitive Therapy and Research*. 1995. V. 19. P. 159–178.
21. *Hu L., Bentler P.M.* Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: Conventional criteria versus new alternatives. *Structural equation modeling: a multidisciplinary journal*. 1999. V. 6. № 1. P. 1–55.
22. *Larkin K.T., Martin R.R., McClain S.E.* Cynical hostility and the accuracy of decoding facial expressions of emotions. *Journal of Behavioral Medicine*. 2002. V. 25. P. 285–292.
23. *Moreno J.K., Selby M.J., Fuhriman A., Laver G.D.* Hostility in depression. *Psychological reports*. 1994. V. 75. № 3. P. 1391–1401.
24. *Smith T.W.* Hostility and health: current status of a psychosomatic hypothesis. *Health psychology*. 1992. V. 11. № 3. P. 139–150.
25. *Smith T.W., Sanders J.D., Alexander J.F.* What does the Cook and Medley Hostility scale measure? Affect, behavior, and attributions in the marital context. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. V. 58. № 4. P. 699–708.
26. *Tuente S.K., Bogaerts S., Veling W.* Hostile attribution bias and aggression in adults—a systematic review. *Aggression and violent behavior*. 2019. V. 46. P. 66–81.

УДК 159.9

ЧЕРТЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА (по TEIQue) КАК ПРЕДИКТОРЫ СТИЛЕВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

© 2023 г. Т. В. Корнилова

ФГБОУ ВО Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.

Доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии.

E-mail: tvkornilova@mail.ru

Поступила 23.01.2023

Аннотация. В исследованиях эмоционального интеллекта (ЭИ) представлена дихотомия понимания его как способности или черты. Для диагностики черты ЭИ на русскоязычной выборке (977 человек) апробируется опросник Trait Emotional Intelligent Questionnaire — TEIQue-SF. В регуляции принятия решений (ПР) взаимодействуют свойства, которые относятся как к интеллектуальной, так и к личностной сфере, что ставит задачу связи стилевых свойств ПР с ЭИ. Цели: 1. Русскоязычная реадaptация TEIQue-SF. 2. Выявление черт ЭИ в качестве предикторов стилей ПР, для чего применены опросники “Рациональный—Опытный” и “Тенденции принятия решений”. Результаты: Установлена четырехфакторная структура опросника TEIQue-SF со сходными психометрическими параметрами по отношению к авторской версии. На основе регрессионного анализа приняты гипотезы о роли черт ЭИ как предикторов стилевой регуляции ПР. Все черты ЭИ, кроме Эмоциональности, значимо повышают тенденции максимизации и сатисфизации усилий. При этом ЭИ в большей степени связан с рационально-аналитическим стилем.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, опросник Тенденции принятия решений — DMТI, опросник Рациональный—Опытный, опросник TEIQue-SF.

DOI: 10.31857/S020595920027095-0

ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Интерес к эмоциональному интеллекту (ЭИ) начиная с 90-х годов XX в. привел к формированию двух основных линий исследований его — как способности и как личностной черты. Выделившиеся в работе Г. Гарднера в рамках его концепции множественных интеллектов понятия внутриличностного и межличностного интеллекта были включены в представления об ЭИ как интеллектуальной обработке эмоциональной информации — восприятию, пониманию эмоций и управления ими. Дж. Майер, П. Саловей и Д. Карузо и определяли ЭИ как “способность правильно рассуждать об эмоциях и информации, связанной с эмоциями, а также использовать эмоции для улучшения мышления” [17, с. 296]. В их модели обосновано четыре линии диагностики ЭИ как способности, что легло в основу разработки как “объективных” тестов, так и самоотчетных методик, из которых на русском языке представлен опросник Д. Люсина “ЭМИн”.

Вторая линия исследований ЭИ — как черты — связывалась в нашей литературе в основном с исследованиями двух авторов: а) Р. Бар-Она, который предложил модель эмоционального и социального интеллекта как эмоциональной компетентности и ввел индекс “эмоционального коэффициента” EQ по аналогии с академическим IQ [12], и далее б) Д. Гулмена [1], который популяризировал тему.

В последние два десятилетия понимание ЭИ как черты стало рассматриваться в контексте линии исследований А. Фернхема и К. Петридеса, обосновавших понимание ЭИ как черты и настаивавших на этом дополнительном измерении как не укладываемом в модель черт Большой тройки Г. Айзенка (экстраверсия, нейротизм, психотизм) и Большой пятерки [22–24]. В отличие от других личностных свойств черта ЭИ отнесена к более низким уровням осознания, но отражается в связанных с эмоциями самовосприятиях и предрасположенностях личности, касающихся эмоциональной регуляции.

Разработка А. Фернхемом и К. Петридесом опросника Trait Emotional Intelligent Questionnaire [22; 23] и его краткой формы TEIQue-SF (Short

Form) привела к новому витку исследований. Одним из оснований рассмотрения ЭИ именно в качестве черты стали продемонстрированные более сильные связи измерений ЭИ как черты с Генеральным фактором личности — GFP (General Factor of Personality) по сравнению с измерениями ЭИ как интеллектуальной способности. Ван дер Линден с соавторами обосновали это в метаанализе в генетическом аспекте [29]. Однако следует отметить, что процессуальное проявление интеллекта, в том числе и ЭИ, в мышлении (и более широко — когнитивных стратегиях) явно менее доступно в самовосприятии человеку, чем отражение свойств, к которым апеллируют личностные опросники. И существенно меньшие корреляции самоотчетных шкал EQ с “объективированными” измерениями и IQ, и EQ вполне объяснимы меньшей доступностью самонаблюдению актуалгенеза мышления.

Причем именно трудность разделения в регуляции ПР когнитивных и эмоциональных составляющих приводит к тому, что разрабатываемые опросники диагностики стилевой регуляции ПР интегрируют свойства, которые относятся то к интеллектуальной, то к личностной сфере. Так, в исследованиях интуитивного и рационально-аналитического стилей авторская позиция С. Эпстайна [13] включает предположение о регулятивных Системах 1 и 2, которые изначально были разработаны применительно к мышлению и вынесению суждений [2; 6].

При достаточной представленности в российской литературе исследований связей ЭИ как способности с другими личностными переменными и интеллектуальными стратегиями теоретико-эмпирические исследования в рамках понимания ЭИ как черты только начаты [5; 8; 9]. В контексте преодоления асимметрии исследований ЭИ как способности и черты была осуществлена первая русскоязычная апробация опросника Черты эмоционального интеллекта (краткой формы TEIQue) [8] на выборке $n = 482$ человека. Однако характеристики модели и надежность шкал были невысокими, что потребовало реадaptации опросника.

Целями нашего исследования стали: 1) реадaptация русскоязычной версии опросника TEIQue-SF; 2) рассмотрение свойств ЭИ в качестве предикторов стилевой регуляции ПР.

ОПРОСНИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И СТИЛЕЙ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Если первый период изучения ЭИ фокусировался на его положительных аспектах — положительных связях с академическим интеллектом,

творчеством, оптимизмом, просоциальностью и т.д., то позже стали появляться работы о “темной” стороне ЭИ, поскольку была сформулирована мысль о том, что эмоционально более умные люди могут использовать это преимущество для управления другими в своих эгоистических целях. Однако это дифференция роли ЭИ в целевой его направленности, а не стилевой.

Проведен метаанализ связей ЭИ с эмоциональной регуляцией [21] и с Темной триадой [19] как нестабильным эмоциональным ядром личности. Люди с высоким ЭИ хорошо справляются с эмоциональной регуляцией, что способствует их эмоциональной устойчивости и социальной успешности. Отрицательно ЭИ связан с нейротизмом (по Большой пятерке). Самая высокая корреляция наблюдалась в сербской выборке [16], там же — и наибольшие связи с субъективным благополучием. В обзорах подчеркиваются связи черты ЭИ с экстраверсией и сознательностью [10].

На основе использования опросника TEIQue-SF появились новые исследования ее роли в образовательном контексте [25], на рабочем месте [18], в психологии здоровья [26].

Отмечу, что, на мой взгляд, называть ЭИ единой чертой некорректно, поскольку несколько шкал отражают разные свойства предполагаемой психологической реальности, стоящей за конструктом ЭИ.

Как и в опроснике Р. Бар-Она, в опроснике А. Фернхема и К. Петридеса фигурирует название шкалы Wellbeing — Благополучие, что включает его в контекст исследований позитивной психологии. Другие шкалы: Эмоциональность — Emotionality, Социальность, или коммуникабельность, — Sociality и Самоконтроль — Self-control. Таким образом, здесь нет подразделения на внутриличностный и межличностный ЭИ, но есть подразделение четырех факторов или шкал, описывающих разные аспекты ЭИ.

В краткой форме TEIQue — 15 проявлений ЭИ (или 15 фасеток), заданные каждая двумя пунктами. Эмоциональность заключается в трудности или легкости опознания (и называния) эмоций — своих и чужих, поддержании отношений и эмпатии, децентрации на позицию другого человека. Шкала Благополучие задается самоуважением (Self-esteem), оптимизмом и счастьем. Социальность включает управление эмоциями (других людей), ассертивность, социальную компетентность; Самоконтроль — регуляцию эмоций (своих), низкую импульсивность, стрессоустойчивость.

МЕТОДИКА

Теоретические основания разработки шкал опросника TEIQue описаны А. Панкратовой, которая подчеркнула понимание черты ЭИ как эмоциональной самоофективности [9]. Для всех шкал TEIQue нами ранее были получены положительные корреляции с когнитивной эмпатией [5].

При разных трактовках конструкта ЭИ нельзя не признать того, что ЭИ необходимо включен в принятие решений (ПР) как выбор альтернатив в условиях неопределенности [4; 7]. Несмотря на то что теоретически и эмпирически обоснована регулятивная роль ЭИ во взаимодействии эмоционально-личностной и интеллектуальной сфер, применительно к стилям ПР она еще не рассматривалась. Чтобы заполнить этот пробел, мы поставили целью проверку гипотез о том, что черты ЭИ выступают предикторами стилевой регуляции ПР.

Мы остановились на выборе опросников “Рациональный—Опытный” С. Эпстайна и “Тенденции принятия решений” Р. Мисураки с соавторами [20], за которыми стоят теоретические обоснования выделения стилевых переменных.

Основания разработки опросника Тенденций принятия решений (The Decision Making Tendency Inventory — DMТI) базируются на концепции Б. Шварца [27], восходящей к теории удовлетворенности Г. Саймона и Ю. Козелецкого [3], согласно которой люди выбирают обычно не лучшие, а удовлетворяющие их решения. В опроснике DMТI индивидуальные различия в приложении усилий фиксируются как способы (или тенденции) ПР, отличающие людей по тому, прилагают ли они максимум усилий, останавливаются на удовлетворяющем решении (“сатисфизаторы”) или минимизируют усилия при ПР [4; 10]. В опроснике С. Эпстайна выделение стилей базируется на проявлении в самоотчетах работы Систем 1 и 2, что соответствует его когнитивно-экспериментальной теории личности [14].

На основе верификации гипотезы о четырехфакторной структуре опросника TEIQue на российской выборке и применения указанных опросников мы хотим показать общую регулятивную роль черт эмоционального интеллекта как предикторов стилей ПР. Частными гипотезами выступили следующие:

1) шкалы ЭИ выступают положительными предикторами тенденций максимизации усилий и сатисфизации при ПР;

2) шкалы ЭИ выступают предикторами изменения показателей рационально-аналитического и интуитивного стилей, что позволит судить о включенности ЭИ в стилевую регуляцию ПР.

Схема исследования. Проверка факторной структуры опросника TEIQue-SF включала два этапа.

На первом этапе был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА) на материале всей выборки исследования ($n = 977$ человек). Целью анализа было установление индексов пригодности четырехфакторной модели опросника, предложенной его авторами, а также модифицированных моделей, предполагающих наличие общего (для всех наблюдаемых переменных) фактора в так называемой бифакторной модели и фактора второго порядка в иерархической модели. На этапах проверки факторной структуры в исследовании приняли участие 977 человек, из них 726 женщин и 251 мужчина в возрасте от 16 до 50 лет ($M = 21.36$, $Med = 19$, $SD = 5.63$); 85% являются учащимися университета (аспиранты, магистры и бакалавры).

На последующем этапе для корреляционного и регрессионного анализа психологических показателей (по трем методикам) были предъявлены также два опросника на стили ПР. Из общей выборки данная подвыборка включила 539 человек ($M = 22.08$, $SD = 6.42$); из них 91 мужчина ($M = 22.85$, $SD = 5.85$) и 448 женщин ($M = 21.93$, $SD = 6.52$).

Методики. Краткая версия опросника Черты ЭИ — TEIQue-SF [22; 23]. Этот вариант включает 30 пунктов с семибалльной оценкой согласия — по два пункта на каждую из 15 фасеток, которые были отобраны К. Петридесом и А. Фернхемом из полной версии по корреляции пунктов с общим баллом по фасетке. Для русскоязычной версии использовались прямой и обратный переводы (трех владеющих английским языком психологов). Черты ЭИ диагностируются как Благополучие, Социальность, Самоконтроль и Эмоциональность; в таком порядке факторы определены в нашей апробации. Текст методики и ключи представлены в приложениях 3, 4.

Опросник тенденций при принятии решений (The Decision Making Tendency Inventory — DMТI) [20]. В исходном опроснике 27 пунктов, оцениваемых участниками по семибалльной шкале. При русскоязычной апробации [11] оставлено 20 пунктов и воспроизводится исходная трехфакторная структура. Предпочтение тенденций ПР диагностируется по трем шкалам — Максимизации усилий, Сатисфизации — селективного поиска до удовлетворяющего решения (*satisficing*) и Минимизации усилий.

Опросник Рациональный—Опытный С. Эпстайна (Rational—Experiential inventory) [16]. В русскоязычной

адаптации [6] оставлено 38 пунктов (с пятибалльной оценкой); также воспроизводится авторская четырехфакторная структура с переменными: Интуитивная способность и Использование интуиции — показатели интуитивного стиля, Способность к рациональности и Использование рациональности — рационально-аналитического стиля.

Обработка данных. Проверка факторной структуры опросника проводилась в два этапа на основе матрицы данных, где обратные пункты (15) были инвертированы. Анализ проводился в программном пакете lavaan for R. Корреляции между латентными переменными подсчитывались свободно для модели с четырьмя факторами, но не для иерархической или бифакторной моделей.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Проверка факторной структуры опросника TEIQue-SF — этап 1. Вычисления по выборке $n = 977$ проводились с помощью метода WLSM для порядковых переменных на основе матриц тетракорических корреляций с поправкой Satorra—Bentler для ненормально распределенных данных. Как видно из табл. 1, анализ выявил неудовлетворительный уровень пригодности исходной модели авторов (включающей 26 пунктов и 4 специфических фактора) при $CFI = 0.88$, $TLI = 0.87$, $RMSEA = 0.101$, $SRMR = 0.08$; хи-квадрат (с поправкой на ненормальность) = 4124 при 269 степенях свободы ($p < 0.001$).

Результаты, представленные на сайте разработчиков, указали на возможность проверки бифакторной и иерархической моделей, целью которых является вычисление общего латентного фактора, стоящего за ответами испытуемых на все вопросы (либо прямо через двойные нагрузки в бифакторной модели, либо опосредованно факторами первого порядка в иерархической модели). Аналогично

проведенный нами анализ показал, что, несмотря на то что такая параметризация допустима (CFI для бифакторной модели достиг 0.93 и 0.91 для версии с 26 и 30 пунктами), параметры дисперсии свидетельствовали о том, что, как минимум, один фактор не поддается вычислению (дисперсия фактора 4 = 0.001, $SE = 0.002$, $p = 0.767$), что указывает на ненужность вычисления пяти факторов (так как информативными оказываются только четыре).

Проверка факторной структуры опросника TEIQue-SF — этап 2. На основе этих результатов было принято решение установить оптимальную факторную структуру опросника на российской выборке. Мы разделили выборку на две половины. На материале одной половины был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА), результирующее решение которого было валидизировано на второй половине выборки с помощью КФА. ЭФА проводился методом Generalized Least Squares (GLS) с промакс-вращением на основе матрицы тетракорических корреляций для порядковых переменных. Применялся программный пакет psych for R. Несмотря на то что параллельный анализ и графики осыпи собственных значений факторов предполагали пятифакторное решение, его последующая проверка в КФА выявила ту же проблему, что и для бифакторной модели, приведенной авторами: один из факторов имел нулевую дисперсию.

Нами было принято решение оставить четырехфакторное решение. Согласно этому решению, четыре фактора объясняли 44% дисперсии в ответах на пункты опросника. Нами были оставлены пункты с факторными нагрузками, превышающими 0.35 (см. приложение 1).

Проверка четырехфакторного решения на второй половине выборки с помощью КФА установила сходный с исходным решением авторов уровень пригодности данных ($CFI = 0.86$, $RMSEA = 0.109$). Анализ факторных нагрузок установил, что пункт 19

Таблица 1. Показатели пригодности моделей по результатам КФА

Модель	Количество пунктов	Количество латентных факторов	Df	Chi-square	CFI	TLI	RMSEA	SRMR	
<i>Валидизация исходных моделей К. Петридеса</i>									
	1	26	4	269	4124	0.88	0.87	0.101	0.080
*	2	26	5 (бифакторная)	222	2633	0.93	0.91	0.088	0.061
	3	26	5 (иерархическая)	271	4085	0.88	0.87	0.097	0.080
	4	30	5 (бифакторная.)	346	4649	0.91	0.90	0.093	0.069
	5	30	5 (иерархическая)	373	5601	0.89	0.88	0.095	0.078
<i>Валидизация моделей по нашей выборке на основе ЭФА по общей российской выборке</i>									
	6	28	4	311	3125	0.86	0.84	0.109	0.087
**	7	27	4	305	2067	0.91	0.90	0.082	0.074

Примечание. * — модель с наилучшими индексами пригодности по исходному ключу; ** — модель 6, модифицированная путем включения нагрузок и остаточных ковариаций, обоснованных индексами Лагранжа. По результатам были исключены три пункта (см. приложение 1).

имел незначимые нагрузки на оба фактора, куда он вошел. Попытка установить пригодности бифакторной или иерархической модели не привели к успеху — несмотря на улучшение параметров, результирующие решения или не были найдены, или предполагали нулевые показатели дисперсии отдельных латентных переменных или множества наблюдаемых переменных. Итак, результирующая модель включает 27 пунктов опросника и 4 латентных фактора, а по уровню соответствия данных достигает уровня максимальной бифакторной модели авторов при меньшем количестве вычисляемых параметров и латентных переменных (табл. 2).

Анализ показателей внутренней согласованности альфа Кронбаха и омега выявил удовлетворительные уровни надежности результирующих баллов — 0.87 и 0.88 для Благополучия, 0.75 и 0.75 для Социальности, 0.79 и 0.80 для Самоконтроля, 0.66 и 0.67 для Эмоциональности. По сравнению с первой русскоязычной апробацией [8] надежность шкал увеличилась.

Значимых различий по возрасту и полу не обнаружено.

Регрессионный анализ. Связи факторов между собой представлены в приложении 2.

Для выявления шкал ЭИ как предикторов проведен иерархический множественный регрессионный анализ с помощью так называемой устойчивой линейной регрессии в пакете *robustbase for R*. Переменные были стандартизованы. На первом этапе в модели (отдельно для каждой зависимой переменной (ЗП)) были введены пол, возраст и взаимодействие между ними. На втором этапе введены все четыре шкальных балла по опроснику TEIQue. Модели оценивались с точки зрения прироста процента объясненной дисперсии в показателях ЗП по сравнению с моделью только с социодемографическими показателями, а также анализа значимости регрессионных коэффициентов (представлены в табл. 3).

Все шкалы ЭИ выступили значимыми предикторами стилевых особенностей, но в их разных

Таблица 2. Пункты опросника в принадлежности к факторам

Фактор	п/п	Пункт
Фактор 1 Благополучие	3	В целом я весьма мотивированный человек
	5	Как правило, я не считаю жизнь приятной
	6	Я могу ладить с людьми
	12	В целом у меня мрачные представления о многих вещах
	13	Мои близкие часто жалуются, что я отношусь к ним не так, как нужно
	18	Обычно мне сложно поддерживать свою мотивацию
	20	В целом я доволен (довольна) своей жизнью
	21	Я характеризовал(-а) бы себя как хорошего посредника
	24	Я уверен (уверена), что я достойная личность
27	Обычно я верю в то, что все в моей жизни сложится как нельзя лучше	
Фактор 2 Социальность	7	Я склонен (склонна) часто менять свое мнение
	10	Мне бывает трудно отстаивать свои права
	16	Часто мне бывает сложно проявлять свои чувства к близким
	22	Я склонен (склонна) ввязываться в ситуации, а потом жалеть, что не могу из них выпутаться
	25	Я склонен (склонна) отступить, даже если знаю, что прав (права)
28	Мне сложно наладить связи даже с близкими людьми	
Фактор 3 Самоконтроль	9	Я думаю, что обладаю рядом хороших качеств
	11	Обычно я способен (способна) влиять на чувства других людей
	15	В целом я могу справиться со стрессом
	19	Обычно, если я захочу, я контролирую свои эмоции
	23	Я обычно беру паузу, чтобы подумать о своих чувствах
	26	Мне кажется, что я не имею ни малейшего влияния на чувства других людей
29	Как правило, я могу адаптироваться к новым условиям	
Фактор 4 Эмоциональность	2	Обычно мне сложно увидеть ситуацию глазами другого человека
	4	Обычно мне сложно управлять своими эмоциями
	14	Зачастую мне сложно подстраиваться под обстоятельства
	19	Обычно, если я захочу, я контролирую свои эмоции
	30	Другие восхищаются моим спокойствием

Примечание. Инвертируемые пункты указаны как *R* в ключе в приложении 4.

Таблица 3. Результаты множественного регрессионного анализа.

Зависимая переменная	Благополучие	Социальность	Самоконтроль	Эмоциональность	R2 (Соцдем), %	R2 (TEIQue), %	Разница, %
Максимизация	0.13	0.06	0.27**	-0.12*	1.24	11.72	10.48
Сатисфизация	0.08	0.03	0.18*	-0.03	1.35	8.23	6.88
Минимизация	-0.04	-0.23***	-0.07	0.11*	1.13	8.17	7.04
Интуитивная способность	0.24**	-0.09	0.12	-0.02	1.86	8.62	6.76
Использование интуиции	0.29**	-0.27***	0.19	-0.2**	0.73	9.30	8.57
Использование рациональности	-0.17	0.25**	0.05	0.13	3.99	12.42	8.43
Рациональная способность	0	0.25***	0.21**	-0.02	2.40	17.24	14.83

Примечание. Представлены значения бета-коэффициентов с уровнем значимости: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$.

аспектах. Показатели ЭИ объясняли от 6.88 до 10.48% дисперсии в шкалах опросника DMPI. Самоконтроль выступил положительным, а Эмоциональность — отрицательным предиктором *максимизации* усилий при ПР (последнее не выявлялось корреляционным анализом), Самоконтроль также предсказывал увеличение баллов по *сатисфизации*, а Социальность — снижение баллов по *минимизации*.

Благополучие вносило положительный вклад в оба показателя *интуитивного стиля*, Социальность — отрицательный вклад в *использование интуиции* и положительный — в показатели *рационально-аналитического стиля*. Положительным предиктором *рациональной способности* также выступил Самоконтроль. Эмоциональность снижала баллы по *использованию интуиции*. Максимальный вклад (14.83% дисперсии) сверх вклада пола и возраста был обнаружен для шкал TEIQ в *рациональную способность*.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты русскоязычной апробации опросника TEIQue-SF подтверждают его четырехфакторную структуру, однако при изменении в соотношении пунктов. При этом мы смогли построить модель с психометрическими показателями, соответствующими показателям пригодности в исходной авторской модели К. Петридеса. Это отличает нашу апробацию от первой [8] и других культурных апробаций TEIQue-SF, где обычно не приводятся сравнительные оценки с авторской моделью КФА [15; 28; 30]. Шкалы проявили хорошую внутреннюю согласованность, став более надежными. Показатели структурной модели приемлемы, что позволяет рекомендовать опросник к применению. Отсутствие значимых вкладов пола и возраста означает его приемлемость для разных выборок.

Мы принимаем обе гипотезы о роли шкал ЭИ в качестве предикторов стилевых свойств регуляции ПР.

Результаты свидетельствуют о предпочтении *максимизации усилий* и *селективного поиска* при ПР при росте ЭИ по шкале Социализации и снижении по шкале Эмоциональности. Самоконтроль также повышал тенденции к *максимизации* усилий при ПР, *селективному поиску* — *сатисфизации* и *рациональную способность*.

Эмоциональность, напротив, препятствовала *максимизации* усилий и способствовала их *минимизации*; она неожиданно выступила отрицательным предиктором и *использования интуиции*, хотя, учитывая сопряженность эмоциональных и интуитивных процессов согласно концепции С. Эпстайна [13], можно было бы ожидать позитивную связь Эмоциональности с интуитивным стилем.

Разная включенность компонентов ЭИ в регуляцию ПР, в частности иная направленность предиктора Эмоциональность, ставит под сомнение возможность использования общего показателя черты ЭИ в исследованиях связей с другими компонентами интеллектуально-личностного потенциала и необходимость их дифференциации.

ВЫВОДЫ

Опросник TEIQue-SF при русскоязычной ре-адаптации продемонстрировал четырехфакторную структуру, но с изменением входящих в факторы пунктов при удовлетворительных показателях пригодности модели.

Полученные данные о чертах эмоционального интеллекта как предикторах стилевой регуляции позволяют конкретизировать положение о единстве интеллекта и аффекта, демонстрируя вовлеченность его разных компонентов в опосредствующие принятие решений процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гоулмен Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020.
2. *Канеман Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2014.
3. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
4. *Корнилова Т.В.* Латентные личностные профили стилевой регуляции принятия решений // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Т. 30. № 2. С. 126–145.
5. *Корнилова Т.В.* Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 57–68.
6. *Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю.* Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна “Рациональный—Опытный” // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 92–107.
7. *Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В.* Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче Айова (IGT) // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 3. С. 29–43.
8. *Крюкова Е.А., Шестова М.А.* Эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека: черта или способность? (адаптация краткой версии опросника TEIQue-SF) // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 18–30.
9. *Панкратова А.А.* Эмоциональный интеллект как личностная черта: теория и методика диагностики К. Петридеса и А. Фернхема // Вопросы психологии. 2020. № 2. С. 140–150.
10. *Разваляева А.Ю.* Апробация опросника “Тенденции в принятии решений” на русскоязычной выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 146–163.
11. *Степаносова О.В., Корнилова Т.В.* Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 60–68.
12. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model // *Organisation & People*. 2007. V. 14. № 2. P. 27–34.
13. *Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality // *Comprehensive handbook of psychology*. V. 5: Personality and social psychology / Eds. T. Millon, M.J. Lerner. Hoboken, NJ: Wiley & Sons, 2003. P. 159–184.
14. *Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H.* Individual differences in intuitive—experiential and analytical—rational thinking styles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. V. 71. № 2. P. 390–405.
15. *Hjalmarsson A.K.V., Dåderman A.M.* Relationship between emotional intelligence, personality, and self-perceived individual work performance: A cross-sectional study on the Swedish version of TEIQue-SF // *Current Psychology*. 2020. V. 41. P. 2558–2573.
16. *Marjanović Z.J., Dimitrijević A.A.* Reliability, construct and criterion-related validity of the Serbian adaptation of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue) // *Psihologija*. 2014. V. 47. № 2. P. 249–262.
17. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* The ability model of emotional intelligence: Principles and updates // *Emotional Review*. 2016. V. 8. № 4. P. 290–300.
18. *Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh.* A meta-analysis of emotional intelligence effects on job satisfaction mediated by job resources, and a test of moderators // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 116. P. 281–288.
19. *Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh., Pollack J.M.* The relationship between emotional intelligence and the dark triad personality traits: a meta-analytic review // *Journal of Research in Personality*. 2019. V. 78. P. 189–197.
20. *Misuraca R. et al.* The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing // *Personality and Individual Differences*. 2015. V. 85. P. 111–116.
21. *Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J.* Corrigendum: Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: A meta-analysis // *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. P. 160.
22. *Petrides K.V.* Psychometric properties of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue) // *Assessing Emotional Intelligence* / Eds. B.C. Stough, D.H. Saklofske, J.D.A. Parker. Boston: Springer, 2009. P. 85–101.
23. *Petrides K.V., Furnham A.* Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies // *European journal of personality*. 2001. V. 15. № 6. P. 425–448.
24. *Petrides K.V. et al.* Developments in trait emotional intelligence research // *Emotion Review*. 2016. V. 8. № 4. P. 335–341.
25. *Petrides K.V. et al.* Emotional intelligence as personality: Measurement and role of trait emotional intelligence in educational contexts // *Emotional intelligence in education* / Eds. J.D. Parker, D.H. Saklofske. Boston: Springer, Cham, 2018. P. 49–81.
26. *Sarrionandia A., Mikolajczak M.* A meta-analysis of the possible behavioural and biological variables linking trait emotional intelligence to health // *Health Psychology Review*. 2020. V. 14. № 2. P. 220–244.
27. *Schwartz B. et al.* Maximizing versus satisficing: Happiness is a matter of choice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. № 5. P. 1178–1197.

28. *Szczygieł D., Jasielska A., Wytykowska A.* Psychometric properties of the Polish version of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire-Short Form // Polish Psychological Bulletin. 2015. V. 46. № 3. P. 447–459.
29. *Van der Linden D. et al.* Overlap between the general factor of personality and emotional intelligence: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2017. V. 143. № 1. P. 36–52.
30. *Zuanazzi A.C., Meyer G.J., Petrides K.V., Miguel F.K.* Validity of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue) in a Brazilian sample // Frontiers in Psychology. 2022. V. 13. P. 735934.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
Матрица факторных нагрузок для ЭФА (после инверсии пунктов)

Пункт	Нагрузки				
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	
TEIQ1	0.30	-0.06	0.09	0.19	Исключен после ЭФА
TEIQ2	0.02	-0.12	0.05	0.53	
TEIQ3	0.62	0.06	0.19	-0.15	
TEIQ4	-0.14	0.22	-0.21	0.77	
TEIQ5	0.91	-0.12	-0.12	0.04	
TEIQ6	0.45	-0.26	0.25	0.26	
TEIQ7	-0.15	0.75	-0.01	-0.03	
TEIQ8	0.20	0.28	-0.13	0.29	Исключен после ЭФА
TEIQ9	0.25	0.22	0.62	-0.18	
TEIQ10	-0.02	0.62	0.17	-0.03	
TEIQ11	0.05	-0.01	0.58	0.09	
TEIQ12	0.62	0.29	-0.06	-0.07	
TEIQ13	0.44	0.16	-0.33	0.14	
TEIQ14	0.27	0.13	-0.14	0.41	
TEIQ15	0.15	0.26	0.38	0.18	
TEIQ16	0.34	0.36	-0.15	-0.02	Исключен после КФА
TEIQ17	-0.18	0.01	0.43	0.37	
TEIQ18	0.44	0.35	-0.01	-0.10	
TEIQ19	-0.20	0.34	0.40	0.40	
TEIQ20	0.93	-0.15	0.05	-0.03	
TEIQ21	0.47	-0.25	0.28	0.11	
TEIQ22	-0.08	0.52	0.00	0.11	
TEIQ23	-0.07	0.00	0.34	-0.06	
TEIQ24	0.50	0.00	0.44	-0.08	
TEIQ25	-0.07	0.66	0.19	-0.20	
TEIQ26	0.11	0.22	0.34	0.16	
TEIQ27	0.56	0.07	0.35	-0.21	
TEIQ28	0.25	0.48	0.11	0.07	
TEIQ29	0.16	0.30	0.49	0.11	
TEIQ30	0.02	-0.16	0.17	0.51	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
Корреляционная взаимосвязь шкал TEIQue-SF

№ п/п		1	2	3
1	Благополучие			
2	Социальность	0.68***		
3	Самоконтроль	0.61***	0.49***	
4	Эмоциональность	0.52***	0.49***	0.6***

Примечание. *** — $p < 0.001$.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Текст опросника Черты эмоционального интеллекта (краткая версия) (TEIQue-SF)

Инструкция: пожалуйста, отметьте на бланке то число (от 1 до 7), которое наиболее соответствует степени Вашего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями. Не размышляйте долго над тем или иным высказыванием. Работайте быстро и точно, насколько это возможно. Здесь нет правильного или неправильного ответа.

1.....2.....3.....4.....5.....6.....7

Абсолютно не согласен

Абсолютно согласен

п/п	Вопрос	1	2	3	4	5	6	7
1	Обычно мне сложно увидеть ситуацию глазами другого человека	1	2	3	4	5	6	7
2	В целом я весьма мотивированный человек	1	2	3	4	5	6	7
3	Обычно мне сложно управлять своими эмоциями	1	2	3	4	5	6	7
4	Как правило, я не считаю жизнь приятной	1	2	3	4	5	6	7
5	Я могу ладить с людьми	1	2	3	4	5	6	7
6	Я склонен (склонна) часто менять свое мнение	1	2	3	4	5	6	7
7	Я думаю, что обладаю рядом хороших качеств	1	2	3	4	5	6	7
8	Мне бывает трудно отстаивать свои права	1	2	3	4	5	6	7
9	Обычно я способен (способна) влиять на чувства других людей	1	2	3	4	5	6	7
10	В целом у меня мрачные представления о многих вещах	1	2	3	4	5	6	7
11	Мои близкие часто жалуются, что я отношусь к ним не так, как нужно	1	2	3	4	5	6	7
12	Зачастую мне сложно подстраиваться под обстоятельства	1	2	3	4	5	6	7
13	В целом я могу справиться со стрессом	1	2	3	4	5	6	7
14	Часто мне бывает сложно проявлять свои чувства к близким	1	2	3	4	5	6	7
15	Обычно мне сложно поддерживать свою мотивацию	1	2	3	4	5	6	7
16	Обычно, если я захочу, то способен (способна) контролировать свои эмоции	1	2	3	4	5	6	7
17	В целом я доволен (довольна) своей жизнью	1	2	3	4	5	6	7
18	Я характеризовал(-а) бы себя как хорошего посредника	1	2	3	4	5	6	7
19	Я склонен (склонна) ввязываться в ситуации, а потом жалеть, что не могу из них выпутаться	1	2	3	4	5	6	7
20	Я обычно беру паузу, чтобы подумать о своих чувствах	1	2	3	4	5	6	7
21	Я уверен (уверена), что я достойная личность	1	2	3	4	5	6	7
22	Я склонен (склонна) отступить, даже если знаю, что прав (права)	1	2	3	4	5	6	7
23	Мне кажется, что я не имею ни малейшего влияния на чувства других людей	1	2	3	4	5	6	7
24	Обычно я верю в то, что все в моей жизни сложится как нельзя лучше	1	2	3	4	5	6	7
25	Мне сложно наладить связи даже с близкими людьми	1	2	3	4	5	6	7
26	Как правило, я могу адаптироваться к новым условиям	1	2	3	4	5	6	7
27	Другие восхищаются моим спокойствием	1	2	3	4	5	6	7

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Ключи к опроснику Черты эмоционального интеллекта (TEIQue-SF)

	Шкала методики	Пункты
1	Благополучие	2, 4R, 5, 10R, 11R, 15R, 17, 18, 21, 24
2	Социальность	6R, 8R, 14R, 19R, 22R, 25R
3	Самоконтроль	7, 9, 13, 16, 20, 23R, 26
4	Эмоциональность	1, 3, 12, 16R, 27R

Примечание. R — инверсия пункта. Пункт 16 в силу равной величины факторных нагрузок включен в две шкалы, но с прямым и инвертированным значением. Итоговый показатель в зарубежных апробациях рассчитывается как сумма баллов по всем шкалам опросника. Для русскоязычной версии этого не следует делать.

FEATURES OF EMOTIONAL INTELLIGENCE (by TEIQue) AS PREDICTORS OF STYLE REGULATION OF DECISION MAKING

T. V. Kornilova

*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
ScD (Psychology), Professor.
E-mail: tvkornilova@mail.ru*

Received 23.01.2023

Abstract. Research on emotional intelligence (EI) presents a dichotomy of understanding it as an ability or trait. To diagnose the EI trait, the Trait Emotional Intelligent Questionnaire — TEIQue-SF questionnaire is tested on a Russian-speaking sample (977 people). In the regulation of decision-making (DM), properties that relate to both the intellectual and personal spheres interact, which poses the task of linking the stylistic properties of DM with EI. Purposes: 1. Russian-language re-adaptation of TEIQue-SF. 2. Identification of EI traits as predictors of DM styles, for which the questionnaires “Rational–Experiential” and “Decision-making Tendency” were used. Results: A four-factor structure of the TEIQue questionnaire with similar psychometric parameters in relation to the author’s version was established. On the basis of regression analysis, hypotheses about the role of EI traits as predictors of the style regulation of DM are accepted. All the features of EI, except Emotionality, significantly increase the tendency to maximize and satisfy efforts. At the same time, EI is more associated with the rational-analytical style.

Keywords: emotional intelligence, Decision-Making Tendency Inventory — DMTI, Rational–Experiential inventory, Trait Emotional Intelligence Questionnaire — TEIQue-SF.

REFERENCES

1. *Goulmen D.* Ehmocional’nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit’ bol’she, chem IQ. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2020. (In Russian)
2. *Kaneman D.* Dumaj medlenno... reshaj bystro. Moscow: AST, 2014. (In Russian)
3. *Kozeleckij Ju.* Psikhologicheskaja teorija reshenij. Moscow: Progress, 1979. (In Russian)
4. *Kornilova T.V.* Latentnye lichnostnye profili stilevoj reguljacii prinjatija reshenij. Konsul’tativnaja psikhologija i psikhoterapija. 2022. V. 30. № 2. P. 126–145. (In Russian)
5. *Kornilova T.V.* Ehmptacija v strukturakh intellektual’no-lichnostnogo potenciala: edinstvo intellekta i affekta. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 57–68. (In Russian)
6. *Kornilova T.V., Razvaljaeva A.Ju.* Aprobacija ruskojazychnogo varianta polnogo oprosnika S. Ehpstajna “Racional’nyj–Opytnyj”. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 3. P. 92–107. (In Russian)
7. *Krasavceva Ju.V., Kornilova T.V.* Ehmocional’nyj i akademicheskij intellekt kak prediktory strategij v igrovoj zadache Ajova (IGT). Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 3. P. 29–43. (In Russian)
8. *Krjukova E.A., Shestova M.A.* Ehmocional’nyj intellekt v strukture intellektual’no-lichnostnogo potenciala cheloveka: cherta ili sposobnost’? (adaptacija kratkoj versii oprosnika TEIQue-SF). Nacional’nyj psikhologicheskij zhurnal. 2020. № 4 (40). P. 18–30. (In Russian)
9. *Pankratova A.A.* Ehmocional’nyj intellekt kak lichnostnaja cherta: teorija i metodika diagnostiki K. Petridesa i A. Fernkhema. Voprosy psikhologii. 2020. № 2. P. 140–150. (In Russian)
10. *Razvaljaeva A.Ju.* Aprobacija oprosnika “Tendencii v prinjatii reshenij” na ruskojazychnoj vyborke. Konsul’tativnaja psikhologija i psikhoterapija. 2018. V. 26. № 3. P. 146–163. (In Russian)
11. *Stepanosova O.V., Kornilova T.V.* Motivacija i intuicija v reguljacii verbal’nykh prognozov pri prinjatii reshenij. Psikhologicheskii zhurnal. 2006. V. 27. № 2. P. 60–68. (In Russian)
12. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional intelligence: A valid, robust and applicable EI model. Organisation & People. 2007. V. 14. № 2. P. 27–34.
13. *Epstein S.* Cognitive-experiential self-theory of personality. Comprehensive handbook of psychology. V. 5: Personality and social psychology. Eds. T. Millon, M.J. Lerner. Hoboken, NJ: Wiley & Sons, 2003. P. 159–184.
14. *Epstein S., Pacini R., Denes-Raj V., Heier H.* Individual differences in intuitive–experiential and analytical–rational thinking styles. Journal of Personality and Social Psychology. 1996. V. 71. № 2. P. 390–405.
15. *Hjalmarsson A.K.V., Däderman A.M.* Relationship between emotional intelligence, personality, and self-perceived individual work performance: A cross-sectional

- study on the Swedish version of TEIQue-SF. *Current Psychology*. 2020. V. 41. P. 2558–2573.
16. *Marjanović Z.J., Dimitrijević A.A.* Reliability, construct and criterion-related validity of the Serbian adaptation of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue). *Psihologija*. 2014. V. 47. № 2. P. 249–262.
  17. *Mayer J.D., Salovey P., Caruso D.R.* The ability model of emotional intelligence: Principles and updates. *Emotional Review*. 2016. V. 8. № 4. P. 290–300.
  18. *Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh.* A meta-analysis of emotional intelligence effects on job satisfaction mediated by job resources, and a test of moderators. *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 116. P. 281–288.
  19. *Miao Ch., Humphrey R.H., Qian Sh., Pollack J.M.* The relationship between emotional intelligence and the dark triad personality traits: a meta-analytic review. *Journal of Research in Personality*. 2019. V. 78. P. 189–197.
  20. *Misuraca R. et al.* The Decision Making Tendency Inventory: A new measure to assess maximizing, satisficing, and minimizing. *Personality and Individual Differences*. 2015. V. 85. P. 111–116.
  21. *Peña-Sarrionandia A., Mikolajczak M., Gross J.J.* Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: A meta-analysis. *Frontiers in Psychology*. 2015. V. 6. P. 160.
  22. *Petrides K.V.* Psychometric properties of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue). *Assessing Emotional Intelligence*. Eds. B.C. Stough, D.H. Saklofske, J.D.A. Parker. Boston: Springer, 2009. P. 85–101.
  23. *Petrides K.V., Furnham A.* Trait emotional intelligence: Psychometric investigation with reference to established trait taxonomies. *European journal of personality*. 2001. V. 15. № 6. P. 425–448.
  24. *Petrides K.V. et al.* Developments in trait emotional intelligence research. *Emotion Review*. 2016. V. 8 (4). P. 335–341.
  25. *Petrides K.V. et al.* Emotional intelligence as personality: Measurement and role of trait emotional intelligence in educational contexts. *Emotional intelligence in education*. Eds. J.D. Parker, D.H. Saklofske. Boston: Springer, Cham, 2018. P. 49–81.
  26. *Sarrionandia A., Mikolajczak M.* A meta-analysis of the possible behavioural and biological variables linking trait emotional intelligence to health. *Health Psychology Review*. 2020. V. 14. № 2. P. 220–244.
  27. *Schwartz B. et al.* Maximizing versus satisficing: Happiness is a matter of choice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. V. 83. № 5. P. 1178–1197.
  28. *Szczygieł D., Jasielska A., Wytykowska A.* Psychometric properties of the Polish version of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire-Short Form. *Polish Psychological Bulletin*. 2015. V. 46. № 3. P. 447–459.
  29. *Van der Linden D. et al.* Overlap between the general factor of personality and emotional intelligence: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*. 2017. V. 143. № 1. P. 36–52.
  30. *Zuanazzi A.C., Meyer G.J., Petrides K.V., Miguel F.K.* Validity of the Trait Emotional Intelligence Questionnaire (TEIQue) in a Brazilian sample. *Frontiers in Psychology*. 2022. V. 13. P. 735934.

УДК 159.9

АПРОБАЦИЯ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ ШКАЛЫ НАРРАТИВНОЙ ТРАНСПОРТАЦИИ (TRANSPORTATION SCALE, TS)¹

© 2023 г. Т. А. Кубрак^{1,*}, А. А. Старостина^{2,**}

¹ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

²ФГБОУ ВО “Государственный академический университет гуманитарных наук”;

119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26, Россия.

*Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики.

E-mail: kubrak.tina@gmail.com

**Аспирантка факультета психологии.

E-mail: starostina.alyona@gmail.com

Поступила 14.05.2023

Аннотация. Одной из важных задач для российских исследователей кино является нахождение релевантных психологических понятий, позволяющих описать процесс взаимодействия зрителя с фильмом, а также формирование соответствующего психометрического инструментария, отсутствующего в отечественной психологии в настоящее время. В статье представлены результаты адаптации и апробации Шкалы нарративной транспортировки (Transportation Scale, TS), разработанной М. Грин и Т. Брокком для измерения транспортировки — особого состояния вовлеченности и погруженности в повествование (нарратив). Апробация методики была осуществлена на выборке русскоязычных кинозрителей из 1171 студента от 17 до 29 лет ($M = 19.8$; $SD = 1.9$; 577 мужчин и 594 женщины). Эксплораторный факторный анализ подтвердил трехфакторную структуру методики, хотя выявил и различия с ней по распределению пунктов. Конфирматорный факторный анализ эмпирически не подтвердил исходную модель, в то время как новая модель продемонстрировала хорошее соответствие эмпирическим данным. Русскоязычная версия Шкалы нарративной транспортировки демонстрирует высокие значения надежности-согласованности. Конвергентная валидность подтверждается наличием значимых корреляций с компонентами “переживания в деятельности” (положительные корреляции с удовольствием и смыслом, отрицательные — с пустотой и усилием), а также прямых связей с эмпатией и потребностью в познании. Результаты проверки критериальной валидности представляют нарративную транспортировку как неустойчивое состояние, каждый раз вызываемое конкретным фильмом, а также демонстрируют зависимость уровня транспортировки от качества нарратива. Психометрическая оценка показала, что русскоязычная версия Шкалы нарративной транспортировки является надежным и валидным инструментом, который теперь может быть использован для изучения нарративной транспортировки и ее эффектов на российской выборке, а также для проведения кросскультурных исследований в этой области.

Ключевые слова: психология кино, нарративная транспортировка, Шкала нарративной транспортировки, нарратив, психологическое воздействие кино, кинодискурс.

DOI: 10.31857/S020595920027087-1

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологической науке психология кино выделилась в отдельную область исследований, которые приобрели новую значимость в условиях активно развивающегося информационного общества. Несмотря на то что отечественная наука еще не накопила достаточного количества таких работ, спектр уже затронутых в них

¹ Авторы благодарят профессора Университета Буффало (США) Мелани С. Грин за разрешение на разработку русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортировки. Авторы выражают признательность лингвистам И.О. Ткаченко, М.С. Трифонову и А.Е. Малаховой за участие в адаптации опросника, а также студентам и сотрудникам НИУ МГСУ, РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева и ЮФУ за помощь в сборе эмпирических данных.

вопросов довольно широк — от анализа закономерностей выбора фильмов до изучения их восприятия и воздействия [1; 4–6: 11]. В то же время обнаруживаются недостаток методических разработок, нехватка на данный момент специальных психометрических инструментов, позволяющих оценить психологические процессы, которые протекают во время взаимодействия зрителя с фильмом. Попытки приблизиться к решению данной проблемы можно найти в исследованиях, сфокусированных на анализе воздействия на зрителя конкретных средств киноискусства, в том числе киномонтажа [10], а также некоторых компонентов драматургии, связанных преимущественно с киноперсонажами, например идентификацией с ними [3]. Однако решая проблему фрагментарно, данные подходы не находят широкого применения у других исследователей.

В связи с этим одной из важных задач для российских исследователей кино является нахождение релевантных психологических понятий, позволяющих описать процесс взаимодействия зрителя с фильмом, а также формирование соответствующего психометрического инструментария, отсутствующего в отечественной психологии в настоящее время. При обращении к зарубежным работам в области психологии кино обнаруживается, что такие разработки, выполненные в рамках уже сформированных теоретических подходов, широко представлены и их использование позволяет решать широкий круг актуальных вопросов. Значительная часть информационного воздействия в современном обществе осуществляется через нарративы, которые интегрированы в массмедийный дискурс, являясь составной частью большинства продуктов массовой культуры, в том числе кинопроизведений. Так, теория транспортиции (Transportation Theory), разработанная американскими исследователями М. Грин и Т. Брокком с соответствующим психометрическим инструментом — Шкалой нарративной транспортиции (Transportation Scale, TS), утверждает, что степень погруженности человека в нарратив коррелирует с эффективностью его влияния на убеждения человека, причем вне зависимости от того, вымышленными или реальными являются представленные в нарративе события [19].

Понятие транспортиции, заимствованное из психолингвистических трудов Р. Геррига (R. Gerrig), используется авторами теории для описания особого состояния погруженности человека в нарратив, включающего эмоциональные и когнитивные реакции на его содержание [19; 27]. В состоянии нарративной транспортиции, во-первых, происходит

отстранение от реального мира в пользу мира повествования. Во-вторых, погруженность в нарратив может вызывать переживание сильных эмоций, даже когда известно, что представленные события нереальны. В-третьих, опыт транспортиции может привести к изменениям убеждений, связанных с сюжетом, и поведения, им соответствующего. Нарративная транспортиция имеет общие характеристики с потоком, вовлеченностью, присутствием и идентификацией, которые описывают нарративный опыт [17; 24; 28]. Вобрав в себя ранее разработанные понятия, теория транспортиции сформировала более сложный комплексный подход к изучению психологического состояния погруженности в нарративную реальность [21].

Обнаружено, что сильным детерминантом транспортиции является качество самого нарратива, особенно в отношении киноповествований. Сформулированы основные характеристики таких качественных и “транспортибельных” нарративов [21]: связность истории; развитие характеров персонажей; эмоциональная насыщенность сюжета; драматическая напряженность; психологический реализм.

Отмечается важность отсутствия противоречий со знаниями о реальном мире или правилами мира вымышленного, которые могут прервать ощущение погруженности в историю и вызвать скептическое отношение к ней. Кроме того, качественные нарративы предполагают соответствие культурным особенностям (в том числе языковым) целевой аудитории и высокий уровень “технического” исполнения (для визуальных нарративов). Выявляются и индивидуально-психологические различия в предрасположенности к нарративной транспортиции [27]. Люди с высокой потребностью в познании сильнее вовлекаются в сюжеты при их чтении, а с более низкой — при их визуализации; высокая потребность в аффекте способствует большей погруженности в эмоционально насыщенные истории [21].

В последние годы в русле теории транспортиции проведено множество исследований, связанных как с анализом воздействия нарративов, так и с уточнением самого механизма нарративной транспортиции. Изучение роли эмоций в воздействии фильмов показало, что нарративная транспортиция может усиливать эмоциональные переживания, конгруэнтные событию фильма (ключевым сценам), тем самым увеличивая влияние на связанные с ним установки зрителя [14]. Обнаружено, что сообщения об изменении климата, встроенные в определенную историю, более эффективно влияли на проэкологическое поведение

зрителей, поскольку их транспортиция в нарратив усиливала вовлеченность и эмоциональное возбуждение, способствовала проживанию нового опыта [25]. Отдельное внимание направлено на изучение все более распространенной практики так называемого запойного просмотра (binge watching) и его влияния на вовлеченность аудитории в медианарратив, выражающуюся в более сильных парасоциальных отношениях с героями и более интенсивной транспортиции [18]. Рядом исследований представлены новые данные, уточняющие феномен нарративной транспортиции, а также его возможности и ограничения. Так, было установлено, что, несмотря на характерное для транспортиции дистанцирование от реального мира, она может усиливаться, если зритель связывает содержание нарратива со своей жизнью [30]. Получены результаты, опровергающие существующие представления о том, что использование малых экранов приводит к снижению уровня транспортиции [13]. Актуальность подобных исследований сегодня связана с резким ростом потребления медиапродукции со смартфонов.

Итак, транспортиция представляет собой особое состояние вовлеченности и погруженности в нарратив, которое способствует усилению психологического воздействия и может привести к изменению связанных с содержанием нарратива убеждений человека. На российской выборке исследования транспортиции до настоящего времени не проводились в связи с отсутствием соответствующего психометрического инструмента. Целью данного исследования явилась разработка русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортиции. Шкала транспортиции (Transportation Scale, TS) отражает следующие характеристики погруженности в нарратив: эмоциональную вовлеченность, направленное внимание, чувство напряженного ожидания, увлеченность, отстраненность от окружающей реальности, наличие ярких образов [19]. Авторы выделили три фактора, которые были интерпретированы как три аспекта транспортиции (когнитивный, эмоциональный и образный). В дальнейшем Шкала нарративной транспортиции использовалась для определения общего показателя транспортиции, отражающего целостный опыт погруженности в нарратив. В 2015 г. была представлена краткая версия Шкалы транспортиции (Transportation Scale-Short Form, TS-SF) [12]. Так как представленная методика не имеет аналогов в отечественной психометрике, было принято решение адаптировать ее полную версию, позволяющую получить более широкое представление о состоянии нарративной транспортиции.

МЕТОДИКА

Участники исследования. Всего в исследовании принял участие 1451 человек, из них 15 человек — в адаптации на этапе достижения содержательной валидности итоговой русскоязычной версии методики. Остальные 1446 человек участвовали в ее апробации, из них 46 человек проходили опрос дважды с разным стимульным материалом для оценки критериальной валидности. Сбор данных осуществлялся в онлайн-формате.

Разработка Шкалы нарративной транспортиции изначально проводилась авторами методики на студенческой выборке, в связи с чем для адаптации и апробации русскоязычной версии также были привлечены студенты вузов. После исключения респондентов, не отвечающих выбранным критериям, апробация методики была осуществлена на выборке из 1171 человека: 49.3% мужчин и 50.7% женщин (577 мужчин и 594 женщины); возраст респондентов — от 17 до 29 лет (средний возраст — 20 лет ($M = 19.8$), стандартное отклонение $SD = 1.9$).

Все респонденты дали информированное согласие на их добровольное и анонимное участие в исследовании.

Методики. В исследовании использовались следующие методики.

1. *Шкала нарративной транспортиции (Transportation scale, TS)*. Опросник заполняется сразу после предъявления стимульного материала и включает 15 пунктов (утверждений), из которых 11 направлено на выявление общих особенностей нарративной транспортиции, а 4 касаются образов главных героев (адаптируются под конкретный нарратив путем включения имен персонажей). Каждое утверждение оценивается респондентами по семибалльной шкале в соответствии со степенью согласия от 1 (“совсем не согласен”) до 7 (“полностью согласен”). Общий балл транспортиции подсчитывается путем суммирования ответов по всем пунктам, три из которых (2, 5 и 9) являются обратными. Более высокий балл свидетельствует о более высоком уровне транспортиции.

2. *“Диагностика переживаний в деятельности”* [2]. Опросник включает в себя 12 утверждений, оцениваемых респондентами по шестибалльной шкале от “почти никогда” до “почти всегда”; пункты опросника составляют четыре отдельные шкалы (удовольствие, смысл, усилие, пустота), баллы за которые подсчитываются прямым суммированием.

3. “Опросник эмоциональной эмпатии” (*Emotional Empathic Tendency Scale, EETS*) А. Мехрабиана и Н. Эпштейна в адаптации Ю.М. Орлова и Ю.Н. Емельянова [8]. Опросник состоит из 33 утверждений, с которыми респонденты выражают свое согласие/несогласие. Более высокие баллы свидетельствуют о более высоком уровне эмпатии.

4. “Шкала потребности в познании” (*The Need for Cognition Scale, NCS*) в адаптации С.А. Щебетенко [9; 16]. Опросник состоит из 18 утверждений, оцениваемых респондентами по пятибалльной шкале от “абсолютно не характеризует” до “абсолютно характеризует”. Более высокие баллы свидетельствуют о более высоком уровне потребности в познании.

Процедура. Для разработки русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортировки было получено разрешение автора методики М. Грин (M.C. Green).

Кросскультурная адаптация включала прямой и обратный переводы опросника (двумя переводчиками-лингвистами и двумя носителями американского английского языка) и далее его тестирование на 15 респондентах. После просмотра короткометражного фильма респонденты заполняли переведенную методику и обсуждали ее выполнение с экспертами. В результате пункты Шкалы были скорректированы до достижения содержательной валидности итоговой версии.

Апробация проводилась посредством онлайн-опроса и включала в себя два этапа. На первом этапе респонденты (1171 человек) смотрели выбранный русскоязычный короткометражный фильм², оцененный экспертами как “фильм с ожидаемо высоким уровнем транспортировки” в соответствии с критериями качественных и транспортабельных нарративов [21], и сразу после просмотра заполняли Шкалу нарративной транспортировки, а также остальные используемые для валидации методики. Далее осуществлялась проверка структуры, внутренней согласованности и валидности русскоязычной версии Шкалы нарративной транспортировки. На втором этапе часть основной выборки (46 человек) проходила онлайн-опрос с просмотром другого короткометражного фильма³, оцененного экспертами как “фильм с ожидаемо низким уровнем транспортировки”, с последующим заполнением Шкалы нарративной транспортировки и методики

“Диагностика переживаний в деятельности”. Далее осуществлялось сравнение показателей по Шкале нарративной транспортировки при предъявлении разного стимульного материала в целях проверки критериальной валидности.

Математическая обработка данных проводилась с помощью следующих статистических пакетов: IBM SPSS Statistics 23 (эксплораторный факторный анализ, анализ надежности, корреляционный анализ, сравнение зависимых выборок), STATISTICA 8.0 (конфирматорный факторный анализ).

РЕЗУЛЬТАТЫ

Внутренняя структура опросника. На первом этапе, как и в исходном исследовании, для проверки структуры опросника был проведен эксплораторный факторный анализ (ЭФА) (метод главных компонент, вращение варимакс; мера адекватности выборки Кайзера—Мейера—Олкина, КМО = 0.876; значимость критерия сферичности Бартлетта, $p = 0.000$). Полученные три фактора (59% общей дисперсии), как и в оригинальной методике, содержательно соответствуют трем аспектам транспортировки — когнитивному, эмоциональному и образному, но имеют ряд отличий по отдельным пунктам. “Образный” фактор (п. 12–15) включил п. 1, “Эмоциональный” фактор (п. 5, 7, 11) — п. 3 и 10, а общие пункты из исходной версии добавились в “Когнитивный” фактор (п. 4, 2, 6, 8, 9). При этом весомые пункты русскоязычной версии соответствуют факторам исходной модели.

Далее был проведен конфирматорный факторный анализ (КФА), в котором осуществлялась проверка трехфакторной структуры методики в исходном варианте и по результатам ЭФА. Результаты КФА свидетельствуют о том, что исходная модель эмпирически не подтверждается ($RMSEA > 0.1$; $GFI < 0.9$; $CFI < 0.9$), а новая модель обладает хорошими индексами пригодности ($RMSEA 0.061$, $GFI 0.965$, $CFI 0.965$) и соответствует эмпирическим данным.

Надежность опросника. Для проверки внутренней согласованности пунктов методики был использован коэффициент α Кронбаха. Результаты приведены в табл. 1. Получены хорошие показатели надежности. Новые субшкалы продемонстрировали более высокую надежность (α Кронбаха > 0.7), чем субшкалы в соответствии с исходной моделью (α Кронбаха < 0.65 для когнитивного и аффективного факторов). Кроме того, для общего показателя транспортировки и отдельных субшкал дополнительно было проверено соответствие пунктов

² “Болезнь роста” (2021). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jQIX7sS1HaY>

³ “А если нас не будет?” (2012). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=IS4UqQOveQ>

Таблица 1. Показатели α Кронбаха

Фактор	α Кронбаха
Когнитивный фактор (2, 4, 6, 8, 9)	0.776
Эмоциональный фактор (3, 5, 7, 10, 11)	0.739
Образный фактор (1,12,13,14,15)	0.849
Транспортировка (15 пунктов)	0.867

с помощью коэффициента α Кронбаха при удалении пункта (Alpha if deleted), а также вычислены корреляции “пункт—шкала” (Item-total correlation) (табл. 2). Сравнение полученных показателей для

исходной и новой структуры выявили более высокую надежность новой структуры опросника.

Конвергентная и критериальная валидность опросника. Оценка конвергентной валидности методики предполагает использование других инструментов, измеряющих содержательно близкие конструкты. С этой целью нами был найден единственный релевантный психометрический инструмент на русском языке — методика “Диагностика переживаний в деятельности”, которая измеряет

Таблица 2. Показатели корреляции “пункт—шкала” и α Кронбаха при удалении пункта

	Корреляция между пунктом и суммой остальных пунктов (Общая шкала)	α Кронбаха при удалении пункта (Общая шкала)	Корреляция между пунктом и суммой остальных пунктов (субшкала)	α Кронбаха при удалении пункта (субшкала)
<i>Когнитивный фактор</i>				
2R. Во время просмотра фильма я отвлекался/отвлекалась на то, что происходило вокруг меня	0.373	0.866	0.511	0.715
4. Во время просмотра фильма я был(-а) мысленно вовлечен(-а) в происходящее на экране	0.670	0.851	0.640	0.669
6. Во время просмотра мне хотелось узнать, чем закончится фильм	0.643	0.852	0.587	0.686
8. Я думал(-а) о том, как фильм мог бы закончиться по-другому	0.510	0.860	0.427	0.747
9R. Я замечал(-а), что мои мысли где-то блуждали во время просмотра фильма	0.283	0.870	0.456	0.734
<i>Эмоциональный фактор</i>				
3. Я мог(-ла) представить себя внутри событий фильма	0.460	0.862	0.488	0.703
5R. После окончания фильма мне было легко о нем забыть	0.508	0.860	0.453	0.715
7. Фильм вызвал у меня сильные эмоции	0.644	0.853	0.552	0.674
10. События фильма значимы для моей жизни	0.424	0.863	0.603	0.660
11. События фильма изменили мою жизнь	0.252	0.869	0.449	0.715
<i>Образный фактор</i>				
1. Во время просмотра фильма я мог(-ла) легко представить происходящие в нем события	0.406	0.864	0.359	0.889
12. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ Жени (беременной девушки)	0.670	0.852	0.747	0.793
13. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ Бори (отца ребенка)	0.598	0.855	0.705	0.805
14. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ матери Жени	0.626	0.854	0.772	0.786
15. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ матери Бори	0.584	0.856	0.729	0.797

актуальное состояние человека в деятельности и может быть скорректирована для ее конкретной реализации. Использованная в оригинальном исследовании Absorption Scale (A. Tellegen) не имеет русскоязычной адаптации, поэтому не могла быть применена для валидизации. Кроме этого, нами были использованы два инструмента, выявляющие такие личностные особенности, которые теоретически могут быть связаны с нарративной транспортией: “Опросник эмоциональной эмпатии”, а также, как и у авторов оригинальной методики, “Шкала потребности в познании” в русскоязычном варианте.

В результате корреляционного анализа (табл. 3) выявлены значимые положительные связи транспортии с такими субшкалами методики “Диагностика переживаний в деятельности”, как “Удовольствие” и “Смысл”, и отрицательные — “Пустотой” и “Усилием”. Обнаружена также положительная связь транспортии с эмпатией. Потребность в познании имела значимую, но слабую корреляцию с общим баллом транспортии, а также когнитивным и образным факторами. Связь с эмоциональным фактором не выявлена.

При проверке критериальной валидности выявлены значимые различия уровня транспортии и показателей переживаний в деятельности у одних и тех же людей при просмотре фильмов с предположительно разной транспортабельностью (критерий *t*-Стьюдента) (табл. 4). Нарративная транспортия, а также переживание удовольствия и наполненности смыслом были более выражены у респондентов

при просмотре фильма с более высокой транспортабельностью. В то же время показатели усилия и пустоты были значимо выше при просмотре фильмов с низкой транспортабельностью.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В данном исследовании была адаптирована и апробирована Шкала нарративной транспортии на русскоязычной выборке. Резюмируя эмпирические результаты, можно сделать заключение о ее хорошей надежности и валидности получаемых с помощью нее данных.

ЭФА выявил трехфакторную структуру, соответствующую оригинальной методике, хотя и имеющую ряд различий по распределению пунктов. КФА эмпирически не подтвердил исходную модель, в то время как новая модель продемонстрировала хорошее соответствие эмпирическим данным. Основное различие моделей относится к содержанию когнитивного фактора. В исходной модели он объединял мысленную вовлеченность (п. 4) с простотой и доступностью формирования представлений о событиях и их героях или, другими словами, легкостью переноса в нарратив (п. 1, 3), в русскоязычной версии она сочетается с концентрацией на просмотре (“отключением” от реальности) (п. 2, 9), интересом к разворачивающемуся сюжету и увлеченностью им (п. 6, 8). Такое различие можно объяснить следующим. Несмотря на то что Шкала нарративной транспортии предлагается

Таблица 3. Корреляции Шкалы нарративной транспортии с показателями переживаний в деятельности, эмпатией и потребностью в познании

		Когнитивный фактор	Эмоциональный фактор	Образный фактор	Транспортия (общий балл)
Переживание в деятельности	Удовольствие	0.373**	0.552**	0.352**	0.520**
	Смысл	0.436**	0.653**	0.467**	0.635**
	Усилие	-0.405**	-0.103**	-0.167**	-0.283**
	Пустота	-0.546**	-0.409**	-0.381**	-0.551**
Эмпатия		0.347**	0.234**	0.267**	0.351**
Потребность в познании		0.070*	0.051	0.069*	0.079**

Примечание. В таблице приводятся значения коэффициента корреляции Пирсона. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$

Таблица 4. Сравнение уровня транспортии и показателей переживаний в деятельности при просмотре фильмов с разным уровнем транспортабельности

	Фильм с высокой транспортабельностью		Фильм с низкой транспортабельностью		<i>t</i> -тест	
	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>M</i>	<i>SD</i>	<i>t</i>	<i>p</i>
Транспортия	74.89	10.692	56.15	19.725	6.052	0.000
Удовольствие	9.98	3.964	7.41	3.896	3.991	0.000
Смысл	12.22	4.000	8.74	4.123	4.334	0.000
Усилие	6.48	3.391	10.46	4.360	-5.022	0.000
Пустота	6.00	2.547	10.52	4.124	-6.961	0.000

для оценки взаимодействия с нарративом любой модальности и она практически одновременно стала применяться в исследованиях кино [20; 29], ее разработка изначально проходила с использованием текстовых материалов, что позволяло исследователям в дальнейшем исключать некоторые “неподходящие” пункты по своему усмотрению. Появлялись варианты адаптации Шкалы в зависимости от стимульного материала, на ее основе разрабатывались другие шкалы в соответствии с кросскультурными особенностями аудитории или исходя из специальных исследовательских задач [15; 23; 27]. Нашей целью была адаптация оригинальной Шкалы транспортиции для изучения русскоязычных зрителей, и более релевантным оказалось не исключать отдельные пункты, как зачастую делали другие исследователи состояния транспортиции, а пересмотреть внутреннюю структуру опросника. Сами авторы признают, что транспортиция в фильм и транспортиция в книгу могут иметь свои особенности, связанные с процессами мысленного вовлечения [20]. Содержательная нагруженность нового когнитивного фактора, выделенного при апробации на русскоязычной аудитории, приобрела новые оттенки и, по-видимому, отразила специфику нарративной транспортиции при просмотре фильмов, предполагающей меньше когнитивных усилий [20; 32]. Этим, вероятно, объясняется и то, что в новой модели п. 1 из когнитивного фактора переместился в образный фактор, который в русскоязычной версии опросника объединил сформированность представлений как о героях фильма, так и о его сюжете. Эмоциональный фактор Шкалы также уточнился и стал интерпретироваться не только как эмоциональная реакция на фильм, но и его личная значимость для зрителя. Полученные результаты согласуются с теоретическими представлениями о нарративной транспортиции, ее различными аспектами: когнитивным (смещение фокуса с реального мира на авторскую реальность), эмоциональным (эмоциональная вовлеченность в нарратив) и образным (восприятие любых ярких образов, представленных в нарративной реальности, и их запечатление в памяти), что адекватно раскрывается соответствующими пунктами опросника в составе отдельных факторов, выделенных в результате факторного анализа [21].

Русскоязычная версия Шкалы нарративной транспортиции демонстрирует высокую внутреннюю согласованность. Стоит отметить, что изменения в ее структуре нивелируются и тем, что авторы изначально предлагали не подсчитывать значения по отдельным факторам, а использовать общий показатель транспортиции [19], отражающий

целостный опыт переноса в мир повествования [12].

Валидность опросника удовлетворительна, что подтверждается данными корреляционного анализа. Были получены ожидаемые положительные связи транспортиции с такими компонентами “переживания в деятельности”, как удовольствие и смысл, и обратные корреляции — с пустотой и усилием. Данное представление о переживаниях в деятельности основано на концепции переживания потока, которое нередко сопровождает процесс нарративной транспортиции. “Наряду с выделением трех элементарных составляющих переживания в деятельности, комбинаторная модель описывает все их возможные сочетания. Сочетание удовольствия со смыслом образует комплексное переживание радости, смысла с усилием — комплексное переживание ответственности и удовольствия с усилием — комплексное переживание потока (наслаждения). Сочетание всех трех компонентов усилия, удовольствия и смысла создает подлинно оптимальное переживание — переживание увлеченности”, вместе с этим “отсутствие всех трех компонентов проявляется в переживании пустоты” [7, с. 32]. Таким образом, транспортиция в фильм — это позитивное переживание, складывающееся из ощущения удовольствия (приятности) и смысла (т.е. “включенности в более широкие контексты”); переживание пустоты, напротив, препятствует транспортиции. Кроме того, в отличие от потока, транспортицию затрудняет переживание усилия (т.е. “результативность деятельности”). Все выявленные нами связи согласуются с теоретическим описанием нарративной транспортиции.

Как мы и предполагали, нарративная транспортиция тесно связана с эмпатией, которая приводит к усилению эмоционального реагирования на персонажей и события. Большая склонность к эмпатии может непосредственно влиять на выраженность транспортиции [31]. Следуя этому, можно говорить о различной склонности к нарративной транспортиции как индивидуальной особенности [27].

Была выявлена слабая корреляция транспортиции с потребностью в познании. Предыдущие исследования показали, что сила их связи варьируется от слабой до умеренной и не всегда статистически значима [20]. Хотя потребность в познании не обязательно предсказывает выраженность нарративной транспортиции, предполагается, что люди, склонные к познанию, могут в целом быть мотивированы уделять больше внимания прочитанному или увиденному [19]. Это может приводить и к большей транспортиции. Особый интерес

к анализу таких взаимосвязей обнаруживается в исследованиях кинозрителей [22; 26]. Отмечается и роль стимульного материала. Так, выявленная нами связь с транспортиацией может объясняться жанром фильма (драма), использованного на основном этапе апробации и, возможно, потребовавшего больших когнитивных усилий в процессе просмотра. При этом отсутствие значимой связи с эмоциональным фактором транспортиации может быть следствием того, что высокая потребность в познании, включающая предрасположенность к разрешению сложных задач и ситуаций, затрудняет непосредственное воздействие нарратива на человека, хотя и позволяет ему глубже погрузиться в сюжет.

Сравнение данных первого и второго этапов апробации позволяет сделать вывод о том, что более транспортабельный фильм вызывает у зрителей значимо более высокий уровень нарративной транспортиации. Транспортабельность фильма, соответственно, влияет и на связанные с транспортиацией переживаниями в деятельности: повышает удовольствие и смысл, понижает усилие и пустоту. Полученные результаты представляют нарративную транспортиацию как неустойчивое состояние, каждый раз вызываемое конкретным фильмом, а также демонстрируют зависимость уровня транспортиации от качества нарратива. Кроме того, проведенный анализ дополнительно подтверждает связи конструкта транспортиации с отдельными составляющими переживания в деятельности.

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного психометрического анализа показали, что русскоязычная версия Шкалы нарративной транспортиации представляет собой надежный и валидный инструмент, который теперь может быть использован для изучения нарративной транспортиации на российской выборке, а также для проведения кросскультурных исследований в этой области. Наличие данной методики позволит получать новые данные не только о психологических состояниях зрителей во время просмотра фильмов, но и об эффективности воздействия кино на русскоязычную аудиторию, что может иметь непосредственное практическое значение.

В связи с тем что мы столкнулись с ограниченной представленностью в отечественной психологии инструментов, измеряющих содержательно близкие нарративной транспортиации конструкты, дальнейшая работа может быть направлена на их поиск. Проверка конвергентной валидности

с помощью других психологических методик имеет безусловный исследовательский интерес.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воскресенская Н.Г.* Влияние на выбор кинофильмов уровня эмоционального напряжения зрителей // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 3. С. 121–134.
2. *Клейн К.Г. и др.* Переживания в разных видах деятельности: временная динамика и содержательная валидность // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 47–57.
3. *Коробова С.Ю., Грязева-Добшинская В.Г., Аскерова А.Т.* Особенности идентификации с персонажами культового фильма в контексте проблем социальной идентичности зрителей // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2018. Т. 11. № 3. С. 24–31.
4. *Кубрак Т.А., Гребенщикова Т.А., Павлова Н.Д.* Психологический портрет современного кинозрителя: структура и связи кинопредпочтений // Экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 4. С. 5–19.
5. *Кубрак Т.А., Латынов В.В.* Психология кинодискурса: факторы выбора, восприятие, воздействие. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
6. *Орестова В.Р., Ткаченко Д.П.* Кинопредпочтения и представления о супергероях как отражение потребностей современного молодого человека в условиях транзитивности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1629-orestova61.html> (дата обращения: 04.05.2023).
7. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Диагностика переживаний в профессиональной деятельности: валидизация методики // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 2. С. 30–51. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-2/206996642.html> (дата обращения: 04.05.2023).
8. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. М.: Смысл, 2008.
9. *Щебетенко С.А.* Психометрика русской версии шкалы потребности в познании // Вестник Пермского университета: Философия. Психология. Социология. 2011. № 6. С. 88–100.
10. *Яновский М.И.* Формы переживания присутствия и способы их воспроизведения в киномонтаже // Теоретическая и экспериментальная психология. 2017. Т. 10. № 1. С. 72–81.
11. *Яновский М.И., Антропова В.И.* Воздействие фильма ужасов на Я-концепцию зрителя // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 2 (22). С. 147–168.

12. *Appel M., Gnambs T., Richter T., Green M.C.* The transportation scale—short form (TS—SF) // *Media Psychology*. 2015. V. 18. № 2. P. 243—266.
13. *Appel M., Mengelkamp C.* Watching Videos on a Smartphone: Do Small Screens Impair Narrative Transportation? // *Media Psychology*. 2022. V. 25. № 5. P. 653—674.
14. *Appel M., Schreiner C., Haffmans M.B., Richter T.* The mediating role of event-congruent emotions in narrative persuasion // *Poetics*. 2019. V. 77.
15. *Busselle R., Bilandzic H.* Measuring narrative engagement // *Media Psychology*. 2009. V. 12. № 4. P. 321—347.
16. *Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F.* The efficient assessment of need for cognition // *Journal of Personality Assessment*. 1984. V. 48. P. 306—307.
17. *Cohen J.* Defining identification: A theoretical look at the identification of audiences with media characters // *Mass Communication & Society*. 2001. V. 4. № 3. P. 245—264.
18. *Erickson S.E., Dal Cin S., Byl H.* An experimental examination of binge watching and narrative engagement // *Social Sciences*. 2019. V. 8. № 1. P. 19.
19. *Green M.C., Brock T.C.* The role of transportation in the persuasiveness of public narratives // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 79. P. 701—721.
20. *Green M.C. et al.* Transportation across media: Print versus film comparisons // *Media Psychology*. 2008. V. 11. № 4. P. 512—539.
21. *Green M.* Transportation into narrative worlds // *Entertainment-education behind the scenes: Case studies for theory and practice* / Eds. L.B. Frank, P. Falzone. Palgrave Macmillan, 2021. P. 87—102.
22. *Hall A., Zwarun L.* Challenging entertainment: Enjoyment, transportation, and need for cognition in relation to fictional films viewed online // *Mass Communication and Society*. 2012. V. 15. № 3. P. 384—406.
23. *Jarrier E., Bourgeon-Renault D., Derbaix M., Petr C.* Narrative transportation scale: Measure development for transmedia experience // *14th International Conference on Arts and Culture Management*. 2017, June.
24. *Lee K.* Presence, Explicated // *Communication Theory*. 2004. V. 14. P. 27—50.
25. *Morris B.S. et al.* Stories vs. facts: triggering emotion and action-taking on climate change // *Climatic change*. 2019. V. 154. № 1. P. 19—36.
26. *Owen B., Riggs M.* Transportation, need for cognition, and affective disposition as factors in enjoyment of film narratives // *Scientific Study of Literature*. 2012. V. 2. № 1. P. 128—149.
27. *Sestir M.A., Moore M.M., Green M.C.* Transportation // *The International Encyclopedia of Media Psychology* / Ed. J. Bulck. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Inc., 2020.
28. *Sherry J.* Flow and Media Enjoyment // *Communication Theory*. 2004. V. 14. P. 328—347.
29. *Tal-Or N., Papirman Y.* The fundamental attribution error in attributing fictional figures' characteristics to the actors // *Media Psychology*. 2007. V. 9. № 2. P. 331—345.
30. *Tchernev J.M., Collier J., Wang Z.* There and Back Again? Exploring the Real-Time Cognitive Journey of Narrative Transportation // *Communication Research*. 2023. V. 50. № 3. P. 312—337.
31. *Thompson J.M. et al.* Individual Differences in Transportation into Narrative Drama // *Review of General Psychology*. 2018. V. 22. № 2. P. 210—219.
32. *Tukachinsky R.* Experimental manipulation of psychological involvement with media // *Communication Methods and Measures*. 2014. V. 8. № 1. P. 1—33.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Шкала нарративной транспортировки

После просмотра фильма, пожалуйста, оцените по 7-балльной шкале, насколько Вы согласны с каждым из следующих утверждений.

- 1 — Совсем не согласен
- 2 — Не согласен
- 3 — Скорее не согласен
- 4 — Нечто среднее
- 5 — Скорее согласен
- 6 — Согласен
- 7 — Полностью согласен

1. Во время просмотра фильма я мог(-ла) легко представить происходящие в нем события.

2. Во время просмотра фильма я отвлекался/отвлекалась на то, что происходило вокруг меня.

3. Я мог(-ла) представить себя внутри событий фильма.

4. Во время просмотра фильма я был(-а) мысленно вовлечен(-а) в происходящее на экране.

5. После окончания фильма мне было легко о нем забыть.

6. Во время просмотра мне хотелось узнать, чем закончится фильм.

7. Фильм вызвал у меня сильные эмоции.

8. Я думал(-а) о том, как фильм мог бы закончиться по-другому.

9. Я замечал(-а), что мои мысли где-то блуждали во время просмотра фильма.
10. События фильма значимы для моей жизни.
11. События фильма изменили мою жизнь.
12. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ [имя героя 1/описание героя 1].
13. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ [имя героя 2/описание героя 2].
14. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ [имя героя 3/описание героя 3].
15. Во время просмотра фильма у меня сложился яркий образ [имя героя 4 / описание героя 4].

APPROBATION OF THE RUSSIAN VERSION OF TRANSPORTATION SCALE (TS)⁴

T. A. Kubrak^{1,*}, A. A. Starostina^{2,**}

¹*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

²*State Academic University for the Humanities;
119049, Moscow, Maronovsky per., 26, Russia.*

*PhD (Psychology), Senior Researcher of Laboratory of Speech Psychology and Psycholinguistics.

E-mail: kubrak.tina@gmail.com

**Postgraduate Student of Faculty of Psychology.

E-mail: starostina.alyona@gmail.com

Received 14.05.2023

Abstract. One of the important tasks for Russian film researchers is to find relevant psychological concepts to describe the process of interaction between the viewer and the film, as well as to form appropriate psychometric tools, which are currently absent in Russian psychology. The article presents the results of adaptation and approbation of the Transportation Scale (TS), developed by M. Green and T. Brock for measuring the transportation — a special state of the involvement and immersion in the narrative (story). A total of 1171 Russian-speaking students from 17 to 29 years old ($M = 19.8$; $SD = 1.9$; 577 men and 594 women) took part in approbation of the technique. Exploratory factor analysis confirmed the three-factor structure, although it also revealed differences with it in the distribution of items. Confirmatory factor analysis did not empirically support the original model, while the new model showed good correspondence with the empirical data. Russian version of the Transportation Scale showed good internal consistency. Convergent validity is confirmed by the presence of significant correlations with the components of “experience in the activity” (positive correlations with pleasure and meaning, negative with void and effort), as well as direct connections with empathy and the need for cognition. For verification of criterion validity, a part of the respondents was re-interviewed using another stimulus material (film). The results present transportation as an unstable state, caused each time by a particular film, and also demonstrate the dependence of transportation on the quality of the narrative. The psychometric assessment showed that the Russian version of the Transportation Scale is a reliable and valid tool that can now be used to study transportation and its effects in a Russian sample, as well as to conduct cross-cultural research in this area.

Keywords: psychology of film, narrative transportation, Transportation Scale, narrative, psychological impact of film, cinema discourse.

REFERENCES

1. Voskresenskaya N.G. The impact of viewer’s emotional tension on the choice of films. *Social Psychology and Society*. 2016. V. 7. № 3. P. 121–134. (In Russian)
2. Klein K.G. et al. Experiences in Different Activities: Temporal Dynamics and Construct Validity. *Psychological Science and Education*. 2019. V. 24. № 5. P. 47–57. (In Russian)
3. Korobova S.Yu., Gryazeva-Dobshinskaya V.G., Askero-va A.T. Features of Identification with the Characters of

⁴The authors thank Professor Melanie C. Green of the University of Buffalo (USA) for permission to develop the Russian version of the Transportation Scale. The authors are grateful to linguists I.O. Tkachenko, M.S. Trifonov and A.E. Malakhova for participation in the adaptation of the questionnaire, as well as to students and staff of MGSU, RSAU-MTAA and SFedU for assistance in the collection of empirical data.

- the Cult Film in the Context of the Social Identity of the Audience. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Psychology*. 2018. V. 11. № 3. P. 24–31. (In Russian)
4. *Kubrak T.A., Grebenshikova T.A., Pavlova N.D.* Psychological Profile of a Modern Viewer: The Structure and Correlates of Movie Preferences. *Experimental Psychology*. 2017. V. 10. № 4. P. 5–19. (In Russian)
  5. *Kubrak T.A., Latynov V.V.* Psihologiya kinodiskursa: faktory vybora, vospriyatie, vozdejstvie. Moscow: Institute of Psychology RAS, 2019. (In Russian)
  6. *Orestova V.R., Tkachenko D.P.* Kinopredpochteniya i predstavleniya o supergeroyah kak otrazhenie potrebnostej sovremennogo mladogo cheloveka v usloviyah tranzitivnosti. *Psihologicheskie issledovaniya*. 2018. V. 11. № 61. P. 11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1629-orestova61.html> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
  7. *Osin E.N., Leontiev D.A.* Diagnostika perezhivaniy v professional'noj deyatel'nosti: validizaciya metodiki. *Organizacionnaya psihologiya*. 2017. V. 7. № 2. P. 30–51. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2017-7-2/206996642.html> (accessed: 04.05.2023). (In Russian)
  8. *Psihodiagnostika tolerantnosti lichnosti*. Eds. G.U. Soldatova, L.A. Shajgerova. Moscow: Smysl, 2008. (In Russian)
  9. *Shchebetenko S.A.* Psihometrika russkoj versii shkaly potrebnosti v poznanii. *Vestnik Permskogo universiteta: Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya*. 2011. № 6. P. 88–100. (In Russian)
  10. *Yanovski M.I.* Forms of experience of presence and ways of their reproduction in film montage. *Theoretical and experimental psychology*. 2017. V. 10. № 1. P. 72–81. (In Russian)
  11. *Yanovsky M.I., Antropova V.I.* The impact of a horror film on the viewer's self-concept. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*. 2021. V. 6. № 2 (22). P. 147–168. (In Russian)
  12. *Appel M., Gnambs T., Richter T., Green M.C.* The transportation scale—short form (TS—SF). *Media Psychology*. 2015. V. 18. № 2. P. 243–266.
  13. *Appel M., Mengelkamp C.* Watching Videos on a Smartphone: Do Small Screens Impair Narrative Transportation?. *Media Psychology*. 2022. V. 25. № 5. P. 653–674.
  14. *Appel M., Schreiner C., Haffmans M.B., Richter T.* The mediating role of event-congruent emotions in narrative persuasion. *Poetics*. 2019. V. 77.
  15. *Busselle R., Bilandzic H.* Measuring narrative engagement. *Media Psychology*. 2009. V. 12. № 4. P. 321–347.
  16. *Cacioppo J.T., Petty R.E., Kao C.F.* The efficient assessment of need for cognition. *Journal of Personality Assessment*. 1984. V. 48. P. 306–307.
  17. *Cohen J.* Defining identification: A theoretical look at the identification of audiences with media characters. *Mass Communication & Society*. 2001. V. 4. № 3. P. 245–264.
  18. *Erickson S.E., Dal Cin S., Byl H.* An experimental examination of binge watching and narrative engagement. *Social Sciences*. 2019. V. 8. № 1. P. 19.
  19. *Green M.C., Brock T.C.* The role of transportation in the persuasiveness of public narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 79. P. 701–721.
  20. *Green M.C. et al.* Transportation across media: Print versus film comparisons. *Media Psychology*. 2008. V. 11. № 4. P. 512–539.
  21. *Green M.* Transportation into narrative worlds. *Entertainment-education behind the scenes: Case studies for theory and practice*. Eds. L.B. Frank, P. Falzone. Palgrave Macmillan, 2021. P. 87–102.
  22. *Hall A., Zwarun L.* Challenging entertainment: Enjoyment, transportation, and need for cognition in relation to fictional films viewed online. *Mass Communication and Society*. 2012. V. 15. № 3. P. 384–406.
  23. *Jarrier E., Bourgeon-Renault D., Derbaix M., Petr C.* Narrative transportation scale: Measure development for transmedia experience. *14th International Conference on Arts and Culture Management*. 2017, June.
  24. *Lee K.* Presence, Explicated. *Communication Theory*. 2004. V. 14. P. 27–50.
  25. *Morris B.S. et al.* Stories vs. facts: triggering emotion and action-taking on climate change. *Climatic change*. 2019. V. 154. № 1. P. 19–36.
  26. *Owen B., Riggs M.* Transportation, need for cognition, and affective disposition as factors in enjoyment of film narratives. *Scientific Study of Literature*. 2012. V. 2. № 1. P. 128–149.
  27. *Sestir M.A., Moore M.M., Green M.C.* Transportation. *The International Encyclopedia of Media Psychology*. Ed. J. Bulck. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons Inc., 2020.
  28. *Sherry J.* Flow and Media Enjoyment. *Communication Theory*. 2004. V. 14. P. 328–347.
  29. *Tal-Or N., Papirman Y.* The fundamental attribution error in attributing fictional figures' characteristics to the actors. *Media Psychology*. 2007. V. 9. № 2. P. 331–345.
  30. *Tchernev J.M., Collier J., Wang Z.* There and Back Again? Exploring the Real-Time Cognitive Journey of Narrative Transportation. *Communication Research*. 2023. V. 50. № 3. P. 312–337.
  31. *Thompson J.M. et al.* Individual Differences in Transportation into Narrative Drama. *Review of General Psychology*. 2018. V. 22. № 2. P. 210–219.
  32. *Tukachinsky R.* Experimental manipulation of psychological involvement with media. *Communication Methods and Measures*. 2014. V. 8. № 1. P. 1–33.

УДК 159.9.019

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ
ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН ПО НАУЧНОМУ НАПРАВЛЕНИЮ
ПСИХОЛОГИИ НРАВСТВЕННОСТИ В 2002–2021 гг.
ЧАСТЬ II. НАУКОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹**

© 2023 г. А. Л. Журавлев*, А. А. Костригин**

ФГБУН Институт психологии РАН;

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Академик РАН, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

**Кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории истории психологии и исторической психологии.

E-mail: artdzen@gmail.com

Поступила 26.06.2023

Аннотация. Во второй части статьи авторы продолжают количественный анализ изданий по научному направлению психологии нравственности, вышедших в Институте психологии РАН в 2002–2021 гг. Рассматриваются показатели цитирования изданий за весь период их доступности, определяются книги и статьи с самым высоким количеством цитирований, выявляется доля цитирований книг по психологии нравственности от общего количества цитирований всех монографий и сборников научных трудов Института психологии РАН за 2002–2021 гг. Делаются выводы о востребованности изданий Института психологии РАН по психологии нравственности и месте данной проблематики в публикационной активности сотрудников Института. В заключение ставятся дискуссионные вопросы о возможных закономерностях развития научных направлений в рамках определенного научно-исследовательского центра.

Ключевые слова: история психологии, психология нравственности, Институт психологии РАН, научное направление, научно-исследовательский центр, цитирования, наукометрический анализ.

DOI: 10.31857/S020595920027088-2

В наукометрическом направлении современной российской истории психологии самостоятельным вектором исследований является анализ востребованности авторов, публикаций, изданий и научных проблем на основе определения количества их цитирований [1; 5–12]. Эти показатели объективно фиксируют обращение исследователей к публикациям авторов, периодических изданий и организаций, свидетельствуют об их месте в публикационном пространстве современной науки.

В первой части статьи были рассмотрены библиометрические показатели изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности за 2002–2021 гг. [3]. В частности, была определена динамика количества и объема публикаций, выявлены наиболее частотные авторы,

проанализирована доминирующая проблематика исследований, сформулирована траектория развития данного научного направления в течение изучаемого периода. Во второй части статьи авторы ставят задачу наукометрического анализа цитирований изданий Института психологии РАН по психологии нравственности для определения самых востребованных монографий и сборников научных трудов, наиболее часто цитируемых публикаций, места данной проблематики в публикационной активности сотрудников Института. Эти показатели дополняют содержательные характеристики развития данного направления.

**МАТЕРИАЛЫ
И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследовательским материалом выступает корпус научных изданий (монографий и сборников научных трудов) Института психологии РАН по психологии

¹ Работа выполнена в соответствии с госзаданием № 0138-2023-0001.

нравственности за 2002–2021 гг. Предметом исследования является востребованность проблематики психологии нравственности, разрабатываемой сотрудниками Института психологии, со стороны научного сообщества, а также место данной тематики в публикационной активности сотрудников Института.

Методом исследования является наукометрический анализ, который выявляет количественные показатели публикаций, характеризующие их место среди отдельной научной отрасли и всей науки в целом, а также их востребованность у исследователей. Показателями выступают: количество цитирований отдельных изданий и статей из них; доля цитирований книг среди сотрудников издающей организации; отношение количества цитирований изданий по конкретному научному направлению за определенный период к общему количеству цитирований всех изданий организации. Количество цитирований устанавливается на основе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (через индивидуальную страницу определенного издания, а также специальную страницу списка всех публикаций Института психологии РАН (https://elibrary.ru/org_items.asp?orgsid=164)). Эти показатели определялись по отношению к корпусу научных изданий (всего 28 книг) сотрудников Института психологии по направлению психологии нравственности, описанному в первой части статьи.

Отметим некоторые ограничения в анализе цитирований: 1) сопоставление показателей цитирования не отражает полностью действительную востребованность изданий, так как книги имеют разную продолжительность доступности для читателя в целом и конкретно в РИНЦ; 2) сравнение разных типов изданий (монографий и сборников научных трудов) также не всегда является релевантным, так как чаще всего исследователи опираются на авторские монографии. Здесь же можно отметить и различную степень цитирования сборников научных трудов и отдельных статей из них. Исходя из этих условий сформулированные выводы будут носить характер тенденций.

Разделение корпуса изданий на подкорпусы по хронологическому критерию согласно пятилетиям (2002–2006, 2007–2011, 2012–2016, 2017–2021 гг.) сохраняется и в отношении представления количества цитирований.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В рамках наукометрического анализа были выявлены показатели цитирований изданий по психологии нравственности и отдельных статей из них,

а также доля цитирований данных книг в общем числе цитирований всех изданий Института психологии РАН по пятилетиям (табл. 1–3).

Наибольшее количество цитирований принадлежит монографии А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко “Нравственно-психологическая регуляция экономической активности” (2003), сборникам научных трудов “Нравственность современного российского общества” (2012), “Психология нравственности” (2010), “Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества” (2014) и “Психологические исследования духовно-нравственных проблем” (2011). Книга А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко является одним из первых исследований нравственной проблематики в экономической психологии, поэтому до сих пор она используется современными авторами. Среди указанных сборников научных трудов три (“Нравственность современного российского общества” (2012), “Психология нравственности” (2010), “Психологические исследования духовно-нравственных проблем” (2011)) относятся к серии специальных изданий по научному направлению психологии нравственности, организованной руководством и ведущими специалистами по этой проблематике, аффилированными с Институтом психологии РАН [2]. Таким образом, можно констатировать сложившийся интерес к разработкам нравственно-психологических вопросов, выполненным на базе данного научно-исследовательского центра, в частности к специализированным изданиям, целенаправленно для этого выпускавшимся.

Среди монографий также можно отметить высокое количество цитирований у книги М.И. Воловиковой “Представления русских о нравственном идеале” (2005). Эта фундаментальная работа стала ключевой в области психологии менталитета на современном этапе развития российской психологической науки. Вместе с монографией А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко 2003 г. оба издания соответственно за 18-летний и 20-летний период доступности получили широкое распространение у исследователей и заложили основу современных нравственно-психологических исследований в Институте психологии РАН. Другими востребованными у специалистов монографиями являются книги А.Л. Журавлева “Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии” (2011) и А.Б. Купрейченко и А.Е. Воробьевой “Нравственное самоопределение молодежи” (2013), которые относятся к нравственно-психологическим разработкам в социальной сфере. Можно утверждать, что этот перечень монографических

Таблица 1. Показатели общего числа цитирований изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности за 2002–2021 гг. (данные от 28.01.2023)

Издание	Количество цитирований	Количество цитирований среди сотрудников ИП РАН (доля в общем количестве, %)	Издание	Количество цитирований	Количество цитирований среди сотрудников ИП РАН (доля в общем количестве, %)
<i>Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.</i> Нравственно-психологическая регуляция экономической активности (2003)	431	118 (27.4)	Психологические исследования нравственности (2013)	134	83 (61.9)
<i>Воловикова М.И.</i> Представления русских о нравственном идеале (2005)	192	89 (46.4)	Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире (2013)	6	0 (0)
Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов (2009)	86	33 (38.4)	<i>Купрейченко А.Б.</i> Нравственная детерминация экономического самоопределения (2014)	38	24 (63.2)
Психология нравственности (2010)	327	125 (38.2)	Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества (2014)	295	166 (56.3)
<i>Журавлев А.Л.</i> Актуальные проблемы социально ориентированных отраслей психологии (2011)	144	69 (47.9)	<i>Воловикова М.И., Мустафина Л.Ш.</i> Представления о совести в российском менталитете (2016)	57	25 (43.9)
Проблемы нравственной и этической психологии в современной России (2011)	100	46 (46.0)	<i>Ожиганова Г.В.</i> Духовные способности как ресурс жизнедеятельности (2016)	67	37 (55.2)
Психологические исследования духовно-нравственных проблем (2011)	250	133 (53.2)	Духовно-нравственные проблемы современной личности (2018)	51	26 (50.9)
<i>Гостев А.А., Борисова Н.В.</i> Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина (2012)	54	45 (83.3)	<i>Арутюнова К.Р., Александров Ю.И.</i> Мораль и субъективный опыт (2019)	17	7 (41.2)
Нравственность современного российского общества (2012)	378	144 (38.1)	Индивидуальное, национальное и глобальное в сознании современного человека (2020)	33	10 (30.3)
<i>Купрейченко А.Б., Воробьева А.Е.</i> Нравственное самоопределение молодежи (2013)	130	25 (19.2)	<i>Ожиганова Г.В.</i> Духовная личность (2020)	17	12 (70.6)

Таблица 2. Статьи с наибольшим количеством цитирований из сборников научных трудов по психологии нравственности, изданных Институтом психологии РАН в 2002–2021 гг. (данные от 28.01.2023)

Период	Статьи	Количество цитирований
2007–2011	<i>Юревич А.В., Ушаков Д.В.</i> Нравственное состояние современного российского общества	63
	<i>Журавлев А.Л., Юревич А.В.</i> Проблема нравственности в психологической науке	37
	<i>Дикая Л.Г., Ермолаева Е.П.</i> Нравственные проблемы профессиональной деятельности	36
	<i>Семенов В.Е.</i> Духовно-нравственные ценности и воспитание как важнейшие условия развития России	28
	<i>Лабунская В.А.</i> Внешний облик в структуре представлений о враге и друге на различных этапах жизненного пути	23
2012–2016	<i>Юревич А.В., Юревич М.А.</i> Динамика психологического состояния российского общества: экспертная оценка	76
	<i>Журавлев А.Л., Юревич А.В.</i> Нравственные проблемы современной России (вместо введения)	54
	<i>Журавлев А.Л., Юревич А.В.</i> Психологические факторы коррупции	24
	<i>Журавлева Н.А.</i> Актуальные тенденции в ценностных ориентациях молодежи в современном российском обществе	16
	<i>Воловикова М.И.</i> Личность в пространстве современного мира: духовно-нравственные проблемы	14
2017–2021	<i>Большунова Н.Я., Устинова О.А.</i> Психологические и социокультурные смыслы прощения, развитие способности к прощению	13
	<i>Воловикова М.И., Журавлев А.Л.</i> Вместо введения: вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества	10

Таблица 3. Доля цитирований изданий по психологии нравственности от общего количества цитирований монографий и сборников научных трудов Института психологии РАН за 2002–2021 гг. (данные от 28.01.2023 г.).

Периоды	Количество цитирований всех изданий (монографий и сборников научных трудов) ИП РАН	Количество цитирований изданий по психологии нравственности (доля в общем количестве цитирований, %)
2002–2006	10 818	623 (5.8)
2007–2011	14 890	907 (6.1)
2012–2016	11 749	1159 (9.9)
2017–2021	3769	118 (3.1)
За весь период (2002–2021)	41 226	2807 (6.8)

публикаций с наибольшим количеством цитирований отражает ядро содержания исследований по научному направлению психологии нравственности в Институте психологии — нравственные аспекты экономической активности и нравственные проблемы современного российского общества. Монографии с меньшим количеством цитирований, хотя и занимают важное место в структуре данного научного направления, пока еще не вошли в ряд высоковостребованных изданий, в том числе это относится к недавним разработкам по психологии духовной личности (Г.В. Ожиганова) и системно-эволюционным исследованиям морали (К.Р. Арутюнова, Ю.И. Александров).

Оставшиеся сборники научных трудов также не получили широкой востребованности у исследователей по причинам, возможно, меньшей

актуальности и доступности, в том числе в связи с техническими трудностями (сборник “Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире” (2013) имеет низкое количество цитирований, обусловленное тем, что существуют две разные индивидуальные страницы этого издания, на которых различаются основные метаданные).

Перед анализом списка статей с наибольшим количеством цитирований из сборников научных трудов по психологии нравственности необходимо отметить особенности представления данных: 1) у некоторых сборников (“Психология человека в современном мире. Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов” (2009), “Психология

нравственности” (2010), “Нравственность современного российского общества: психологический анализ” (2012), “Психологические исследования нравственности” (2013), “Социально-психологические и духовно-нравственные аспекты семьи и семейного воспитания в современном мире” (2013)) не все статьи внесены в РИНЦ, поэтому в табл. 2 приведены те статьи, которые на данный период (28.01.2023) индексируются в РИНЦ и к которым привязаны цитирования; 2) в 2002–2006 гг. не было издано ни одного сборника научных трудов, поэтому данное пятилетие не анализировалось в этом разделе; 3) для периодов 2007–2011 и 2012–2016 гг. были приведены по пять статей с наибольшими показателями цитирования; 4) хотя в 2017–2021 гг. было издано всего два сборника научных трудов (что отразилось и на общем количестве статей), из них были представлены только те статьи, которые имели не менее 10 цитирований.

Сформулируем выводы относительно востребованной со стороны других исследователей проблематики психологии нравственности. Прежде всего скажем о периоде 2002–2006 гг.: из-за отсутствия коллективных изданий трудно оценить востребованность нравственно-психологической тематики этого периода со стороны психологического сообщества, однако само по себе отсутствие таких работ и их показателей свидетельствует о происшедшем зарождении данного направления исследований. В изданиях 2007–2011 гг. наибольший интерес исследователей привлекли нравственные проблемы в различных общих социальных и конкретных прикладных сферах (в современном обществе в целом, профессиональной деятельности, воспитании), теоретико-методологические основы изучения нравственности в психологии, представления о враге и друге в структуре личности. Востребованными вопросами в статьях 2012–2016 гг. являлись нравственные проблемы современного общества и России, прикладной характер применения нравственно-психологических разработок в области борьбы с коррупцией и формирования ценностных ориентаций молодежи, духовно-нравственные аспекты развития современной личности. Актуальными темами публикаций 2017–2021 гг. были личностные феномены нравственных поступков (прощения) и институциональные факторы развития психологии духовно-нравственных проблем (конкретно в Институте психологии РАН).

Говоря о динамике интереса к публикациям по психологии нравственности в изданиях Института психологии РАН, отметим следующее: 1) на протяжении большинства периодов доминирующей тематикой были нравственные проблемы

общественных феноменов и практической деятельности, что показывает источник как самих нравственных проблем, так и их психологического изучения — вызовы общества, условия жизнедеятельности различных социальных групп, социальные задачи общества и государства [4]; 2) другими значимыми для исследователей из широкого психологического сообщества вопросами были нравственные компоненты структуры личности (нравственные представления, собственно духовно-нравственные ее проблемы, нравственные поступки); 3) только в 2007–2011 гг. являлись востребованными теоретико-методологические аспекты разработки вопросов психологии нравственности, что в целом соотносится с содержательным анализом частотных и ключевых терминов изучаемых изданий, изложенных в первой части статьи: как самих авторов, так и других исследователей в первую очередь интересуют актуальные проблемы общества и различных социальных групп, а не столько теоретические, методологические и методические вопросы организации и проведения исследований в данной области; 4) среди авторов статей с наибольшим количеством цитирований преобладают сотрудники Института психологии РАН, что означает их идентификацию с актуальными разработками по направлению психологии нравственности; 5) кроме сотрудников Института психологии, среди авторов востребованных публикаций присутствуют представители других научных и образовательных организаций (В.Е. Семенов из Санкт-Петербургского государственного университета, В.А. Лабунская из Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), Н.Я. Большунова из Новосибирского государственного педагогического университета, О.А. Устинова из Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета). Это расширяет научно-исследовательское сообщество по направлению психологии нравственности, существующее на базе Института психологии, и дополняет перечень авторов из внешних организаций, представленный в первой части статьи.

Перед обсуждением выявленных показателей отметим, что по сравнению с предыдущей публикацией о направлении методологии психологии [6] в данной работе был сужен перечень изданий, включаемых в общий список публикаций Института психологии РАН: к нему были отнесены только те издания, которые вышли непосредственно в издательстве Института психологии. По нашему мнению, такой подход будет более релевантным, так как уравнивает все условия выпуска, доступа и использования к работам со стороны всех исследователей. В этом случае количество цитирований

изданий по каждому периоду будет несколько снижено (соответственно, доля цитирований исследуемых книг по психологии нравственности несколько повысится), однако это будет более репрезентативным.

Доля цитирований изданий Института психологии РАН по направлению психологии нравственности от общего числа цитирований всех монографий и сборников научных трудов является невысокой, что характеризует данное направление и соответствующие ему публикации как специфические и вызывающие интерес только у небольшой части исследователей. Хотя в 2002–2006 гг. вышло всего две монографии по нравственно-психологическим проблемам, данный период обладает не самой низкой долей цитирований относительно других периодов. Это связано с тем, что, во-первых, эти публикации обладают наиболее длительной доступностью по сравнению с изданиями, вышедшими позже, во-вторых, обе публикации — это авторские монографии, которые цитируются обычно чаще, чем сборники научных трудов. К тому же авторами относящихся к этому периоду монографий являются авторитетные исследователи (М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко), что привлекает дополнительное внимание к их работам. Книги 2007–2011 гг. характеризуются небольшим повышением доли цитирований изданий по психологии нравственности, что свидетельствует о происходившем в эти годы распространении данной проблематики среди психологического сообщества. Следует отметить, что такое повышение доли цитирований не является резким; это можно обозначить показателем только сформировавшейся области исследований, что согласовывалось со все еще небольшим количеством изданий.

Следующий период (2012–2016 гг.) имеет наибольшую долю цитирований работ по направлению психологии нравственности, что соответствует самому высокому количеству изданий (9) и наибольшему разнообразию исследуемых вопросов за эти годы (см. анализ частотных терминов и ключевых слов, представленный в первой части статьи [3]). Издания 2017–2021 гг. характеризуются снижением доли цитирований и количества изданий. Данный процесс может быть связан с дифференциацией самого направления на несколько векторов — сохранением проблематики психологии нравственности и выделением тематики психологии духовных и моральных феноменов, что повлекло за собой размытие ядра нравственно-психологических исследований, следовательно, разделение интереса со стороны внешних исследователей.

Последнее объясняется тем, что чем более узкой проблематике посвящены монографии и сборники научных трудов, тем в меньшем количестве работ их могут использовать авторы при обсуждении самого широкого спектра психологических вопросов.

Сформулируем выводы относительно динамики доли цитирований изучаемых изданий.

1. Проблематика психологии нравственности, разрабатываемая в Институте психологии РАН, является не самой востребованной группой современных научно-исследовательских и практических вопросов, на которые направлен интерес со стороны психологического сообщества. Доля цитирований в среднем держится в одном диапазоне значений, что говорит о стабильности обращения авторов к обозначенным изданиям Института психологии РАН.

2. Наблюдается в целом нарастающая динамика данного показателя от 2002–2006 к 2012–2016 гг., что согласуется и с увеличением количества изданий. Активная разработка нравственно-психологической проблематики соответствует большому количеству издаваемых работ и цитирований (как в абсолютных, так и относительных значениях).

3. В последний период (2017–2021 гг.) выявлена нисходящая тенденция, возможно, обусловленная внутринаучными (формирующимся разделением тематики) и личностными (уменьшением количества активных исследователей) факторами функционирования данного направления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный в двух частях статьи количественный анализ изданий Института психологии РАН по психологии нравственности за 2002–2021 гг. показал, что данное научное направление сформировалось и активно развивалось в Институте в исследуемый период; результатом этого развития стали фундаментальные труды, идеи и концепции по нравственно-психологической проблематике. Динамика количества работ и других библиометрических и наукометрических показателей свидетельствует об изменяющемся статусе и востребованности этой области в научно-исследовательском и публикационном пространстве Института в разные пятилетия.

На основе проведенного в двух частях статьи количественного исследования изданий Института психологии РАН по психологии нравственности обозначим дополнительные аспекты анализа развития обсуждаемого направления и в целом научных направлений в определенном научно-

исследовательском центре. Так, особый интерес в становлении научных направлений представляет рассмотрение исследователями теоретико-методологических принципов и, в частности, обращение к истории психологии, творчеству выдающихся психологов. В прошлой работе, посвященной направлению методологии психологии [7], было выявлено, что с помощью количественного анализа (названий статей, частот слов и ключевых терминов) также можно определять историко-психологические и методологические основы становления направления (без привлечения качественного историко-психологического анализа): таковыми стали теоретические представления Б.Г. Ананьева, А.В. Брушлинского, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова, Я.А. Пономарева, С.Л. Рубинштейна, принципы комплексного, системного и субъектного подходов. Наше предположение заключается в том, что в формировании научного направления одну из ключевых ролей играет разработка теоретико-методологических идей выдающихся ученых прошлого, что должно проявляться и в формальных характеристиках публикаций (названиях и аннотациях).

Количественный анализ изданий по направлению психологии нравственности выявил слабое присутствие среди библиометрических и наукометрических показателей фактов обращения к историко-психологическим аспектам развития нравственно-психологической проблематики. Это проявилось только путем “ручного поиска”: были обнаружены имена И.А. Ильина в работах А.А. Гостева и Н.В. Борисовой (в монографии “Психологические идеи в творческом наследии И.А. Ильина” (2012), статьях “Духовно-нравственное становление личности в философско-психологическом наследии Ивана Александровича Ильина” (2011) и “Семья — основа воспитания духовной личности: вклад Ивана Александровича Ильина” (2013)), С.Л. Рубинштейна в названии сборника трудов конференции, посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна, и отдельной статьи С.А. Месникович “Интеграция научных идей С.Л. Рубинштейна в педагогику детского чтения” (2009), И.В. Киреевского в статье О.Е. Серовой “Нравственные начала психологической реальности в учении И.В. Киреевского” (2011), В.В. Зеньковского в статье Т.И. Артемьевой “Религиозные кризисы личности в трактовке В.В. Зеньковского” (2013). Разработка нравственно-психологической проблематики, безусловно, осуществлялась на основе идей и других психологов и философов (например, А.Ф. Лосева, Т.А. Флоренской и др.), однако этого не показали количественные данные, в том числе в виде терминологии и подходов,

которые использовались обозначенными персоналиями.

Данный вопрос относится к достаточно важной дискуссии о соотношении качественных и количественных методов в истории психологии: распространено утверждение о том, что если что-то (например, имена психологов и их идеи) не выявлено в количественных данных, то нельзя считать, что это совсем отсутствует в изучаемых материалах; в таком случае количественные данные не являются релевантными, а качественный анализ раскрывает исследуемую проблематику глубже. Однако существуют случаи, когда эти два аспекта анализа развития конкретной научно-исследовательской проблематики совпадали (например, при изучении направления методологии психологии в Институте психологии РАН).

При анализе корпуса изданий по психологии нравственности количественные индикаторы персоналий и их идей проявились слабо, что может говорить о недостаточном обосновании теоретико-методологических принципов этого направления через историко-психологический анализ различных концепций. Таким образом, может быть поставлен вопрос о потенциальном критерии развития научного направления, связанном с наличием специальных историко-научных и персонологических признаков в корпусах изданий.

Другим дискуссионным вопросом, касающимся закономерностей развития научного направления, является соотношение показателей количества изданий, авторского участия и цитирований в различные периоды. В прошлой работе, посвященной количественному анализу изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии [7], нами высказывалось предположение о том, что развитие определенного научно-исследовательского направления (выраженное в наибольшем количестве изданий и наиболее высокой доли цитирований) согласуется с количеством авторов, привлекаемых к обсуждению соответствующих вопросов и подготовке публикаций, в частности, предлагалось объяснение самого активного этапа в развитии направления через количество новых авторов (у направления методологии психологии этап с наибольшим количеством изданий и наиболее высокой долей цитирований соответствовал этапу с наибольшим количеством новых авторов).

Однако при анализе изданий по направлению психологии нравственности эти показатели оказались несогласованными (см. табл. 1 и 2 в первой части статьи и табл. 3 в этой части — наибольшее количество изданий (9) и наиболее высокая доля

цитирований (9.9%) относится к 2012–2016 гг., а наибольшее количество новых авторов (100) — к 2007–2011 гг.). Показателем, которому соответствуют наибольшее количество изданий и доля их цитирований, для направления психологии нравственности является количество повторяющихся авторов среди сотрудников Института психологии РАН (13). В данном случае нами не ставится задача искусственно связать все показатели между собой, но если искать некоторые тенденции и закономерности, хотя бы в рамках обсуждаемого направления, то можно предположить, что развитие нравственно-психологических исследований на базе Института психологии и в его изданиях осуществлялось благодаря активному участию именно его сотрудников. Таким образом, количество новых привлеченных авторов способствовало становлению направления психологии нравственности, но самое значимое влияние было оказано постоянным участием сложившегося ядра исследователей научно-исследовательского сообщества из числа сотрудников Института психологии РАН. Такой тенденции по направлению методологии психологии обнаружено не было, что может говорить о различиях в содержательных, методологических, социально-исторических, научно-организационных и личностных аспектах развития различных направлений психологии.

Перспективой продолжения количественного анализа изданий Института психологии РАН по психологии нравственности является обращение к новому корпусу публикаций, вышедших в “Психологическом журнале”, как дополняющему выявленные характеристики, открывающему новый объект изучения и способствующему выделению оригинальных аспектов анализа журнальных публикаций в становлении конкретного научного направления, что будет нами проведено в последующих запланированных работах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галкина Т.В., Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Яков Александрович Пономарев: некоторые результаты наукометрического анализа творческого наследия // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1. С. 117–128.
2. *Журавлев А.Л.* Основные тенденции развития психологических исследований в Институте психологии РАН // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 6. С. 5–18.
3. *Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению психологии нравственности в 2002–2021 гг. Часть I. Библиометрический анализ // Психологический журнал. 2023. Т. 44. № 3. С. 71–82.
4. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3. С. 4–14.
5. *Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л., Костригин А.А.* Электронному журналу “Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология” пять лет: наукометрический анализ итогов работы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 3 (23). С. 272–301.
6. *Кольшикина А.В., Олейник Ю.Н.* Возможности использования метода индекса цитирования в историко-психологическом исследовании // Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2002. С. 288–298.
7. *Костригин А.А., Журавлев А.Л.* Количественный анализ изданий Института психологии РАН по научному направлению методологии психологии в 2002–2021 гг. // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 99–120.
8. *Моргун А.Н.* Международное (мировое) историко-психологическое отраслевое сообщество: наукометрический анализ // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 178–214.
9. *Моргун А.Н., Олейник Ю.Н., Журавлев А.Л.* Цитируемость “Психологического журнала” в информационном пространстве ведущих мировых научных изданий // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 6. С. 105–118.
10. Психологические исследования в интернет-пространстве: поисковые системы, социальные сети, электронные базы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2020.
11. *Рубцов В.В., Марголис А.А., Шведовская А.А., Пономарева В.В.* Наукометрический анализ культурно-исторического направления в научных публикациях 2009–2019 годов // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15. № 4. С. 119–132.
12. *Федоров А.А.* Постмодернизм в психологии: библиометрический анализ // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 2. С. 410–423.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF THE PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF PSYCHOLOGY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ON THE SCIENTIFIC DIRECTION OF PSYCHOLOGY OF MORALITY IN 2002–2021. PART II. SCIENTOMETRIC ANALYSIS²

A. L. Zhuravlev*, A. A. Kostigin**

*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

*Academician of RAS, Professor, Scientific Adviser of Institute of Psychology RAS.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

***Candidate of Psychological Sciences, Research Associate,
Laboratory of History of Psychology and Historical Psychology.*

E-mail: artdzen@gmail.com

Received 26.06.2023

Abstract. In the second part of the article the authors continue the quantitative analysis of the publications on the scientific field of the psychology of morality, published by the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences in 2002–2021. There was examined the citation figures for the entire period of their availability, identified the most highly cited books and articles, and determined the share of citations of books on the psychology of morality in the total number of citations of all monographs and collection of scientific papers of the Institute of Psychology RAS in 2002–2021. Conclusions are drawn about the relevance of the Institute of Psychology RAS publications on the psychology of morality and the place of this subject matter in the publication activity of the Institute's staff. The paper concludes with a discussion of possible patterns of research development within a particular research center.

Keywords: history of psychology, psychology of morality, Institute of Psychology RAS, scientific direction, research center, citations, scientometric analysis.

REFERENCES

1. *Galkina T.V., Zhuravlev A.L., Kostigin A.A.* Yakov Aleksandrovich Ponomarev: nekotorye rezul'taty nauko-metricheskogo analiza tvorcheskogo naslediya. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2022. № 1. P. 117–128. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L.* Osnovnye tendentsii razvitiya psikhologicheskikh issledovaniy v Institute psikhologii RAN. Psikhologicheskii zhurnal. 2007. V. 28. № 6. P. 5–18. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L., Kostigin A.A.* Kolichestvennyi analiz izdaniy Instituta psikhologii RAN po nauchnomu napravleniyu psikhologii npravstvennosti v 2002–2021 gg. Chast' I. Bibliometricheskii analiz. Psikhologicheskii zhurnal. 2023. V. 44. № 3. P. 71–82. (In Russian)
4. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V.* Psikhologiya npravstvennosti kak oblast' psikhologicheskogo issledovaniya. Psikhologicheskii zhurnal. 2013. V. 34. № 3. P. 4–14. (In Russian)
5. *Kovaleva Yu.V., Zhuravlev A.L., Kostigin A.A.* Elektronnomu zhurnalu "Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya" pyat' let: nauko-metricheskii analiz itogov raboty. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2021. V. 6. № 3 (23). P. 272–301. (In Russian)
6. *Kolyshkina A.V., Oleinik Yu.N.* Vozmozhnosti ispol'zovaniya metoda indeksa tsitirovaniya v istoriko-psikhologicheskom issledovanii. Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniy. Ch. 4. Metodologicheskie problemy istoriko-psikhologicheskogo issledovaniya. Eds. A.L. Zhuravlev, V.A. Kol'tsova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2002. P. 288–298. (In Russian)
7. *Kostigin A.A., Zhuravlev A.L.* Kolichestvennyi analiz izdaniy Instituta psikhologii RAN po nauchnomu napravleniyu metodologii psikhologii v 2002–2021 gg. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 5. P. 99–120. (In Russian)
8. *Morgun A.N.* Mezhdunarodnoe (mirovoe) istoriko-psikhologicheskoe otraslevoe soobshchestvo: nauko-metricheskii analiz. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2022. V. 7. № 1 (25). P. 178–214. (In Russian)
9. *Morgun A.N., Oleinik Yu.N., Zhuravlev A.L.* Tsitiruemost' "Psikhologicheskogo zhurnala" v informatsionnom

² The research was carried out according to the state assignments № 0138-2023-0001.

- prostranstve vedushchikh mirovykh nauchnykh izdaniy. Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 6. P. 105–118. (In Russian)
10. Psikhologicheskie issledovaniya v internet-prostranstve: poiskovye sistemy, sotsial'nye seti, elektronnye bazy. Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2020. (In Russian)
  11. *Rubtsov V.V., Margolis A.A., Shvedovskaya A.A., Ponomareva V.V.* Naukometricheskii analiz kul'turno-istoricheskogo napravleniya v nauchnykh publikatsiyakh 2009–2019 godov. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2019. V. 15. № 4. P. 119–132. (In Russian)
  12. *Fedorov A.A.* Postmodernizm v psikhologii: bibliometricheskii analiz. Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki. 2021. V. 18. № 2. P. 410–423. (In Russian)

УДК 159.9(091)

ИДЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА БОГДАНОВА (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

© 2023 г. О. Г. Носкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.*

Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.

E-mail: nog4813@mail.ru

Поступила 29.09.2022

Аннотация. В статье проведена историко-психологическая реконструкция учения об идеологии в творчестве А.А. Богданова (Малиновского) (1873–1928). Богдановская концепция идеологии представлена как духовная культура общества, затрагиваются ее формы, генезис, функции, изменчивость, метод исследования, возможности воздействия и предсказания. Идеология — необходимая и неустранимая составляющая общественной жизни, которая может иметь прогрессивное и/или регрессивное влияние на общество. Взгляды А.А. Богданова могут быть полезны не только представителям многих общественных наук, но в первую очередь социальным психологам, изучающим макропсихологические проблемы, специалистам в области исторической психологии, а также историкам отечественной психологии.

Ключевые слова: история психологии, идеология, культура, общественное сознание, метод исследования, трудовая типология культуры, речь, мышление, нормы, мораль, право, искусство, религия, наука.

DOI: 10.31857/S020595920027089-3

Цель данной статьи состоит в том, чтобы познакомить читателей с изучением идеологии в творчестве А.А. Богданова. Александр Александрович Богданов (Малиновский) (22.08.1873 — 07.04.1928) — наш выдающийся соотечественник, член РСДРП(б), участник революции 1905 г., философ, экономист, социолог, писатель-фантаст, просветитель, врач-психиатр, естествоиспытатель, основатель первого в мире Института переливания крови, один из организаторов Социалистической академии, общественного движения “Пролетарская культура”.

Главным достижением ученого можно считать разработку им “всеобщей организационной науки — тектологии” [6]. Труды А.А. Богданова в течение многих лет после его смерти были труднодоступными нашим соотечественникам, так как имя Богданова оказалось в числе “ревизионистов”, якобы искажающих марксистские идеи. Старшему поколению психологов хорошо знакома книга В.И. Ленина “Материализм и эмпириокритицизм” (1909) [16], направленная в первую очередь против философских позиций А.А. Богданова. Сегодня настало время прочесть работы ученого, не оглядываясь на политическую конъюнктуру. Полемика

А.А. Богданова и В.И. Ленина изучена историками науки [1, с. 188–198; 14]. В 1985 г. его организационная концепция была в центре обсуждения на Международной конференции в Англии (“Вопросы философии”. 1985. № 8). В 1994 г. в редакции журнала “Вестник РАН” состоялось заседание представителей разных общественных наук, посвященное работам ученого, итоги опубликованы в статье “Красный Гамлет...” [15], не утрачен интерес к философской концепции А.А. Богданова [22; 23]. Сегодня многие книги Богданова переизданы, доступны в Интернете. Разносторонняя новая информация представлена в сборнике статей, посвященных жизни и творчеству А.А. Богданова, опубликованном в 2021 г. сотрудниками Института философии РАН [1]; эта книга содержит список трудов А.А. Богданова, а также публикации о его работах. В статье ведущего научного сотрудника ИФ РАН, доктора философских наук М.В. Локтионова [17] А.А. Богданов оценивается как основоположник общей теории систем, опередивший на много лет первые выступления в этой области Людвиг фон Берталанфи. Наш интерес к творчеству А.А. Богданова возник в связи с изучением отечественной

прикладной психологии первой трети XX в. [19]; было положено начало историко-научного исследования психологических взглядов А.А. Богданова [20]. Как известно, Александр Александрович Богданов — один из наиболее авторитетных русских представителей философии марксизма рубежа XIX и XX вв., который пытался развивать ряд ключевых положений марксистской социологии, рассматриваемой в качестве научной концепции, а не догматически понятого учения, с точки зрения критериев позитивной науки. Богдановская методология научного изучения явлений общественного сознания (и связанных с ними феноменов сознания индивидуального) представлена во многих его работах [2–8].

ПОЧЕМУ ВЫБРАНЫ ДЛЯ РАССМОТРЕНИЯ ИМЕННО ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ, В ЧЕМ ИХ АКТУАЛЬНОСТЬ И ДИСКУССИОННОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ?

Что такое идеология как реальность? В самом общем виде идеологией принято обозначать систему взглядов, идей, характеризующих группу людей, класс или политическую партию; речь идет при этом об идеях, в которых люди осознают свое отношение к миру, проблемам, а также цели и задачи общественной деятельности, направленной на укрепление или изменение жизни общества [11]. Второе значение термина “идеология” указывает на область науки, изучающей идеологические явления. Термин “идеология” как учение об идеях ввел французский мыслитель А.Л.К. Дестют де Траси в его сочинении “Элементы идеологии” (1801–1815) (цит. по: [11, с. 199]); заявка на научность здесь оказалась не вполне убедительной, и в эпоху Наполеона идеология трактовалась как поверхностное философствование, оторванное от реальности, как пустое мифотворчество. Негативная трактовка любых проявлений идеологии имела место и у классиков марксизма, в частности, в работе К. Маркса и Ф. Энгельса “Немецкая идеология” [18] в трудах критикуемых ими “идеологов” действительность предстает в искаженном перевернутом виде, оказывается продуктом “иллюзорного”, ложного сознания, когда интересы господствующих в обществе классов представлялись как интересы всего общества. Позже негативная оценка идеологии буржуазии противопоставлялась марксистами позитивной идеологии, а точнее, социалистической идеологии трудящихся [9, с. 256]. В случаях преимущественно негативной трактовки

термина “идеология” ее ядром оказывается “круг идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики” [Там же]; идеология представляется как совокупность идей, используемых для реализации человеческих потребностей “через манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание” [Там же]. Идеология противопоставляется иногда технике, основанной на достижениях естествознания, роль которых со временем неизмеримо возрастает, тогда как значение идеологии якобы утрачивается, т.е. игнорируются ее возможные позитивные функции в жизни общества. Близкие взгляды представлены в концепции “деидеологизации” ряда зарубежных ученых (Д. Белл и др. [цит. по: 11]). В современных публикациях также встречается негласное сведение всех форм идеологии к одной — государственно регламентированной идеологии построения коммунизма в СССР, которая стала объектом критики и ликвидации в России с 1991 г. Подобное толкование термина “идеология” объясняет установку ряда современных авторов на “деидеологизацию” общественной жизни, культуры, образования, науки, психологии в частности. Призывы к деидеологизации науки отечественных авторов опираются, по сути, и на статьи Конституции РФ (1993 г.), положения которой остались неизменными и после внесения множества поправок в 2020 г. Так, в п. 1 ст. 13 Конституции РФ в стране признается “идеологическое многообразие”, при этом п. 2 этой же статьи гласит: “Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной” [13, с. 6]. В п. 5 ст. 13 “запрещается деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на нарушение целостности РФ, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни” [Там же]. Тем самым Конституция РФ фиксирует возможность проявления негативных, вредных идеологий и устанавливает ответственность за их внедрение, но при этом игнорируется необходимость государственной поддержки и контроля внедрения в массы полезной идеологии, направленной на формирование нужных обществу в целом идей, мировоззрения, жизненных установок и поведения людей. В результате государство устраняется от организации и контроля задач гражданского воспитания, социализации новых поколений, формирования нужного обществу идейного единства и готовности граждан к защите отечества, функции государства при этом могут и заменяются активностью его идеологических врагов.

Понятно, что явления идеологии чрезвычайно сложны и многообразны, ими занимаются

представители разных социогуманитарных наук и специалисты соответствующих областей практики (философы, социологи, культурологи, историки и регионоведы, юристы, педагоги и др.). Наша статья не претендует на исчерпывающий анализ проблем идеологии с точки зрения психологии, однако даже беглый обзор публикаций, размещенных за последние 15 лет в “Психологическом журнале”, убеждает в чрезвычайной важности для психологов исследований феноменов идеологии, объединенных термином “макропсихология”, обозначающим новую научную отрасль, ориентированную на изучение “психологических свойств больших социальных групп и общества в целом” [10; 12; 24]. Замечено, что идеологические проблемы становятся остро актуальными в эпоху перемен, когда рушатся ранее сложившиеся моральные, социальные нормы, необходима смена устоявшихся традиций. Особенно симптоматична в русле обсуждаемых вопросов обзорно-аналитическая статья А.В. Юревича и А.Л. Журавлева “Поиск национальной идеи как психологическая проблема: размышления над текстами” [25], в которой обсуждается перспективная национальная идея, по сути дела, общенародная идеологическая концепция, которая может способствовать оформлению “коллективных смыслов” существования, разрешения актуальных и стратегических проблем народа, идей, важных и для построения индивидуальных смыслов каждого гражданина; здесь рассматриваются главные функции такого рода идеологии (национальной идеи), даны ее ориентировочные характеристики, результаты опроса россиян относительно потребного будущего страны. Наше краткое введение, надеемся, позволяет читателю убедиться в том, что исследования идеологий, многосторонних по своей сути, требующих междисциплинарного подхода, представляют значительный интерес и для психологов. В этой связи может быть полезной историко-психологическая реконструкция взглядов на идеологию (во всех затронутых выше смыслах), представленных в трудах марксиста и позитивиста начала XX в. А.А. Богданова.

ПРОБЛЕМЫ ИДЕОЛОГИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.А. БОГДАНОВА

Отношение А.А. Богданова к вопросам идеологии складывалось в процессе его участия в русском революционно-демократическом движении, в рамках просветительской деятельности в кружке рабочих Тульского оружейного завода в 1890-е годы, а также в высших социал-демократических школах для рабочих на острове Капри (1909) и в г. Болонье

(1910–1911). Расхождение с В.И. Лениным по философским вопросам привело к выходу А.А. Богданова в 1910 г. из состава РСДРП(б). При этом А.А. Богданов остался верен своему мировоззрению и жизненным целям, а именно он решил сосредоточить свои усилия на разработке тех положений социализма, которые оказались лишь намеченными его основателями, требовали научного обоснования. Самостоятельный перевод “Капитала” К. Маркса и обсуждение вопросов политической экономии с рабочими оружейного завода способствовали подготовке удачного учебного пособия по основам марксистского экономического учения. Книга выдержала до 1917 г. свыше семи переизданий и высоко оценивалась В.И. Лениным. Однако не менее сложными для рабочих оказались вопросы обществоведения, “исторического материализма”; об этом писал сам А.А. Богданов в брошюре “Культурные задачи нашего времени” (1911) [5]. В этой работе ученый впервые основательно останавливается на вопросах идеологии как проявлениях духовной культуры общества, феноменах общественного сознания. Трактровка марксистского учения как абсолютной и вечной истины Г. Плехановым и В. Ильиным (В.И. Лениным) противоречила, согласно Богданову, сути марксизма как “учения, радикально отрицающего всякие абсолютные и вечные истины” [5, с. 15], что и составило основу философских разногласий Ленина и Богданова.

В обсуждаемой брошюре [5] А.А. Богданов подчеркивал необходимость разработки основ пролетарской культуры (и соответственно всех ее идеологических компонентов — социальных норм и права, морали и нравственности, познания, включая все направления науки, религии, искусства); здесь выдвигалась цель подготовки образованных лидеров социалистического рабочего движения, которые могли бы осознанно решать текущие социально важные политические задачи. Для таких будущих лидеров нужна новая “Энциклопедия” знаний (по аналогии с “Энциклопедией”, подготовившей французскую буржуазную революцию конца XVIII в.), а также предлагалось организовать пролетарский университет, прообразом которого были пропагандистские школы для рабочих в Италии (1909–1911). Итогом размышлений ученого о вопросах пролетарской идеологии стала его книга “Наука об общественном сознании...” (1914) [8], завершенная автором в ноябре 1913 г. с опорой на “Тектологию” [6] и “Философию живого опыта” [7]. “Наука об общественном сознании”, или “идеологическая наука” (в отличие от идеологии как конкретном идеологическом учении), выстраивалась А.А. Богдановым на основе марксистского

закона о зависимости всех идеологий как проявлений общественного сознания, от способов общественного производства и присвоения. Базовым методом богдановской идеологической науки был выбран также марксистский метод “исторического анализа”. А.А. Богданов отмечает, что ему пришлось первому разрабатывать курс идеологической науки, систематизируя материал, так как он не нашел специальных руководств, учебников на эту тему [8, с. 261]. Вместе с тем он отмечал, что “эта наука имеет огромное значение в жизни и значение это постоянно возрастает” [Там же].

Каковы главные вопросы идеологической науки, с точки зрения А.А. Богданова? Эта наука, по его мнению, поможет понять, “что такое общественное сознание людей, откуда оно произошло, какие формы принимает, по каким законам изменяется, как развивалось оно в истории человечества, куда идет теперь это развитие?” [Там же]. Богданов отметил следующий недостаток марксистского учения об обществе: «Мало, однако, знать, что идеология произошла из производства, что она от него зависит и является “надстройкою” над ним, по выражению Маркса. Надо еще понять, точно и определенно, что она такое на деле, в самой жизни, т.е. выяснить ее практический смысл и значение. Относительно этого до сих пор существует большая неясность» [Там же, с. 262]. В книге приводятся примеры ошибочного понимания сути надстройки и ее связи с экономическим базисом, проявляющиеся в недооценке значимости идеологических явлений. Богданов пишет: “Идеология — не шпиль, не резная решетка, не золоченое украшение на здании общественного труда и хозяйства; она — его кровля, без которой оно не может существовать” [Там же]. Но более точной Богданов считал аналогию идеологии с головным мозгом в организме. Да, мозг и его развитие определяются другими органами организма, обеспечивающими его движение, но без него эти органы не действуют, становятся бесполезными. Идеология (познание в форме естественных и технических наук) возникла из производства, но именно эти науки, по мнению ученого, используются для управления современным производством, без них немислимы фабрики, железные дороги. Идеология — не просто некая надстройка над базисом, “идеология есть орудие организации общества, производства, классов и вообще всяких общественных сил или элементов, — орудие, без которого эта организация невозможна” [Там же].

В интересах студентов будущего “Пролетарского университета” автор выбрал вопросно-ответную форму (весь материал курса “упакован” в 338 вопросов—ответов). Содержание курса включало

введение и разделы, освещавшие зарождение и развитие форм идеологии на разных исторических этапах общественной жизни. Во введении можно найти определение и задачи идеологической науки, а также методологические принципы и конкретные методы исследования. Идеологическая наука определялась Богдановым как “наука об общественном сознании людей” [8]. Общественное сознание характеризует, “что, какими способами люди выражают и понимают”, или то общее, что представлено в индивидуальном сознании многих отдельных людей и что необходимо для их понимания в осуществлении совместной деятельности. Содержание общественного сознания иногда обозначают словом “идеология”, и по этой причине науку об общественном сознании Богданов и назвал идеологической наукой. Идеология в буквальном значении означает “науку об идеях”, другое обозначение общественного сознания, по Богданову, — “духовная культура”; она дополняет единую культуру общества, в которую Богданов включает также “материальную культуру” (технику, орудия труда, машины, экономические отношения — сферу производства).

Каковы функции идеологии? А.А. Богданов считал главной функцией идеологии — организационную функцию [8, с. 287]. Идеология (общественное сознание) объединяет действия разных людей, дает возможность соотносить их с прежним опытом, предупредить непонимание и противоречия. В ряде случаев обществу необходимо, напротив, противостоять враждебным действиям какой-либо группы, и это требует дезорганизации, разрушения представлений, преодоления единства противников, “организовать нападение и дезорганизовать неприятеля — две стороны одной практической задачи” [8, с. 290]. Организационные задачи идеологии, таким образом, могут быть разными, и поэтому термин “идеология” не должен отождествляться только с позитивной или негативной организацией/дезорганизацией общественных процессов, идей и пр. [8, с. 288]. Богданов отмечал, что выполнение идеологией своего назначения осуществляется людьми не всегда осознанно и оказывается в разной степени успешным. Если главная функция идеологии организационная, то важно определить в самом общем виде, что же для идеологии является *объектом организации*? Богданов отвечал так: “Очевидно, остальные области общественной жизни: *технический и экономический процесс*” [8, с. 291]¹. Он считал, что “бесплодно было бы изучать

¹ Современному читателю очевидно, что общественная жизнь далеко не исчерпывается сферой производства, но в данном высказывании автором выделено главное и опущены второстепенные детали. — *О.Н.*

идеологию, не изучая предварительно техническое и экономического развития общества” [Там же, с. 291].

К общеметодологическим принципам идеологической науки А.А. Богданов относил принцип причинности, социальную причинность, принцип приспособления. *Принцип причинности* важен для идеологической науки, поскольку явления идеологии толковались как факты реальности, которые, согласно критериям позитивных наук, должны исследоваться с точки зрения их причинных связей, а не рассматриваться как феномены лишь чьего-то произволения. Предполагалось, что выявление причинных связей между фактами общественной жизни позволит научно объяснить их актуальное состояние и предвидеть будущие изменения. Сущность *социальной причинности*, по Богданову, состоит в признании положения о том, что “причины всякого развития общественных форм лежат в области производства, трудовой борьбы общества с природой” [8, с. 283]. Принцип социальной причинности А.А. Богданов соотносил с марксистским термином “исторический материализм”, который Богданов не вполне устраивал из-за его преимущественной связи с философией, а именно использования понятия “материя”, не обладавшего, по его мнению, признаками, достаточными для эмпирического изучения даже природных явлений, а тем более общества; для Богданова же был важен *научный* характер методологического принципа познания идеологии [8, с. 287]. *Принцип приспособления*, по Богданову, применим к изучению живых организмов, человека и общества. Исходной точкой приспособления, по мнению ученого, являются “изменяющиеся отношения жизненных форм к их среде, в области этих отношений возникает движущая сила развития... Новые приспособления, порождая новые формы, могут вызывать необходимость и в других еще приспособлениях” [3, с. 50].

КАКОВЫ ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ?

А.А. Богданов считал, что здесь могут найти применение практически все методы позитивных наук (методы индукции и дедукции с их вариантами, метод описания частных случаев, их классификации, статистический метод и пр.) [8, с. 268–279], но в идеологической науке должен, по его мнению, преобладать *абстрактный метод*. Его суть состоит в упрощении фактов путем их разложения (анализа), при этом исследователь, изучая сложные факты, пытается устранить из них усложняющие условия, чтобы обнаружилась сама основа явления [8,

с. 274]. Богданов отмечал, что при изучении феноменов общественной жизни редко возможны точные эксперименты, поэтому приходится прибегать к приему “*мысленного отвлечения*”, имеющему отношение к абстрактному методу; суть приема заключается в том, что “...сравнивая разные наблюдения, стараются определить, в какую сторону изменяется характер явления, когда тот или иной из его признаков выступает в большей (степени. — *О.Н.*), в какую — когда он выступает в меньшей степени. Так находят *тенденцию*, связанную с усилением или ослаблением данного признака, и затем мысленно продолжают ее до конца, до наибольшего возможного развития признака или до полного его устранения” [8, с. 276]. Таким образом устанавливается закон, связанный с выбранным признаком. Пример: анализ связи распространения индивидуалистической идеологии в странах с разной степенью развития капиталистических отношений позволяет установить закон о большем проявлении индивидуализма идеологий в странах с большей развитостью товарного обмена и частной собственности.

Богданов выделял разделы идеологической науки, ориентированные на познание различных идеологических форм, таких как речь и ее компоненты, мышление и его типы, знания как продукты общественного познания, религия, наука, обычаи, мораль и нравственность, социальные нормы, право, искусство. Кроме того, фиксировались различия общественного сознания у представителей разных социальных групп (профессий, классов и пр.), т.е. признавалось множество вариантов профессиональных, групповых идеологий.

Предлагалось, кроме того, учитывать разную изменчивость идеологий во времени. Проводя исторический анализ, А.А. Богданов выделил четыре типа господствующих идеологий (или типа “культуры”): 1) эпоха первобытных культур; 2) эпоха культур авторитарных; 3) эпоха культур индивидуалистических; 4) эпоха культуры коллективистической. При изучении каждой такой эпохи, или “идеологического периода”, автор рекомендовал придерживаться следующего порядка: “...сначала определить технические условия жизни общества в данную эпоху; затем изучать идеологические формы, как их выражение и в то же время как организующие их приспособления” [8, с. 294].

Что же удалось сделать А.А. Богданову в исследовании идеологий? В его авторском курсе “Наука об общественном сознании” представлена каждая из указанных выше эпох с точки зрения достигнутого уровня техники, технологии в противостоянии общества с природой. И далее на этой основе для

каждой эпохи указаны свойственные ей особенности идеологических форм (особенности речи как знакового организационного орудия фиксации и передачи в обществе полезного знания, опыта; обычаев, норм, понимания взаимосвязи явлений действительности в мировоззрении, верований, религий, науки и искусства). Эпоха коллективистической культуры была рассмотрена при этом как проект будущего общественного развития, ростки которого складывались в условиях машинного капитализма.

Развивая представления об общих закономерностях жизнедеятельности общества, установленные классиками марксизма, А.А. Богданов разработал теорию “трудовой типологии культуры”. Центральная идея этой теории состояла в том, что мышление человека как члена сообщества и представителя определенной исторической эпохи, являясь приспособительным механизмом, формируется и проявляется по-разному — в зависимости от своеобразия условий среды существования субъекта жизнедеятельности, а также от содержания и способов самой жизнедеятельности [2–3; 5; 8]. Так, в патриархальном и феодальном обществе с четким разделением ролей организаторов и исполнителей в условиях обязательного принудительного труда формируется авторитарный тип мышления, авторитарная идеология. С развитием рыночных отношений при капитализме выделяются отдельные, относительно автономные производители, противостоящие стихии рынка; технологии здесь обновляются быстрее, производителям нужны гибкость и пластичность, а не консерватизм; человек начинает выделять себя как индивидуальность, личность, порождаются индивидуалистические типы мышления и взаимодействия, правда, в условиях анархии. И наконец по мере развития машинного капиталистического производства складываются производственные отношения, требующие интеграции и взаимозаменяемости усилий многих работников. В картине мира, социальных нормах, мыслительных стратегиях оказывается все более востребованным гибкое, пластичное мышление человека с установками коллективиста [2; 5; 8]. Еще в работе “Авторитарное мышление” (1903) (цит. по: [2]) А.А. Богданов показал, как авторитарные производственные отношения закономерно порождали в истории общества религиозные учения. Он отмечал также, что в каждый исторический момент в изучаемом обществе могут воспроизводиться в разном сочетании с разной интенсивностью специфичные способы производства и производственные отношения людей, которые будут закономерно воспроизводить соответствующие им аналоги форм общественного сознания, типы

мышления, идеологии. Показав закономерный процесс порождения религиозного отношения к действительности в условиях авторитарных производственных отношений патриархального и феодального общества, Богданов дает позитивную оценку религии как эффективному регулятору общественной жизни на определенном этапе ее истории. Это положение поддерживалось и развивалось А.В. Луначарским в его концепции “богостроительства”.

Для историков психологии особое значение, на наш взгляд, могут иметь идеи А.А. Богданова, освещавшие проблему происхождения речи и мышления. Эти вопросы нельзя обойти, рассматривая процесс выделения человека из мира животных, изучая человека как индивидуального субъекта жизнедеятельности в системе его взаимосвязей с другими людьми. Речь зародилась, по Богданову, как организационное орудие, обеспечивающее понимание людьми взаимодействия в коллективном трудовом процессе. При этом Богданов использовал теорию Людвигу Нуарэ [26], исследовавшего происхождение языка и высказавшего предположение о трудовых гортанных звуках, криках, которые ассоциативно связывались древними людьми с соответствующими им движениями, орудиями, обрабатываемым материалом; эти идеи обстоятельно обсуждались Богдановым в первой главе его книги “Падение великого фетишизма... “ (1910) [4]. Кроме того, Богданов ссылаясь (см. [5, с. 3]) на работы Макса Мюллера (“Наука об языке”, “Наука о мысли”), изданные на русском языке. Речь понималась Богдановым как древнейший и первоначальный элемент духовной культуры; мышление рассматривалось им по своей природе как внутренняя речь; последняя понималась по аналогии с внешней речью также как процесс социальный, хотя он протекает в сознании отдельной личности. Богданов предлагал такую формулу: “Обсуждение есть совместное мышление, мышление — обсуждение без собеседников” [8, с. 302]. “Тождество речи и мышления обнаруживает всецело социальный характер духовной культуры, которая не может существовать без ее внешнего выражения в человеческом коллективе, и которая поэтому справедливо называется общественным сознанием людей” [Там же]. Слова выступают в роли символов, знаковых орудий передачи ассоциативно связанного с символом содержания опыта, его общезначимых значений. Итак, по Богданову, “речь произошла из общественного труда, мышление — из речи, и, таким образом, вся духовная культура произошла из технического процесса, из материальной культуры или, другими словами, общественное сознание — из производства” [8, с. 303]. Отсюда логично

выстраивалось понимание взаимосвязи индивидуального и общественного сознания при изучении филогенеза речи и мышления, положение об орудийной, организационной функции речи и ее первоначальном социальном происхождении в истории развития общества.

Работы А.А. Богданова (в частности, его итоговые книги, такие как “Наука об общественном сознании”) могли, на наш взгляд, оказать влияние на эволюцию научных идей Л.С. Выготского в его исканиях возможности применения марксистской философии и социологии в психологических исследованиях, в формировании замысла “культурно-исторической теории развития психики”. Но ссылок на труды А.А. Богданова мы не найдем в публикациях Л.С. Выготского, ибо Богданов был постоянно объектом критики — в качестве махиста, еретика от марксизма в 1909 г. [14; 16]; критиковалась его деятельность в качестве одного из основателей и руководителей “Пролеткульта” в 1920 г. [21]; такого рода ссылки стали небезопасными после ареста Богданова в 1923 г.; была развернута борьба с “богдановщиной” как “механистическим” течением в философии, экономике, НОТовском движении.

ВЫВОДЫ

1. В современной литературе имеют место противоречивые суждения о сущности идеологии, ее предметных форм и вариантах наук о мире явлений духовной культуры.

2. Вопросы идеологии в целом и ее психологические аспекты разрабатываются в рамках отечественной макропсихологии, затрагивающей острейшие проблемы общественной жизни России. Для современной психологической науки и истории психологии может быть полезным историко-научный анализ трактовки идеологической науки как науки об общественном сознании в работах А.А. Богданова как ученого, творчески развивавшего марксистские традиции в обществоведении при их согласовании с методологическими критериями позитивной науки.

3. Согласно А. Богданову, идеология — необходимая и неустранимая составляющая общественной жизни, продукт и организационный инструмент общественного сознания, может оказывать прогрессивное и/или регрессивное влияние на общество, имеет особые по форме и содержанию характеристики на начальных и продвинутых этапах исторического развития общества. Идеология во всех ее проявлениях может и должна стать

предметом научного изучения и объектом осознанного воздействия.

4. Философское и психологическое наследие А.А. Богданова заслуживает специального историко-психологического исследования как возможная существенная, но пока недостаточно изученная страница в истории становления отечественной марксистской психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и ред. М.В. Локтионов, Б.И. Пружинин. М.: РОССПЭН; Политическая энциклопедия, 2021. 290 с.
2. Богданов А.А. Авторитарное мышление // Из психологии общества: Сб. статей. М., 1904. С. 110–183.
3. Богданов А.А. Из психологии общества: Сб. статей. СПб., 1906.
4. Богданов А.А. Падение великого фетишизма (Современный кризис идеологии). Вера и наука. СПб., 1910. 223 с.
5. Богданов А.А. Культурные задачи нашего времени. СПб., 1911. 92 с.
6. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). Ч. 1. СПб., 1913; Ч. 2. М., 1917; Ч. 1, Ч. 2, Ч. 3. Берлин-Пг.; М., 1922.
7. Богданов А.А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего. СПб., 1913.
8. Богданов А.А. Наука об общественном сознании: Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах (1914 г.) // Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1999. С. 260–470.
9. Грицанов А.А. Идеология // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 256–257.
10. Журавлев А.Л., Юревич А.В. (ред.). Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009.
11. Келле В.Ж. Идеология // Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 199–201.
12. Кольцова В.А. Дефицит духовности и нравственности в современном российском обществе // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 4. С. 92–94.
13. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Новосибирск: Норматика, 2021. 48 с.

14. *Коргунюк Ю.Г.* “Материализм и эмпириокритицизм” и его критики // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 27–38.
15. Красный Гамлет. Опыт коллективного анализа творческого наследия Александра Богданова // Вестник Российской академии наук. 1994. Т. 64. № 8. С. 738–752.
16. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии (1909 г.) // В.И. Ленин. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1961. Т. XVIII. С. 7–384.
17. *Локтионов М.В.* А.А. Богданов как основоположник общей теории систем // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и ред. М.В. Локтионов и др. М.: РОССПЭН; Политическая энциклопедия, 2021. С. 168–179.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч.: В 30 т. Т. 3. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955.
19. *Носкова О.Г.* История психологии труда в России (1917–1957) / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
20. *Носкова О.Г.* А.А. Богданов и психологическая наука // Вступ. статья к книге: Богданов А.А. Познание с исторической точки зрения. М.: МПСИ; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 1999. С. 6–38.
21. *Пилюгина М.А., Сидорин В.В.* Пролетарская культура как концепция и политическая программа А. Богданова: замысел, критика, реализация // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и ред. М.В. Локтионов и др. М.: РОССПЭН; Политическая энциклопедия, 2021. С. 221–230.
22. *Рыбас А.Е.* Актуальность философии эмпириомонизма // Александр Александрович Богданов. Философия России первой половины XX века / Сост. и ред. М.В. Локтионов и др. М.: РОССПЭН; Политическая энциклопедия, 2021. С. 49–68.
23. *Садовский В.Н.* Эмпириомонизм А.А. Богданова: забытая глава философии науки // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 50–63.
24. *Юревич А.В.* Нравственное состояние современного российского общества // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 107–117.
25. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Поиск национальной идеи как психологическая проблема: размышления над текстами // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 93–104.
26. *Noire L.* Der Ursprung der Sprache. Mainz, 1877.

IDEOLOGY AS A SUBJECT OF RESEARCH IN THE WORKS OF ALEXANDER BOGDANOV (TO THE 150TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

O. G. Noskova

*Lomonosov Moscow State University;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 11/9, Russia.
ScD (Psychology), Professor of Faculty of Psychology.
E-mail: nog4813@mail.ru*

Received 29.09.2022

Abstract. The article discusses debatable issues of ideology, the relevance of their discussion not only for social science, but also for modern psychology. The ultimate goal of the author is to carry out a historical and psychological reconstruction of the doctrine of ideology in the work of A.A. Bogdanov (Malinovsky) (1873–1928). The focus is on Bogdanov’s concept of ideology as part of the culture of society, its forms, phenomena, genesis, functions, variability, research method, possibilities of influence and prediction, which are considered from the standpoint of “General organizational science — tectology” and “philosophy of living experience”. The views of A. Bogdanov can be useful not only to modern representatives of many social sciences, but, first of all, to social psychologists studying macropsychological problems, specialists in the field of historical psychology, as well as historians of Russian psychology at the beginning of the 20th century.

Keywords: history of psychology, ideology, culture, social consciousness, research method, labor typology of culture, custom, norms, morality, law, art, religion, science.

REFERENCES

1. Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov. *Filosofiya Rossii pervoy poloviny XX veka*. Sost. i red. M.V. Loktionov, B.I. Pruzhinin. Moscow: ROSSPEN; Politicheskaya entsiklopediya, 2021. 290 p. (In Russian)
2. *Bogdanov A.A. Avtoritarnoye myshleniye*. A.A. Bogdanov "Iz psikhologii obshchestva". Moscow, 1904. P. 110–183. (In Russian)
3. *Bogdanov A.A. Iz psikhologii obshchestva*. Sb. statey. Saint Peterburg, 1906. (In Russian)
4. *Bogdanov A.A. Padeniye velikogo fetishizma (Sovremennyy krizis ideologii)*. Vera i nauka. Saint Peterburg, 1910. 223 p. (In Russian)
5. *Bogdanov A.A. Kul'turnyye zadachi nashogo vremeni*. Saint Peterburg, 1911. 92 p. (In Russian)
6. *Bogdanov A.A. Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya)*. Ch. 1, Saint Peterburg, 1913. Ch. 2, Moscow, 1917; Ch. 1, Ch. 2, Ch. 3, Berlin; Petrograd; Moscow, 1922. (In Russian)
7. *Bogdanov A.A. Filosofiya zhivogo opyta*. Populyarnyye ocherki. Materializm, empiriokrititsizm, dialekticheskiy materializm, empiriomonizm, nauka budushchego. Saint Peterburg, 1913. (In Russian)
8. *Bogdanov A.A. Nauka ob obshchestvennom soznanii: Kratkiy kurs ideologicheskoy nauki v voprosakh i otvetakh*. Bogdanov A.A. Poznaniye s istoricheskoy tochki zreniya. Izbrannyye psikhologicheskkiye trudy. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO "MODEK", 1999. P. 260–470. (In Russian)
9. *Gritsanov A.A. Ideologiya. Noveyshiy filosofskiy slovar'*. Sost. A.A. Gritsanov. Minsk: Izd-vo V.M. Skakun, 1998. P. 256–257. (In Russian)
10. *Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. (red.). Makropsikhologiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva*. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2009. (In Russian)
11. *Kelle V.Zh. Ideologiya. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Gl. red. L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseyev i dr. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. P. 199–201. (In Russian)
12. *Kol'tsova V.A. Defitsit dukhovnosti i нравственности v sovremennom rossiyskom obshchestve*. Psikhologicheskii zhurnal. 2009. V. 30. № 4. P. 92–94. (In Russian)
13. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Gimn Rossiyskoy Federatsii*. Novosibirsk: Normatika, 2021. 48 p. (In Russian)
14. *Korgunyyuk Yu.G. "Materializm i empiriokrititsizm" i yego kritiki*. Voprosy filosofii, 1991. № 12. P. 27–38. (In Russian)
15. *Krasnyy Gamlet. Opyt kollektivnogo analiza tvorcheskogo naslediya Aleksandra Bogdanova*. Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk. 1994. V. 64. № 8. P. 738–752. (In Russian)
16. *Lenin V.I. Materializm i empiriokrititsizm. Kriticheskiye zametki ob odnoy reaktsionnoy filosofii (1908 g.)*. Poln. sobr. soch. 5 izd. Moscow, 1961. V. XVIII. P. 7–384. (In Russian)
17. *Loktionov M.V. A.A. Bogdanov kak osnovopolozhnik obshchey teorii sistem // Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov. Filosofiya Rossii pervoy poloviny XX veka*. Sost. i red. M.V. Loktionov i dr. Moscow: ROSSPEN; Politicheskaya entsiklopediya, 2021. P. 168–179. (In Russian)
18. *Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya*. K. Marks, F. Engel's. Sochineniya: v 30 v. V. 3. 2-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1955. (In Russian)
19. *Noskova O.G. Istoriya psikhologii truda v Rossii (1917–1957 gg.)*. Ed. Ye.A. Klimov. Moscow: Izd-vo Mosk. unta, 1997. (In Russian)
20. *Noskova O.G. A.A. Bogdanov i psikhologicheskaya nauka*. Vstupit. stat'ya k kn.: Bogdanov A.A. Poznaniye s istoricheskoy tochki zreniya. Moscow: MPSI; Voronezh: NPO "MODEK", 1999. P. 6–38. (In Russian)
21. *Pilyugina M.A., Sidorin V.V. Proletarskaya kul'tura kak kontseptsiya i politicheskaya programma A. Bogdanova: zamysel, kritika, realizatsiya*. Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov. Filosofiya Rossii pervoy poloviny XX veka. Sost. i red. M.V. Loktionov i dr. Moscow: ROSSPEN; Politicheskaya entsiklopediya, 2021. P. 221–230. (In Russian)
22. *Rybas A.Ye. Aktual'nost' filosofii empiriomonizma // Aleksandr Aleksandrovich Bogdanov. Filosofiya Rossii pervoy poloviny XX veka*. Sost. i red. M.V. Loktionov i dr. Moscow: ROSSPEN; Politicheskaya entsiklopediya, 2021. P. 49–68. (In Russian)
23. *Sadovskiy V.N. Empiriomonizm A.A. Bogdanova: zabytaya glava filosofii nauki*. Voprosy filosofii. 1995. № 8. P. 50–63. (In Russian)
24. *Yurevich A.V. Nравственное состояние современного rossiyskogo obshchestva*. Psikhologicheskii zhurnal. 2009. V. 30. № 3. P. 107–117. (In Russian)
25. *Yurevich A.V., Zhuravlev A.L. Poisk natsional'noy idei kak psikhologicheskaya problema: razmyshleniya nad tekstami*. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 4. P. 93–104. (In Russian)
26. *Noire L. Der Ursprung der Sprache*. Mainz, 1877.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.019

**ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ
В.Н. МЯСИЩЕВА (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

© 2023 г. Э. Б. Карпова^{1,*}, Г. Л. Исурина^{1,**}, А. Л. Журавлев^{2,***}

¹Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.

²ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций.

E-mail: e.karпова@spbu.ru

**Кандидат психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии.

E-mail g.isurina@spbu.ru

***Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.

E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 04.07.2023

Аннотация. Статья приурочена к 130-летию со дня рождения В.Н. Мясищева, выдающегося российского ученого, внесшего огромный вклад в развитие отечественной психологической науки, а также в становление и развитие медицинской (клинической) психологии, неврологии и психотерапии. Созданная им психология отношений, имеющая общепсихологическое значение, послужила методологической основой для разработки патогенетической концепции неврозов и психотерапии, которые образуют концептуальное единство, уникальное для отечественной науки. Рассматривается становление научных взглядов В.Н. Мясищева под влиянием его учителей — В.М. Бехтерева и А.Ф. Лазурского; его вклад в развитие научно-психологической категории “отношение” как психического образования; основные направления его научно-практической деятельности, теснейшим образом связанные с концепцией психологии отношений, в частности развитие представлений о природе невротических расстройств как болезни личности и разработка психотерапевтической системы, опирающейся на детальное изучение личности и направленной на изменение ее отношений. Разработанная В.Н. Мясищевым общепсихологическая теория — психология отношений — является жизнестойкой и плодотворной.

Ключевые слова: история психологии, В.Н. Мясищев, Психоневрологический институт, психология отношений, категория “отношение”, личность, неврозы, психогения, патогенетическая концепция неврозов, патогенетическая система психотерапии.

DOI: 10.31857/S020595920027090-5

В.Н. Мясищев — выдающийся деятель отечественной науки, внесший огромный вклад в развитие отечественной психологии, а также в становление и развитие медицинской (клинической) психологии, неврологии и психотерапии.

Его роль в развитии отечественной психологической науки в целом определяется прежде всего созданной им психологической концепцией отношений. Отмечая важное, первостепенное значение Мясищева в разработке проблемы отношений, большинство авторов [18; 23; 28; 41; 42; 45] рассматривают развитие этих идей в рамках психологии личности. На общепсихологическое значение концепции Мясищева, на высокий уровень обобщенности его

воззрений обратили внимание Ф.Е. Василюк [7], Е.В. Левченко [27], Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова [12]. Мясищев создал концепцию “уровня новой психологии” [27], в основе которой лежит категория “отношение” как единица анализа психического в целом: “Существеннейшая роль понятия отношения не только как философской, но и научно-психологической категории как психического образования неоднократно указывалась мною” [37, с. 9].

Научное наследие Мясищева нелегко поддается анализу и систематизации [21]. Формулируемые им научные взгляды в разные периоды жизни корректируются в поле идеологически обусловленных и принятых в научном сообществе норм. Он был

не только вынужден трансформировать собственные высказывания в соответствии с меняющимися идеологическими требованиями, но и пытался “оправдать недостатки” в освещении проблемы отношения у своих учителей отсутствием у них соответствующей методологической базы — марксистско-ленинского метода [34]. Однако, невзирая на защитные меры, ученый подвергся резкой критике в начале 1950-х годов, что сказалось в публикациях последующих лет. Сам он позже так описывает расхождения в собственных взглядах: “Ошибки в научных концепциях зависят от недоразвития и от давления, оказываемого на научную мысль социальными, классовыми условиями общества. Чем более вопросы касаются социальных проблем и личности человека, тем в большей степени возрастает это давление” [36, с. 64]. Возможно, этим можно объяснить, что важнейшие для психологической науки идеи Мясищева представлены разрозненно в более 300 работах “малых форм” и требуют внимательного и вдумчивого анализа.

ВЛИЯНИЕ УЧИТЕЛЕЙ В.Н. МЯСИЩЕВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЕГО НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ

Практически вся научная жизнь Мясищева была связана с Психоневрологическим институтом. Девятнадцатилетним юношей он поступил в него учиться, в 1921 г., по приглашению В.М. Бехтерева, начал в нем работать, с 1933 г. руководил клиникой неврозов и пограничных состояний и отделением экспериментальной психоневрологии, с 1939 по 1960 г. являлся его директором, а с 1961 г. — заместителем директора по научной работе. Подробно биография ученого изложена в статьях М.А. Акименко, Л.И. Вассермана и В.А. Журавеля, Б.Д. Карвасарского, посвященных этой теме [2; 8; 19].

На научное мировоззрение Мясищева оказывали влияние его выдающиеся учителя — В.М. Бехтерев и А.Ф. Лазурский, заложившие фундамент психологии в России, становление которой на границе XIX и XX вв. происходило в едином поле развития этой дисциплины в странах Европы и США, а также философские воззрения С.Л. Франка и других отечественных и зарубежных ученых.

Этот период развития психологии характеризовался прежде всего фокусированием внимания на экспериментальных исследованиях по аналогии с естественными науками. Во многих странах были созданы психологические лаборатории, основное

направление деятельности которых состояло в экспериментально-психологическом исследовании пациентов с нервно-психическими заболеваниями. Основатель отечественной медицинской психологии В.М. Бехтерев организовал в 1885 г. в Казани вторую в Европе экспериментально-психофизиологическую лабораторию (первой была лаборатория, созданная В. Вундтом в 1879 г. в Лейпциге). Позднее Бехтерев организовал в Санкт-Петербурге лабораторию для исследования нервных и душевных больных. В конце XIX — начале XX в. появились психологические лаборатории и в других городах Российской империи.

Важнейшей вехой в развитии психологии и других гуманитарных наук явилось создание В.М. Бехтеревым в 1907 г. Психоневрологического института. Введенный в 1904 г. в научный оборот термин “психоневрология” понимался им как комплекс наук о работе мозга человека и его поведении: анатомия и физиология нервной системы, невропатология, психиатрия, психогигиена, психотехника, педология. Однако, подчеркивая синтез различных наук, позволявший всесторонне и полно (объемно) изучать личность — здоровую и больную — на разных этапах ее развития, главенствующее место среди этих дисциплин он отводил психологии.

Психоневрологический институт — учреждение не только научно-исследовательское, но и образовательное, — который виделся Бехтеревым как институт по всестороннему изучению человека, с первых дней работы притягивал к себе самых ярких современников, таких ученых, как А.Ф. Лазурский, В.А. Вагнер, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский и многие другие.

А.Ф. Лазурский становится деканом основного факультета института и руководителем основанной Бехтеревым психологической лаборатории. Ученик и последователь В.М. Бехтерева А.Ф. Лазурский был одним из основателей *целостной науки о человеке* и основоположником индивидуальной психологии, которую понимал как *науку о личности*. В первой в России психологической лаборатории, организованной им для изучения личности, были проведены исследования в соответствии с “Программой исследования личности” и “Очерком науки о характерах”, опубликованными соответственно в 1904 и 1906 гг. [24; 25]. В этих работах в центре внимания автора находится внутренняя индивидуально-типологическая основа личности. Единицей анализа здесь выступают *наклонности*, которые есть устойчиво воспроизводящиеся особенности душевной жизни, наделенные рядом отличительных характеристик. Совокупность типичных для человека наклонностей в их

сложном взаимосочетании составляет характер и позволяет, с точки зрения Лазурского, классифицировать людей по его типам. Но с 1912 г. он все больше отмечает значимость “превращения сравнительно узкой, односторонней классификации характеров в гораздо более широкую по своим задачам классификацию личностей”, которая должна быть “не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле этого слова” [26, с. 8]. Однако книга “Классификация личностей” вышла в свет уже после смерти автора.

Подготовили к публикации эту работу его ученики М.Я. Басов и В.Н. Мясищев. В книге даются определения понятий “эндопсихики”, понимаемой как основа личности, ее ядро, которое отражается (с разной степенью выраженности) в другой стороне психики — “экзопсихике”. Содержание “экзопсихических” проявлений определяется *отношением* личности к среде в самом широком ее смысле. Под средой при этом понимается все, что противостоит личности и “к чему личность может относиться”. Книга завершается подробным описанием классификации различных личностных типов, особый интерес в которой вызывают положенные в ее основу критерии.

Участие в подготовке этой монографии оказало огромное влияние на научные интересы и воззрения обоих молодых ученых. М.Я. Басов развил эти идеи о психическом как активном целом, раздвинув границы психического — от внутренних сил, направляющих поведение, до психологически истолкованной среды. При этом М.Я. Басов понимает среду как категорию, противопоставляемую объективной действительности. Среда, по его словам, — это объективная действительность в ее отношении к организму. Таким образом, в концепции М.Я. Басова в качестве сущностной основы психического выделяются *взаимоотношения организма и среды* [4; 5]. Он вводит новую категорию — *деятельность*, — которая представляет, по мнению автора, особую структуру, состоящую из отдельных актов и механизмов, связи между которыми регулируются целью, определяемой субъектом. За всеми актами и механизмами деятельности стоит, по его мнению, *субъект*, и, решая вопрос взаимодействия “человек—среда”, М.Я. Басов отвечает на него с определенностью, видя в человеке “деятели в среде” [6, с. 337], действительно проникающего в среду и овладевающего ею посредством ее действительного познания. При этом, акцентируя внимание на тонкой и глубокой, по его мнению, метафоре, данной Лазурским, о “торфяном” характере души, автор подчеркивает участие в регуляторной

функции психики и самых древних ее пластов — инстинктов.

Ранняя смерть М.Я. Басова в 1931 г. прервала развитие этого направления в психологии отношений, потенциалы которого не исчерпаны до сих пор.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В.Н. МЯСИЩЕВА

В.Н. Мясищев после почти 10-летнего рефлексологического периода работы под руководством Бехтерева в конце 1920-х годов также фокусируется на субъектности взаимодействия человека со средой, субъектом этого взаимодействия определяя личность: “...личность изучается не изолированно, а в неразрывном соотношении с окружающей средой. Личность рассматривается не как конгломерат разрозненных психических элементов, а как целостно-реагирующий организм, исследуемый не в поперечном разрезе своего существования, а в генетически-динамическом плане, как результат всего прижизненного опыта” [31, с. 103–104].

С середины 1930-х годов появляются первые статьи Мясищева, в которых он формирует свои научные представления о психологическом отношении как фундаментальной категории при анализе психики. В дальнейшем он на протяжении всей своей научной жизни разрабатывал свою концепцию, стремясь к интеграции различных воплощений идеи отношения, принадлежащих своим учителям, предшественникам и современникам, но не объединял, а развивал и преобразовывал их подходы.

В многочисленных работах ученого, часто носящих прикладной характер и, казалось бы, не относящихся к проблемам общей психологии, просматривается ядро его системы взглядов — представление об отношении и методологический подход, определяемый понятием отношения.

Однако, несмотря на изменения своих высказываний в разные исторические периоды, оставаясь верным на протяжении всей жизни ядру своих воззрений, В.Н. Мясищев не был “кабинетным” ученым. Он с первых лет профессионального пути принимал активное участие не только в создании пространства научного дискурса, в дискуссиях, совещаниях, конференциях и съездах, где обсуждались насущные психологические проблемы и определялась направленность развития отечественной психологии, но и в организации и руководстве

различных психологических структур, таких как Институт мозга [29], Государственный институт научной педагогики и психологический отдел Педологического института, Педолого-психологическая станция [13], Государственный институт медицинских знаний [8], кафедра психологии Ленинградского государственного университета.

Трудно переоценить роль Мясищева в становлении и развитии медицинской психологии как прикладной науки. Он возродил отдел медицинской психологии в Психоневрологическом институте, будучи его директором, а в 1966 г. при его непосредственном участии была создана лаборатория клинической психологии как самостоятельная структура. В лаборатории проводилась большая работа по адаптации зарубежных психологических методик и разработке новых психодиагностических тестовых инструментов, неизменно подчеркивая при этом приоритет клинико-психологического метода в психологии.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.Н. МЯСИЩЕВА

В.Н. Мясищев — первый в нашей стране (а, возможно, и единственный) создатель психологической концепции происхождения невротических расстройств — *патогенетической концепции неврозов* [35]. Практически все персонологи, создававшие собственные концепции личности, не обошли вниманием и проблему невротических расстройств, поскольку развитие представлений о личности закономерно приводит к формированию представлений о ее неблагополучии и нарушениях.

Концепция неврозов В.Н. Мясищева — это уникальная система научных представлений в отечественной неврологии, характеризующаяся психологической направленностью [33; 36; 39]. Безусловно, при создании авторской концепции В.Н. Мясищев опирался не только на психологию отношений и собственный клинический опыт, но и на уже существовавшие различные подходы к пониманию природы невротических расстройств. В.Н. Мясищев был не просто хорошо знаком с зарубежной литературой по этой проблеме, но и использовал отдельные компоненты методологии исследования личности зарубежных авторов. Так, говоря о системных неврозах, В.Н. Мясищев трактовал их фактически близко к концепции Адлера о “комплексе неполноценности органов” и “выборе симптомов” вследствие охватившего личность экзистенциального кризиса [1].

Несомненно, В.Н. Мясищев разделял и классические психоаналитические представления о проблемах психосоматических расстройств и неврозов, такие как теории “символического языка органов” Вейса, “специфического эмоционального конфликта” Александра, “профилей личности” Данбар, концепции гуманистической психологии Маслоу, Роджерса и др. Тем не менее его научные представления о неврозах, безусловно, являются самостоятельной оригинальной теорией, опирающейся на соответствующую психологическую парадигму.

В настоящее время общепризнанной является *биопсихосоциальная модель* заболевания. Психологический фактор декларируется при этом как участвующий в этиопатогенезе многих болезней. Однако даже в происхождении невротических расстройств роль психологического фактора многими авторами рассматривается лишь как запускающая или провоцирующая манифестацию симптоматики. В.Н. Мясищев не просто рассматривал невроз как заболевание, в этиопатогенезе которого ведущая роль принадлежит психологическому фактору, но разработал концепцию невротического расстройства как психогенного заболевания. К понятию “психогенные заболевания”, или “*психогении*”, которое было введено К. Зоммером в 1894 г., обращались многие выдающиеся психиатры. Так, К. Ясперс подчеркивал связь психогенного заболевания прежде всего с психотравмирующей ситуацией и в качестве психологических критериев психогении выделял возникновение симптоматики вслед за психической травмой, связь течения заболевания с травмирующим переживанием, содержательную связь характера психической травмы и симптоматики, редукцию симптоматики при исчезновении психотравмирующей ситуации [46]. Э. Кречмер, развивая представления Ясперса о связи психической травмы с психогенным заболеванием, писал, что психогения возникает в ответ только на такую психическую травму, которая затрагивает важные для человека отношения, зависящие от особенностей его характера [22]. В.Н. Мясищев, по сути, завершил “психогенную триаду”, включив в нее феномен личности. Для него невроз — это заболевание, в этиопатогенезе которого лежит психологически понятная содержательная связь между *ситуацией, личностью и болезнью* [35, с. 264–267]. Учитывая высокую степень “физиологизации” психологии, которая была характерна для тех лет, такой подход для отечественной неврологии был и новаторским, и смелым.

Ряд авторов до сих пор, признавая важную роль психологического фактора в развитии невроза,

понимают этот фактор весьма ограниченно, в частности как реакцию организма на психологическую травму или стресс, где симптом формируется как патологическая реакция наиболее уязвимой системы или органа по принципу “места наименьшего сопротивления”, т.е. невротический симптом не имеет специфического психологического содержания, а является следствием повышенной нагрузки на организм, в частности эмоциональной. Согласно концепции В.Н. Мясищева, при неврозах прослеживается содержательно понятная психологическая связь между ситуацией, личностью и болезнью, а сам симптом представляет собой патологическую фиксацию аффективной реакции, в которой находят выражение основные потребности и стремления личности, наиболее значимые ее отношения. Очевидно, что В.Н. Мясищев разделял взгляды психоаналитиков на “символическое” значение невротической симптоматики, наполняя это понятие своим содержанием.

Безусловно, понимание более глубокого “личностного смысла” невротического симптома невозможно без опоры на определенную личностную теорию, другими словами, без собственного подхода к пониманию личности рассматривать невроз как личностное расстройство невозможно. И такое понимание у В.Н. Мясищева есть — это его *психология отношений*. Второй важный компонент в категории психогенного — это ситуация. Но для В.Н. Мясищева психотравмирующая ситуация не является первопричиной развития нарушения. Она также не является некой сугубо внешней причиной. Ситуация становится патогенной, психотравмирующей именно для определенного, конкретного человека с его отношениями, установками, потребностями, историей жизни.

В настоящее время и в литературе, и в своей практической работе психологи часто используют термин “психическая травма”, понимая под ним различные события и обстоятельства, с которыми сталкиваются многие люди. Однако, с точки зрения В.Н. Мясищева, эти события приобретают характер “травмы” только в том случае, если накладываются на определенные особенности личности, особенности системы отношений и историю ее развития.

В.Н. Мясищев понимал невроз как результат нарушения системы отношений человека, но эти нарушения не столько возникают под действием психотравмирующей ситуации, сколько связаны с *историей развития личности*, именно эта история превращает обычную жизненную ситуацию (пусть и непростую) в психотравмирующую.

В отделении неврозов и психотерапии Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, созданного и руководимого В.Н. Мясищевым многие годы, практическая работа в области диагностики и терапии невротических расстройств, а также научные исследования в этой сфере основывались и основываются в настоящее время именно на этих методологических подходах [16]. Существующий в этом отделении подход к диагностике невротических расстройств, наряду с негативной диагностикой (исключение органической основы симптоматики), уделяет огромное внимание позитивной диагностике (выявлению психогенной природы заболевания), предполагает тщательное изучение личности пациента, особенностей формирования его системы отношений и специфики ее нарушений. В.Н. Мясищев говорил по этому поводу, что врач-психотерапевт и медицинский психолог должны попытаться понять жизнь больного и личностный смысл его болезни [35, с. 321]. Здесь уместно вспомнить статью В.Н. Мясищева “Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза)”, вышедшую еще в 1930 г., где процесс формирования характера рассматривался в контексте “скрытых причин поведения человека”, влияния социальных, бытовых, педагогических, эмоциональных условий развития и значимых жизненных событий [32]. Практически каждое выступление Владимира Николаевича на клинических разборах, где он на основании беседы с пациентом и информации от врача говорил о своем видении истории жизни пациента, “скрытых причинах его поведения” и “личностном смысле его болезни”, могло бы быть основой для подобной публикации.

Именно этим пристальным вниманием к внутреннему миру пациента и формированию его личности было обусловлено активное привлечение по инициативе В.Н. Мясищева к работе в отделении в 1960-х годах психологов с университетским образованием, которые совместно с врачами участвовали в диагностическом процессе, используя в своей работе не только психодиагностический, но и клиничко-психологический методы. Привлекая к работе в отделении психологов, Мясищев также считал, что каждый врач независимо от специальности должен быть “психологом и психотерапевтом” [40].

Система патогенетической психотерапии, разработанная В.Н. Мясищевым, также является единственной отечественной психотерапевтической системой, имеющей в своей основе концепцию психологического происхождения невротических расстройств, что является отличительной чертой научно обоснованного психотерапевтического

направления. Наличие этих двух концепций позволило разработать как теоретические основы психотерапии (представления о психическом здоровье и психологическом благополучии, представления о природе нарушений и возможности изменений, целях и задачах вмешательства, механизмах лечебного действия), так и содержательно определить ее практическое применение (конкретные этапы психотерапии, тактика психотерапевта, методические приемы, интенсивность и продолжительность и т.д.). [38]. Так же, как и концепция неврозов, психотерапевтическая система Мясищева отражает его особое внимание к человеческой личности. С точки зрения В.Н. Мясищева, “развитие и разработка теории психотерапии должны опираться на психологические особенности человека и должны освещать психогенные заболевания как болезнь личности, должны исходить из понятия личности и ее способов реагировать на условия действительности в форме переживаний, действий и поступков” [40, с. 114–115]. И далее: “Метод психотерапии заключается в детальном изучении развития личности больного, его переживаний и лежащих в основе их нарушенных отношений в настоящем и прошлом, в анализе поведения больного” [Там же, с. 105]. Задачи этой психотерапевтической системы, сформулированные В.Н. Мясищевым и отражающие поэтапный характер психотерапевтического процесса, не просто обуславливают необходимость вовлечения пациента в психотерапевтический процесс, но делают его активным исследователем своего внутреннего мира, своих отношений, конфликтов и проблем. В любой психотерапии психотерапевт на определенном этапе формирует представление о причинах развития нарушений, но далеко не всегда эти его представления передаются пациенту, а если и передаются, то практически в готовом виде (например, психоаналитическая интерпретация причины и значения того или иного события в жизни пациента) [20]. В.Н. Мясищев рассматривал пациента как равноправного исследователя самого себя, который вместе с психотерапевтом постепенно приходит к общему пониманию собственной ситуации и значимых проблем.

Хотя психотерапевтическая система В.Н. Мясищева, безусловно, принадлежит к *психодинамическому направлению* и в значительной степени ориентирована прежде всего на осознание (а затем на изменения), но сам этот процесс он рассматривал как поэтапный и выделял различные *уровни осознания*: понимание (осознание) собственной личности на историческом (генетическом) и interpersonalном уровне; осознание причинно-следственных связей между ситуацией, личностью

и болезнью; осознание собственного вклада в происхождение заболевания — осознание характера нарушений собственной системы отношений, внутриличностных конфликтов и их взаимосвязи с манифестацией невротической симптоматики и развитием невротического расстройства [17]. Такой подход к процессу осознания как бы готовит пациента к все более точному и тонкому пониманию самого себя и природы своего заболевания, что в конечном счете создает благоприятные условия для изменения, реконструкции нарушенной системы отношений.

Разработанная В.Н. Мясищевым *патогенетическая психотерапия неврозов* с начала 1960-х годов стала широко внедряться в практику работы Психоневрологического института им. В.М. Бехтерева, прежде всего в работу клиники неврозов и психотерапии. Накопленный практический опыт, а также научные исследования позволяют говорить об эффективности этой психотерапевтической системы, что подтверждает значимость психологической концепции отношений Мясищева и его патогенетической концепции неврозов. В.Н. Мясищев воспитал целую плеяду учеников, которые в дальнейшем стали блестящими специалистами в области неврологии и психотерапии и продолжателями его научной и научно-практической деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Авторам этой статьи посчастливилось слушать лекции Владимира Николаевича, присутствовать и даже принимать участие в клинических разборах, которые он проводил в отделении неврозов и психотерапии. В таких разборах нередко принимали участие специалисты из других учреждений и других городов, зарубежные специалисты, которые часто приезжали в Психоневрологический институт. Бурная полемика и дискуссия, возникавшие в процессе обсуждения не только клинических аспектов, но и скрытых причин поведения пациента и личностного смысла его болезни, являются одними из наиболее ярких содержательных наших профессиональных воспоминаний. В нашей памяти Владимир Николаевич остается не только настоящим ученым, не отступившим от своих научных взглядов, несмотря на непростые идеологические и жизненные обстоятельства, но и очень живым, смелым, интересующимся всем новым человеком, молодым по духу.

Прошло 50 лет с момента ухода В.Н. Мясищева из жизни (1973 г.), и можно с уверенностью утверждать, что разрабатывавшаяся им *общепсихологиче-*

ская теория оказалась жизнестойкой и плодотворной. Понятие “отношение” широко используется социальными, педагогическими, клиническими психологами для описания связи человека со средой и оценкой им себя самого [2; 3; 9–11; 14; 15; 30; 43; 44]. Однако в научном психологическом дискурсе по-прежнему актуальной остается задача осознанного, глубоко осмысленного обращения к этой психологической категории как единице анализа психического — с пониманием того философско-психологического смысла, которым ее наделял В.Н. Мясищев и разработке которой посвятил многие десятилетия своей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. О нервическом характере. М.: АСТ, 1997. 385 с.
2. Акименко М.А., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. От психоневрологии к медицинской психологии: научная система В.М. Бехтерева и В.Н. Мясищева // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 4. URL: http://www.medpsy.ru/mpj/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer12.php (дата обращения: 05.05.2023).
3. Бабурова И.В. Отношение как педагогическая категория // Омский научный вестник. 2006. № 8 (45). С. 274–277.
4. Басов М.Я. Воля как предмет функциональной психологии. Пг.: Начатки знаний, 1922. 116 с.
5. Басов М.Я. Методика психологических наблюдений над детьми. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 350 с.
6. Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. 432 с.
7. Василюк Ф.К. К проблеме единства общепсихологической теории // Вопросы философии. 1986. № 10. С. 76–86.
8. Вассерман Л.И., Журавель В.А. В.Н. Мясищев и медицинская психология // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 1994. С. 12–26.
9. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я. Психологическая диагностика отношения к болезни: Пособие для врачей. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2005. 32 с.
10. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Значение работ В.Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 59–68.
11. Зобков В.А. Психология отношения человека к жизнедеятельности: по итогам X международной научно-практической конференции “Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности”, посвященной 125-летию со дня рождения В.Н. Мясищева // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 203–217.
12. Иовлев Б.В., Карпова Э.Б. Психология отношений. Концепция В.Н. Мясищева и медицинская психология. СПб.: Сенсор, 1999. 85 с.
13. Исаева Э.Г. Психологические воззрения М.Я. Басова: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1973. 153 с.
14. Иосебадзе Т.Т. Экспериментально-психологическое исследование системы отношений личности больных неврозами (в связи с задачами их диагностики и психотерапии): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Л., 1990. 23 с.
15. Исурина Г.Л. Механизмы психологической коррекции личности в процессе групповой психотерапии в свете концепции отношений // Групповая психотерапия / Под ред. Б.Д. Карвасарского, С. Ледера. М.: Медицина, 1990. С. 89–121.
16. Исурина Г.Л., Карвасарский Б.Д., Ташлыков В.А., Тулицын Ю.Я. Развитие патогенетической концепции неврозов и психотерапии В.Н. Мясищева на современном этапе // Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: Сб. научных трудов НИПНИ им. В.М. Бехтерева. СПб., 1994. С. 100–109.
17. Исурина Г.Л., Карпова Э.Б., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 2. С. 49–57.
18. Карвасарский Б.Д. Медицинская психология. Л.: Медицина, 1982. 271 с.
19. Карвасарский Б.Д., Подсадный С.А., Чернявский В.А., Чехлатый Е.И. Жизнь и деятельность В.Н. Мясищева (к 120-летию со дня рождения) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2012. № 2. С. 107–112.
20. Карпова Э.Б. Механизмы лечебного действия патогенетической психотерапии // Антология российской психотерапии и психологии. Вып. 7. Материалы международного конгресса “Психотерапия, психология, психиатрия — на страже душевного здоровья!”. Санкт-Петербург, 22–24 марта. СПб., 2019. С. 135–136.
21. Карпова Э.Б., Исурина Г.Л., Журавлев А.Л. Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
22. Кречмер Э. Медицинская психология. СПб.: Союз, 1998. 460 с.

23. *Куницына В.Н., Панферов В.И.* Проблема отношений личности в трудах В.Н. Мясищева // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 3. С. 140–147.
24. *Лазурский А.Ф.* Программа исследования личности // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 9. С. 686–709.
25. *Лазурский А.Ф.* Очерк науки о характерах. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1906. 307 с.
26. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей // А.Ф. Лазурский. Избранные труды по психологии. М.: Наука, 1997. С. 5–266.
27. *Левченко Е.В.* История и теория психологии отношений. СПб., 2003. 309 с.
28. *Личко А.Е.* Психология отношений как теоретическая концепция в медицинской психологии и психотерапии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1977. Т. 77. Вып. 12. С. 1833–1838.
29. *Логинава Н.А.* Становление комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева: Дис. ... д-ра психол. наук. Л.; Алмата, 1990. 348 с.
30. *Мещеренова З.С.* Особенности диагностики системы отношений личности // Наука и современность. 2011. № 9–1. С. 306–309.
31. *Мясищев В.Н.* К вопросу о значении рефлексологии для педагогики // Просвещение. 1929. № 9 (33). Сентябрь. С. 98–106.
32. *Мясищев В.Н., Феоктистова Е.П.* Характер и прошлое (к вопросу о методике анамнеза) // Труды института им. А.И. Герцена. Л., 1930. С. 142–169.
33. *Мясищев В.Н.* О генетическом понимании психоневрозов // Советская невропсихиатрия. Л., 1939. Вып. 2. С. 112–140.
34. *Мясищев В.Н.* Проблема отношений в психологии индивидуальных различий // Проблемы психологии. Л., 1948. С. 179–186.
35. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л., 1960. 426 с.
36. *Мясищев В.Н.* Развитие учения о неврозах и психотерапии // Вопросы психиатрии и невропатологии: сборник трудов Ленинградского научного общества невропатологов и психиатров. Л., 1968. Вып. XIII. С. 64–72.
37. *Мясищев В.Н.* Психотерапия как система средств воздействия на психику человека в целях восстановления его здоровья // Психотерапия при нервных и психических заболеваниях: Сб. научных трудов НИПНИ им. В.М. Бехтерева. Л., 1973. Т. 66. С. 7–20.
38. *Мясищев В.Н.* К вопросу теории психотерапии // Руководство по психотерапии. М., 1974. С. 9–18.
39. *Мясищев В.Н.* Проблема личности в психологии и медицине // Актуальные вопросы медицинской психологии: Сб. научных трудов НИПНИ им. В.М. Бехтерева. Л., 1974. С. 5–25.
40. *Мясищев В.Н., Яковлева Е.К.* Психотерапия отношений. СПб.: Невский архетип, 2018. 346 с.
41. (Некролог) *Владимир Николаевич Мясищев* // Вопросы психологии. 1973. № 5. С. 187–189.
42. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М., 1967. 367 с.
43. *Позняков В.П.* Психологические отношения человека. История развития и современное состояние исследований // Институт Психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 24–47.
44. Психологическая диагностика отношения к болезни при нервно-психической и соматической патологии: Сб. науч. тр. / Под ред. Л.И. Вассермана, В.П. Зайцева. Л., 1990. 172 с.
45. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М., 1975. 352 с.
46. *Ясперс К.* Общая психопатология. М., 1997. 1056 с.

PAST AND PRESENT OF V.N. MYASISHCHEV'S CREATIVE ACHIEVEMENTS (FOR THE 130TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH)

E. B. Karpova^{1,*}, G. L. Isurina^{1,**}, A. L. Zhuravlev^{2,***}

¹*Sankt-Petersburg State University;
199034, Sankt-Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9, Russia.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences;
129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, bldn. 1, Russia.*

**PhD (Psychology), Docent of Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations.
E-mail: e.karpova@spbu.ru*

***PhD (Psychology), Docent of Department of Medical Psychology and Psychophysiology.
E-mail: g.isurina@spbu.ru*

****Academician of RAS, ScD (Psychology), Professor, Scientific Leader of IP RAS.
E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru*

Received 04.07.2023

Abstract. The article is dedicated to the 130th anniversary of the birth of V.N. Myasishchev, an outstanding Russian scientist who made a huge contribution to the development of Russian psychological science, as well as to the formation and development of medical (clinical) psychology, neurosology and psychotherapy. The psychology of relationships created by him, which has general psychological significance, served as a methodological basis for the development of the pathogenetic concept of neuroses and psychotherapy, the publication of which forms a conceptual unity unique to Russian science. The formation of scientific views of V.N. Myasishchev is considered under the influence of his teachers — V.M. Bekhterev and A.F. Lazursky; his contribution to the development of the scientific and psychological category “attitude” as a mental education; the main directions of his scientific and practical activities, closely related to the concept of relationship psychology, in particular, the development of ideas about the nature of neurotic disorders as a personality disease and the development of a psychotherapeutic system based on a detailed study of personality and aimed at changing its relationships. Developed by V.N. Myasishchev’s general psychological theory — the psychology of relationships — is resilient and fruitful.

Keywords: history of psychology, V.N. Myasishchev, Psychoneurological Institute, psychology of relationships, category “attitude”, personality, neuroses, psychogeny, pathogenetic concept of neuroses, pathogenetic system of psychotherapy.

REFERENCES

1. Adler A. O nervicheskom kharaktere. Moscow: AST, 1997. 385 p. (In Russian)
2. Akimenko M.A., Vasserman L.I., Iovlev B.V., Karpova E.B. Ot psikhonevrologii k meditsinskoj psikhologii: nauchnaya sistema V.M. Bekhtereva i V.N. Myasishcheva. Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron. nauch. zhurn. 2011. № 4. URL: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2011_4_9/nomer/nomer12.php (date of access: 05.05.2023). (In Russian)
3. Baburova I.V. Otnoshenie kak pedagogicheskaya kategoriya. Omskii nauchnyi vestnik. 2006. № 8 (45). P. 274–277. (In Russian)
4. Basov M.Ya. Volya kak predmet funktsional’noi psikhologii. Petrograd: Nachatki znaniy, 1922. 116 p. (In Russian)
5. Basov M.Ya. Metodika psikhologicheskikh nablyudenii nad det’mi, Izd. 3-e, ispr. i dop. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo, 1926. 350 p. (In Russian)
6. Basov M.Ya. Psikhologicheskie proizvedeniya. Moscow: Pedagogika, 1975. 432 p. (In Russian)
7. Vasilyuk F.K. K probleme edinstva obshchepsikhologicheskoi teorii. Voprosy filosofii. 1986. № 10. P. 76–86. (In Russian)
8. Vasserman L.I., Zhuravel’ V.A. V.N. Myasishchev i meditsinskaya psikhologiya. Teoriya i praktika meditsinskoj psikhologii i psikhoterapii. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij nauchno-issledovatel’skij psihonevrologicheskij institut im. V.M. Bekhtereva, 1994. P. 12–26. (In Russian)
9. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Karpova E.B., Vuks A.Ya. Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni. Posobie dlya vrachei. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij nauchno-issledovatel’skij psihonevrologicheskij institut im. V.M. Bekhtereva, 2005. 32 p. (In Russian)
10. Zhuravlev A.L., Poznyakov V.P. Znachenie rabot V.N. Myasishcheva dlya razvitiya sotsial’noi psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 5. P. 59–68. (In Russian)

11. *Zobkov V.A.* Psikhologiya otnosheniya cheloveka k zhiznedeyatel'nosti: po itogam X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii otnosheniya cheloveka k zhiznedeyatel'nosti", posvyashchennoi 125-letiyu so dnya rozhdeniya V.N. Myasishcheva. Institut psikhologii rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2018. V. 3. № 4 (12). P. 203–217. (In Russian)
12. *Iovlev B.V., Karpova E.B.* Psikhologiya otnoshenii. Kontseptsiya V.N. Myasishcheva i meditsinskaya psikhologiya. Saint Petersburg: Sensor, 1999. 85 p. (In Russian)
13. *Isaeva E.G.* Psikhologicheskie vozzreniya M.Ya. Basova: Dis. ... kand. psikhol. nauk. Moscow, 1973. 153 p. (In Russian)
14. *Iosebade T.T.* Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie sistemy otnoshenii lichnosti bol'nykh nevrozami (v svyazi s zadachami ikh diagnostiki i psikhoterapii): Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. Leningrad, 1990. 23 p. (In Russian)
15. *Isurina G.L.* Mekhanizmy psikhologicheskoi korrektsii lichnosti v protsesse gruppovoi psikhoterapii v svete kontseptsii otnoshenii. Gruppovaya psikhoterapiya. Eds. B.D. Karvasarskiy, S. Ledera. Moscow: Meditsina, 1990. P. 89–121. (In Russian)
16. *Isurina G.L., Karvasarskiy B.D., Tashlykov V.A., Tupitsyn Yu.Ya.* Razvitie patogeneticheskoi kontseptsii nevrozov i psikhoterapii V.N. Myasishcheva na sovremennom etape. Teoriya i praktika meditsinskoi psikhologii i psikhoterapii: sb. nauchnykh trudov NIPNI im. V.M. Bekhtereva. Saint Petersburg, 1994. P. 100–109. (In Russian)
17. *Isurina G.L., Karpova E.B., Zhuravlev A.L.* Psikhologicheskaya kontseptsiya otnoshenii V.N. Myasishcheva: uchenie o nevrozakh i psikhoterapiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 2. P. 49–57. (In Russian)
18. *Karvasarskiy B.D.* Meditsinskaya psikhologiya. Leningrad: Meditsina, 1982. 271 p. (In Russian)
19. *Karvasarskiy B.D., Podsadnyi S.A., Chernyavskii V.A., Chekhlatyi E.I.* Zhizn' i deyatelnost' V.N. Myasishcheva (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya). Obozrenie psikhiiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V.M. Bekhtereva. 2012. № 2. P. 107–112. (In Russian)
20. *Karpova E.B.* Mekhanizmy lechebnogo deistviya patogeneticheskoi psikhoterapii. Antologiya rossiiskoi psikhoterapii i psikhologii. Vyp. 7. Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Psikhoterapiya, psikhologiya, psikhiiatriya — na strazhe dushevnoy zdorov'ya!". Saint Petersburg, 22–24 marta. Saint Petersburg, 2019. P. 135–136. (In Russian)
21. *Karpova E.B., Isurina G.L., Zhuravlev A.L.* Psikhologicheskaya kontseptsiya otnoshenii V.N. Myasishcheva: osnovy i sodержanie. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 5–14. (In Russian)
22. *Krechmer E.* Meditsinskaya psikhologiya. Saint Petersburg: Soyuz, 1998. 460 p. (In Russian)
23. *Kunitsyna V.N., Panferov V.I.* Problema otnoshenii lichnosti v trudakh V.N. Myasishcheva. Psikhologicheskii zhurnal. 1992. V. 13. № 3. P. 140–147. (In Russian)
24. *Lazurskii A.F.* Programma issledovaniya lichnosti. Vestnik psikhologii, kriminal'noi antropologii i gipnotizma. 1904. V. 9. P. 686–709. (In Russian)
25. *Lazurskii A.F.* Ocherk nauki o kharakterakh. Saint Petersburg, 1906. 307 p. (In Russian)
26. *Lazurskii A.F.* Klassifikatsiya lichnosti. Izbrannye trudy po psikhologii. Moscow: Nauka, 1997. P. 5–266. (In Russian)
27. *Levchenko E.V.* Istoriya i teoriya psikhologii otnoshenii. Saint Petersburg, 2003. 309 p. (In Russian)
28. *Lichko A.E.* Psikhologiya otnoshenii kak teoreticheskaya kontseptsiya v meditsinskoi psikhologii i psikhoterapii. Zhurnal nevropatologii i psikhiiatrii im. S.S. Korsakova. 1977. V. 77. Vyp. 12. P. 1833–1838. (In Russian)
29. *Loginova N.A.* Stanovlenie kompleksnogo podkhoda v psikhologicheskikh shkolakh V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva: Dis. ... d-ra psikhol. nauk. Leningrad; Alma-Ata, 1990. 348 p. (In Russian)
30. *Meshcherenova Z.S.* Osobennosti diagnostiki sistemy otnoshenii lichnosti. Nauka i sovremennost'. 2011. № 9–1. P. 306–309. (In Russian)
31. *Myasishchev V.N.* K voprosu o znachenii refleksologii dlya pedagogiki. Prosveshchenie. 1929. № 9 (33). Sentyabr'. P. 98–106. (In Russian)
32. *Myasishchev V.N., Feoktistova E.P.* Kharakter i proshloe (k voprosu o metodike anamneza). Trudy instituta im. A.I. Gertsena. Leningrad, 1930. P. 142–169. (In Russian)
33. *Myasishchev V.N.* O geneticheskom ponimanii psikhonevrozov. Sovetskaya nevropsikhiiatriya. 1939. Vyp. 2. P. 112–40. (In Russian)
34. *Myasishchev V.N.* Problema otnoshenii v psikhologii individual'nykh razlichii. Problemy psikhologii. Leningrad, 1948. P. 179–186. (In Russian)
35. *Myasishchev V.N.* Lichnost' i nevrozy. Leningrad, 1960. 426 p. (In Russian)
36. *Myasishchev V.N.* Razvitie ucheniya o nevrozakh i psikhoterapii. Voprosy psikhiiatrii i nevropatologii: sbornik trudov Leningradskogo nauchnogo obshchestva nevropatologov i psikhiiatrov. Leningrad, 1968. Vyp. XIII. P. 64–72. (In Russian)
37. *Myasishchev V.N.* Psikhoterapiya kak sistema sredstv vozdeistviya na psikhiku cheloveka v tselyakh vosstanovleniya ego zdorov'ya. Psikhoterapiya pri nervnykh i psikhicheskikh zabolevaniyakh: sb. nauchnykh trudov NIPNI im. V.M. Bekhtereva. Leningrad, 1973. V. 66. P. 7–20. (In Russian)
38. *Myasishchev V.N.* K voprosu teorii psikhoterapii. Rukovodstvo po psikhoterapii. Moscow, 1974. P. 9–18. (In Russian)

39. *Myasishchev V.N.* Problema lichnosti v psikhologii i meditsine. Aktual'nye voprosy meditsinskoj psikhologii: sb. nauchnykh trudov NIPNI im. V.M. Bekhtereva. Leningrad, 1974. P. 5–25. (In Russian)
40. *Myasishchev V.N., Yakovleva E.K.* Psikhoterapiya otnoshenii. Saint Petersburg: Nevskii arkhetyip, 2018. 346 p. (In Russian)
41. (Nekrolog) Vladimir Nikolaevich Myasishchev. Voprosy psikhologii. 1973. № 5. P. 187–189. (In Russian)
42. *Petrovskii A.V.* Istoriya sovetskoj psikhologii. Formirovanie osnov psikhologicheskoi nauki. Moscow, 1967. 367 p. (In Russian)
43. *Poznyakov V.P.* Psikhologicheskie otnosheniya cheloveka. Istoriya razvitiya i sovremennoe sostoyanie issledovaniy. Institut Psikhologii Rossijskoj Akademii Nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya. 2016. V. 1. № 3. P. 24–47. (In Russian)
44. Psikhologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni pri nervno-psikhicheskoi i somaticheskoi patologii: Sb. nauch. tr. Eds. L.I. Vasserman, V.P. Zaitsev. Leningrad, 1990. 172 p. (In Russian)
45. *Smirnov A.A.* Razvitie i sovremennoe sostoyanie psikhologicheskoi nauki v SSSR. Moscow, 1975. 352 p. (In Russian)
46. *Yaspers K.* Obschaya psikhopatologiya. Moscow, 1997. 1056 p. (In Russian)

УДК: 159.9.019

О РАЗРАБОТКЕ ПОНЯТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

© 2023 г. М. С. Гусельцева

ФГБНУ Психологический институт РАО;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.
Доктор психологических наук.
E-mail: mguseltseva@mail.ru

Поступила 09.01.2023

Аннотация. Статья представляет собой отклик на публикации А.Л. Журавлева и Е.А. Сергиенко, приглашающие к дискуссии на тему разработки психологических понятий. Уточняется взгляд на соотношение сетевой и системной методологии. Утверждается, что системный подход не может уйти в прошлое, поскольку принцип системности выступает одной из методологических предпосылок психологической науки. Однако прошлым становится эпоха неклассической психологии с ее монополией на доминирующий дискурс и правильный подход, единственно верную методологию, представление об неизменной иерархии понятий. В постнеклассической интерпретации конфигурация сетевой и системной методологии в психологических исследованиях подвижна, меняется в зависимости от выбранной перспективы и решаемой задачи. Отмечается вклад ученых Института психологии РАН в разработку оптимальной модели, объединившей позиции сетевой и системной методологии. Обсуждается дифференциация понятий по основанию уровней методологии науки, в соответствии с которыми выделяются философские категории, общенаучные и междисциплинарные понятия, конкретно-научные (общепсихологические и отраслевые) понятия и метафорические конструкты. Подобного рода анализ и разработка психологических понятий сами по себе меняют модель научного познания, поскольку создают не только понятийную, но и концептуальную сеть, где разные подходы, прежде игнорирующие или противостоящие друг другу на более ранних этапах развития науки, становятся взаимно дополнительными частями целого психологического знания, продуцируют более тонкое понимание многомерной психологической реальности. Объективность этой тенденции в общем контексте эволюции науки подтверждается ростом субъектности и саморефлексивности российских ученых, выражающихся в работе над психологическими понятиями, стихийно возникающих в различных исследовательских проектах, психологических школах и учреждениях. Приводятся примеры подобной разработки.

Ключевые слова: методология, разработка научных понятий, сеть, система, эволюция научного знания.

DOI: 10.31857/S020595920027091-6

Рациональность — важная составляющая современного научного мышления. Российских представителей социогуманитарного знания нередко критиковали за пренебрежение рационалистической традицией, а также отсутствие строгости в использовании научных понятий. Подобную критику можно было обнаружить как в начале XX в. в выступлениях И.П. Павлова [12], так и у современных публицистов.

Изменения, происходящие в российской науке, не всегда попадают в поле зрения современников по причине “слепых пятен” повседневности и неувловимости в этом опыте медленно меняющихся трендов. На этот факт справедливо указывают в своих статьи А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко

[6–8], замечая, что наиболее отчетливые преобразования происходят сегодня в понятийном поле российской науки, где ее категориальный строй демонстрирует эволюционную динамику научного знания и тем самым позволяет сделать видимыми для анализа основные характеристики и тенденции современного этапа развития науки [8].

Институтом психологии РАН с 2018 по 2021 г. проделана грандиозная работа в области анализа и синтеза системы понятий современной психологической науки. Так, разработке научных понятий посвящены три коллективные монографии [16–18]. Косвенным следствием и без того масштабного проекта оказалось то обстоятельство, что опыт разработки психологических понятий сделал

возможным не только пронаблюдать, но и документально зафиксировать, каким образом меняется наша собственная исследовательская культура.

В период, обозначенный выше, сотрудники Института психологии РАН решали задачи, направленные, с одной стороны, на создание “обобщенного представления о современном уровне разработки понятий в психологической науке” [16, с. 5], с другой — размещение психологических понятий в категориальной сети постоянно обновляющегося научного знания. Эта деятельность, а также ее трансформации — *переход от использования имеющихся научных понятий и спонтанного творчества терминов к произвольной и сознательной разработке необходимой терминологии*, построение понятийного пространства, включающего синтез системной и сетевой методологии, анализ спонтанно появляющихся категориальных сетей и т.п. — свидетельствуют о качественно новом этапе развития российской науки, связанном с ростом осознанности и саморефлексивности. Такой этап нередко описывается как постнеклассическое состояние научного знания.

Авторами трех коллективных монографий проанализированы взаимоотношения между системным и сетевым подходами; обоснована системно-сетевая модель организации понятий, позволившая объединить отдельные позиции системной и сетевой методологии; в развитии современных научных понятий выявлены и описаны такие тенденции, как междисциплинарность, интегративность, антиномичность, текучесть (контекстуально лабильное содержание понятия), латентность, субъектность [8]. Полученный же в итоге научный продукт побуждает задуматься о том, насколько выбранный принцип организации понятий отражает ту или иную культурно-историческую эпоху. Так, если проанализированные авторами модели организации психологических понятий в работах К.К. Платонова, Л.И. Анцыферовой, А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского относились к неклассическому этапу развития психологической науки, а их важным организационным качеством выступала системность, то постнеклассическая психология сделала более востребованными сетевые конструкции.

В этой связи несколько слов следует сказать о соотношении сетевого и системного подходов.

СЕТЬ И СИСТЕМА

В одной из своих статей А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко пишут: “Системный принцип организации психологического знания признается

М.С. Гусельцевой как прошлое науки...” [8, с. 7]. Должна признаться, что подобная формулировка показалась мне излишне категоричной и не вполне точной. Однако, как бы там ни было с интерпретацией высказываний в прежних публикациях, мои представления с того времени претерпели изменения. Если в упомянутой публикации 2007 г. речь шла о предполагаемом переходе “от систем — к сетям”, но не столько об уходе в прошлое системного подхода, сколько о необходимости ревизии установок неклассической психологии [4], то с позиций сегодняшнего дня сформулирую эти положения более четко.

1. Переход от систем к сетям отнюдь не означает, что системный подход утрачивает свою релевантность, ибо принцип системности — один из столпов не просто психологической науки, но и науки как таковой.

2. Касательно неклассической психологии мною неоднократно отмечалось, что типы рациональности, впрочем, как и присущие разным культурно-историческим эпохам методологии, не отменяют друг друга в эволюции научного знания, а (как усложняясь, так и упрощаясь) вступая в различные конфигурации, продолжают сосуществовать в современности; сочетая разнонаправленные тенденции и противоположные идеи, образуют более нюансированный (т.е. обремененный изменяющимися контекстами, которые необходимо учитывать) и сложный этап познания и научного мышления.

3. Относительно взаимодействия системного и сетевого подходов представляется, что А.Л. Журавлевым и Е.А. Сергиенко найдены оптимальные решения и их точные описания. “Общими для двух подходов становятся идеи целостности, несводимости к отдельным элементам, идеи саморазвития, самоорганизации, самонастраиваемости, непрерывной динамики преобразований в процессе как микро-, так и макрогенеза. Основное различие между подходами состоит в идее иерархии уровней организации. <...> Сетевой подход дополняет системный, делая акцент на динамике горизонтальных взаимосвязей, не исключая и динамику сетей разной иерархии” [8, с. 10].

Иными словами, сеть и система не противостоят друг другу, а пребывают в отношениях подвижного взаимодействия, где одним задачам лучшим образом служит сетевой подход, тогда как другие находятся в сфере компетенции системного. Более того, при определенном угле зрения сама система может быть рассмотрена как организованная в систему сеть. Таким образом, сеть и система — отнюдь не методологические оппозиции, а разные принципы организации знания, состояния структур

и т.п. В ракурсе методологии сети способны превращаться в системы, а системы — в сети. Сеть может быть рассмотрена как дезорганизованная система, а система — сконфигурированная по определенным правилам сеть. Сеть не заменяет систему, но в определенных ситуациях (в парадигме не порядка, а хаоса) эффективнее решает задачи иного типа.

Полагаю, что системный и сетевой подходы можно рассматривать по аналогии с квантово-волновой моделью в физике, согласно которой при одних условиях объекты проявляют свойства волны, а при других — свойства частицы. Другой вопрос: существуют ли в познаваемой реальности чистые системы или чистые сети? Ведь наблюдая любой феномен, будь то общество или мозг, исследователь в зависимости от выбранного подхода и соответствующей оснастки может обнаружить в исследуемом объекте как сеть (концепция гиперсетевого мозга К.В. Анохина), так и систему (изучение мозга А.Р. Лурии в качестве структурно-функциональной системы).

Предложенная авторами коллективной монографии модель великолепно демонстрирует взаимодействие сетевого и системного подходов применительно к анализу понятий: «понятийная сеть имеет некоторую иерархическую структуру, в которой могут быть выделены метапонятия, задающие основу сетевой структуры, и узловые понятия, образующие более тесные взаимосвязи» [17, с. 54].

Итак, системный подход не может уйти в прошлое, поскольку принцип системности является одним из столпов психологической науки. При этом уходит в прошлое эпоха неклассической психологии с ее монополией на единственно верный подход, доминирование правильной методологии и представление о неизменности иерархий понятий и сложившихся отношений. С позиций постнеклассической науки конфигурации системы и сети определяются исследовательской оптикой и вызовами решаемой задачи. Сетевой подход не отменяет иерархии, однако делает их ситуативно обусловленными, выводя на передний план качества саморефлексивности, гибкости и контекстуальной чувствительности исследователя. Иллюстративным примером последнего служит фрагмент из статьи В.В. Знакова, где анализируется понятие «понимание». Автор отмечает, что в имеющейся научной литературе представлены как минимум «семь контекстов, в которых употребляется термин «понимание»: методологический, когнитивный, логический, семантический,

лингвистический, коммуникативный и экспериментально-психологический» [17, с. 255–282].

Таким образом, «переход от систем к сетям» не означает исчезновения системного подхода, а отражает аспект динамичности сетевой методологии, в перспективе которой иерархии отменяются в моменте, но не исчезают как таковые, а способны быстро перестраиваться в зависимости от изменившегося контекста или требований задачи. Иерархии продолжают существовать, но одновременно способны отменяться — подобная антиномия отражает идею целостности и взаимопревращений сети и системы: готовность сети отвечать на текущие вызовы изменением конфигурации, готовность к построению новых иерархий по иным основаниям при одновременном осознании преходящести этих иерархий. Метафорически подобное положение вещей удачно передается словами: «центр — везде, в каждой точке» [1, с. 411]. Это означает, что иерархии выстраиваются в конкретном исследовании, и важную роль в этом процессе играет активность познающего субъекта. Однако эти иерархии подвижны и неустойчивы. Последнее продуцирует своего рода текучее исследование, готовность ученого гибко следовать за изменениями жизни, сознательно меняя собственную когнитивную оснастку. Отмечу также, что подобная пластичность и контекстуальная чувствительность сближает психологические исследования с этнографическими и антропологическими (подробнее об этом см.: [5]).

ОТ РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЙНОЙ СЕТИ — К КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЗНАНИЯ

Авторы коллективной монографии [16] подразделяют психологические понятия на общетеоретические, эмпирические и используемые в психологической практике. «Анализ общетеоретических, эмпирических и применяемых в психологической практике понятий позволил выделить их особенности: интегративный и междисциплинарный характер; расширение и изменение содержания понятий, использование в более широком тематическом поле; иной тип их структурной организации и субъектность, выступающую в двух смыслах: как разработчика и творца понятийного анализа, так и обращения к категории субъекта» [8, с. 6].

Разработка понятий психологии решает задачи интеграции психологического знания, а также является эвристикой для обнаружения новизны

(лишь зарождающихся явлений и феноменов). Подобно построению периодической таблицы химических элементов Д.И. Менделеева, проделанная сотрудниками Института психологии РАН работа позволяет обнаружить лакуны в изучении социально-психологической реальности, требующей новой терминологии и релевантного концептуального аппарата. “Психологические понятия позволяют структурировать сверхсложную, многослойную психологическую реальность, часто текучую и ускользающую от статических и формальных определений. Психологические понятия в науке, обозначая некоторый феномен или событие, содержат невидимые, не эксплицированные латентные знания и представления, теоретические конструкции, индивидуальные ориентиры, пытаюсь понятийно осмыслить психологию человека” [6, с. 6].

В психологии принято выделять ведущие категории [10], категориальный строй [13], а также общепсихологические и частнопсихологические понятия [15]. А.Л. Журавлев и Е.А. Сергиенко отмечают, что понятийное поле психологической науки демонстрирует трансформации современного знания более выразительно, нежели общие категории и принципы [6; 7].

На мой взгляд, сделав основанием для дифференциации уровни методологии науки, в психологии можно выделить следующие разряды понятий.

1. Философскому уровню методологии науки соответствуют *философские категории* (движение, материя, развитие, психика, сознание, бытие и т.п.), понимаемые как наиболее общие понятия, или как понятия, достигшие наиболее высокого уровня абстракции.

2. К общенаучному уровню методологии науки относятся *междисциплинарные и общенаучные понятия*, выступающие предпосылками для установления междисциплинарных связей смежных наук; позволяющие сопоставлять наблюдения и результаты, полученные с позиции различных подходов и исследовательских ракурсов.

3. Конкретно-научному уровню методологии науки отвечают *конкретно-научные (общепсихологические и отраслевые) понятия*, распространенные внутри дисциплинарного пространства психологической науки, а также своего рода психологические жаргонизмы, образцы сленга профессиональных психологов или примеры рождения новых терминов (интроекция, нарциссическое расстройство, эмоциональный интеллект, субъективный возраст, психологическое воздействие и т.п.).

4. Инструментальному уровню методологии науки отвечают понятия, используемые в психологической

практике, а также *метафорические конструкты* — те понятия и термины, которые наиболее приближены к эмпирической реальности, служат для схватывания и постижения сути новых феноменов, еще не имеющих названия или релевантного термина. *Оптимум мотивации, локус контроля, когнитивная сложность* рождались из эмпирического опыта исследователя и поиска релевантного обозначения этого опыта. Обнаружение феноменов, которые невозможно было описать уже имеющимися терминами, требовало, с одной стороны, поиска оригинального названия, с другой — нюансирования как прорисовки при помощи слов в исследуемой реальности более тонких деталей и неочевидных аспектов.

Понятия в психологии распределяются и по иным категориям: как общепсихологические и отраслевые, прикладные и практические. Тем не менее первые можно отнести к конкретно-научному уровню методологии науки, а вторые — к инструментальному.

При этом необходимо отметить, что одно и то же понятие способно прорасти на разных уровнях методологии науки, менять свой смысл, обнаруживать и создавать подспудные связи с другими понятиями. Здесь крайне важным становится развитие саморефлексии этих изменений в меняющихся контекстах, что помогает избежать ловушек ложных представлений и непроясненных в дискуссии определений.

Также обращу внимание, что одно и то же слово, например “личность”, может быть и философской категорией, и общенаучным понятием, и конкретно-психологическим термином, обозначая в последнем случае социальное качество человека в системе или сети понятий “индивид”, “субъект”, “индивидуальность”, “идентичность”.

Трансмиссия понятий из одной смежной науки в другую наряду со смещением их смысла создают необходимый объем и многомерность изучаемого феномена. Так, например, “понятие ресурса пришло в психологию из других наук”, будучи широко используемым “в философии, географии, геологии, экологии, информатике, экономике и других естественных и гуманитарных областях” [17, с. 11]. Проблемы же для науки создает не тот факт, что понятия мерцают и множатся, обретают в современной познавательной ситуации качества текучести и изменчивости, полисемантической, а их недостаточная отрефлексированность самими исследователями. При этом более вдумчивое и аналитическое отношение к используемым в психологической практике и в прикладных исследованиях понятиям позволяет решить одну из методологических

проблем психологии — преодоление разрыва теоретического и практического знания.

В этой связи невероятно важным представляется внимание редакторов и авторов сборников [17; 18] к феноменам текучести, антиномичности и латентности понятий, проистекающее из ориентации на метамодернистскую эпистемологию. *Латентность* означает здесь, что за понятием всегда стоит имплицитная сеть или система других понятий, которые могут быть актуализированы в соответствующих контекстах, при возникновении подходящих условий. *Антиномичность* подразумевает диалектику целостности, предполагая, что каждое понятие не полно вне своей противоположности и эти противоположности сосуществуют, позволяя описать явление в качестве сложного, включенного в потоки целостного бытия феномена. Подспудно антиномичность задает интегративный процесс, включающий диалектическую игру полярных позиций, без которых не возникает подлинной жизненности изучаемого феномена. *Текучесть* выводит на передний план ситуативную и контекстуальную изменчивость, приспособляемость понятия к меняющейся ситуации, развитие понятия, а стало быть, приближение психологической науки к самой жизни: движение от относительно застывших и искусственных лабораторных феноменов к изучению психики, сознания, личности, человека как включенных в повседневную жизнь, рассматриваемых в естественной среде обитания.

Особенно важными представляются анализ и разграничение близких понятий (например, “ресурса”, “резерва”, “потенциала”, где на уровне индивида мы имеем дело с резервом, на уровне субъекта — с ресурсом, а на уровне личности — с потенциалом [17]); расширение категориальной сети понятий (например, рассмотрение взаимосвязи понятий “адаптация”, “дезадаптация”, “преадаптация”); обсуждение контекстуальной чувствительности к использованию термина (так, в поэтической строке — “*мятеж не может кончиться удачей, иначе назывался бы иначе*” — довольно точно поймана мысль о том, что один и тот же феномен получает релевантное название в связи с его контекстуальной интерпретацией).

В свое время мною был предложен анализ понятия “культура” с опорой на уровни методологии науки и выделением разных уровней этого понятия — от глобальной категории “культура”, сопоставимой с “природой”, до инструментальных культурных практик. Модель взаимосвязи “культуры” и “идентичности” предполагала добавление смысловых различительных слов: *культура-ноосфера, культура-этнос, культуры-миры, культуры-психотехники* [3].

При таком подходе семантическая дифференциация понятия “культура” влекла за собой и более сложное представление об идентичности современного человека. Культура-ноосфера (как оппозиция природе) соотносилась с общечеловеческой идентичностью (“космополит”, “гражданин мира”, “планетарное сознание”). Культуры-этноссы связывались с национальной и этнической идентичностью. Культуры-миры выступали динамичными контекстами становления социокультурной и гражданской идентичности. Культуры-психотехники отвечали как за конструирование персональной идентичности, так и за процессы самоидентификации человека [Там же].

Сегодня можно констатировать, что по этому пути шло развитие в психологии и других понятий. Так, например, стихийно развивалось понятие “социализация”, уточняясь в различных контекстах; к нему добавлялись дополнения и определения — *информационная социализация, социализация в цифровой среде, позитивная социализация, экономическая социализация (первичная и вторичная экономические социализации), ресоциализация, асоциализация* и т.п. Наряду с этим введение понятия “коллективный субъект” позволило обнаружить в категориальной сети лакуны и привело к образованию таких новых понятий, как “групповая рефлексивность”, “совместное творчество”, “коллективный образ будущего” и др. [16; 17].

Подобного рода анализ и разработка психологических понятий сами по себе меняют модель научного познания, ибо создают не только понятийную (категориальную), но и концептуальную сеть, где разные подходы, прежде игнорирующие или противостоящие друг другу на более ранних этапах развития науки, становятся взаимно дополнительными частями целого психологической науки, продуцируют более тонкое и сложное понимание многомерной психологической реальности.

С одной стороны, за разработкой психологических понятий стоит отраженная в конкретном исследовательском продукте коллективная воля сотрудников Института психологии РАН, т.е. субъектная и субъективная стороны познавательного процесса; с другой стороны, об объективности этой тенденции как ходе эволюции науки свидетельствует работа над понятиями, стихийно возникающая в иных исследовательских проектах, психологических школах и учреждениях. Так, например, петербургские психологи Н.В. Гришина и С.Н. Костромина прорабатывают в психологии взаимосвязь понятий “устойчивость — изменчивость — целостность”, помещая их в концептуальную схему процессуального и контекстуального подходов [2].

Н.В. Гришина справедливо отмечает, что “стабильность” и “устойчивость” — отнюдь не синонимы. В одних ситуациях как раз стабильность способна выступить фактором подрыва динамической устойчивости системы, тогда как в других она становится разновидностью статической устойчивости. С одной стороны, конформизм в социальной психологии может рассматриваться в качестве феноменологии устойчивости, а с другой — основу динамической устойчивости сложных систем составляют изменчивость, непредсказуемость и разнообразие. Все это означает, что необходима дальнейшая дифференциация понятий: назревшая и осознающаяся как необходимость, однако еще не проделанная работа.

В свою очередь, Д.А. Хорошиловым произведена дифференциация понятий “индивидуация”, “индивидуализация”, “сингуляризация” [19]. Под *индивидуацией* понимается постепенная эмансипация личности от жестких социальных структур; *индивидуализация* есть процесс сознательного творчества индивидуальности и уникального стиля жизни; *сингуляризация* — распад социальных связей и солидарности, ведущий к атомизации и фрагментации общества [Там же]. При этом предельной точкой индивидуализации выступает *прекарность* как культурно-психологическое состояние, которое человек должен преодолеть, избавляясь от ощущения уязвимости посредством обретения вторичной социальности и солидарности [Там же].

В работе Н.Л. Москвичевой и соавторов анализируется понятие *самодетерминация*; показано, что, несмотря на возрастающую частоту использования этого понятия в отечественной психологии, исследователи подразумевают под ним совсем разные вещи. Терминологическая же неопределенность ведет к тому, что для одних ученых это понятие выступает синонимом саморегуляции и самоорганизации, другие отождествляют его с мотивацией, а третьи — с субъектностью или активностью человека [11]. Выделение разных уровней феномена самодетерминации позволяет согласовать противоречивые описания различных процессов. Кроме того, авторы статьи выстраивают концептуальную сеть, добиваясь взаимосогласованности психологических концепций — самодетерминации, самоэффективности, внутреннего локуса контроля, возможных Я и др.

Все описанные выше примеры свидетельствуют о росте саморефлексивности научного знания, отражают как субъектные (т.е. связанные с усилением агентности ученых в их исследовательской деятельности), так и объективные тенденции эволюции науки, а также отвечают идеалу постнеклассической

рациональности, ориентирующему на построение психологической науки как сети взаимосогласованного знания.

При этом развитие научных понятий в психологии служит маркером тенденций общей эволюции науки [8]. В эволюционной перспективе психологические понятия претерпевают три периода развития: 1) *скрытое развитие* — зарождение смутных представлений, “нащупывание” нового/неизвестного феномена, обнаруженный феномен нередко обозначается разными терминами, постепенно отыскивается адекватное понятие; 2) *дисциплинарное развитие* — происходит органичная встреча феномена и термина, появляется четкое определение, которое большинство ученых используют в этом поле знания; 3) *трансдисциплинарное развитие* — отдельные понятия перерастают свои дисциплинарные границы, обретают популярность и востребованность в смежных науках, а также меняют изначальный смысл, становятся полисемантическими (подобно понятиям “парадигма”, “ментальность”, “постмодернизм” и др.).

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЙ В ПСИХОЛОГИИ

В заключение поделюсь отдельными соображениями, возникшими при знакомстве с тремя коллективными монографиями [16–18], посвященными разработке психологических понятий.

Представляется, что целесообразно уделить в психологии больше внимание анализу междисциплинарных понятий, таких как “культура”, “идентичность”, “рациональность”, “современность”, “ценности” и т.д., выделяя в них разные уровни анализа, сравнивая интерпретации в психологии и социальных науках, фиксируя нюансы и различия. Дело в том, что в психологическом анализе текущих изменений человека и мира недостаточно использовать готовые конструкты “культура”, “общество”, “социальное пространство”, “субкультура” и т.п. Каждый раз от нас требуется не только определение и прояснение употребляемых терминов, но и более тонкая дифференциация исследуемой реальности, учитывающая ее транзитивность и мобильность, ибо сами по себе понятия “общество” или “культура” остаются непроясненными абстракциями до тех пор, пока не установлено, понимает ли под ним исследователь человеческую деятельность, символический мир или знаковую систему [3].

Дальнейшей разработки заслуживает анализ общенаучных понятий в пространстве социальных наук, а также рассмотрение, как понятия изменяются вместе с эволюцией науки. Актуальной проблемой остается и обсуждение границ психологических понятий: не случайно все чаще появляются такие статьи, как «Развитие понятия “дискурс” в психологии речи и психолингвистике», «“Интенция” как психологическая и психолингвистическая категория», “Субъективный возраст человека — расширение понятия возрастной идентичности” [16], “Субъективное экономическое благополучие как психологический феномен и категория экономической психологии” [17], “Эмоциональный слух как новое психологическое понятие” [18], а также обсуждение “качества жизни” как междисциплинарного понятия [17].

На мой взгляд, наряду с понятием “психологическая безопасность” имеет смысл поместить в сеть психологических понятий конструкт “экзистенциальная безопасность”, используемый в концепции Р. Инглхарта [9], где этот конструкт связан не только с развитием личности, но с трансформациями ценностей и культурными изменениями. Также перспективным представляется соотнесение понятия “нравственная элита” с моделью Л. Кольберга, предполагающей дифференциацию разных уровней морального развития.

Конструкты “человеческий потенциал” и “человеческий капитал” также вошли в психологический оборот, однако нуждаются в дальнейшей разработке и размещении в категориальной сети. Наряду с “группой” и “организацией” обсуждения требует понятие “корпорация”.

В целом более дифференцированный подход к разработке терминологического аппарата позволяет осмыслить нередко упускаемую в психологии из виду неоднозначность развития личности в той или иной социальной ситуации. Ведь не только социализация и социальная адаптация, но и социальное отчуждение способны принести развитию личности как предполагаемую пользу, так и гипотетический вред. Таким образом, возможно выделить, как минимум, четыре вектора социализации личности: ординарная (типичная) и неординарная (нетипичная) социализации, негативная и позитивная социализации, переосмысливая в этой связи и представление об индивидуальных стилях социализации. В свою очередь, этот ход мысли отсылает к понятиям “адаптация”, “дезадаптация”, неадаптивная и надситуативная активность. Так, негативная социализация влечет за собой дезадаптацию как отклоняющееся развитие личности, тогда как позитивная социализация может быть неординарной,

но при этом неадаптивная или надситуативная активность выступают здесь характеристиками продуктивного индивидуального развития (см.: [14]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка учеными Института психологии РАН системы понятий современной психологической науки выступила маркером перемен, происходящих в российской психологической науке в целом. Наряду с обозначенными выше тенденциями субъектности, латентности, антиномичности, полисемии (многозначности) невозможно не отметить рост интегративных понятий, также свидетельствующий об интегративных устремлениях, присущих современному этапу развития психологического знания.

Редакторами и авторами трех коллективных монографий проделана мощная работа, которая, возможно, не была столь заметна в текущем процессе познания, выступая повседневностью ученых занятий, однако оказалась весома по своим последствиям — в виде сделанного российской психологией качественного рывка, выводящего психологическую науку на новый уровень рациональности (называемой ли постнеклассической, метамодернистской или как-то иначе). Родившийся продукт оказался масштабнее своего изначального замысла, ибо создал не только синтез разных подходов и методологий, интеллектуальное пространство для дискуссий и производства идей, но и новое качество российской психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьева Т.П. Синергетика и Восток (Свободные размышления о метафилософии) // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2013. Т. 3. С. 396–419.
2. Гришина Н.В., Костромина С.Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
3. Гусельцева М.С. Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2018. № 2. С. 9–27.
4. Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. № 3. С. 107–119.
5. Гусельцева М.С. Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов //

- Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. № 2. С. 132–149.
6. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть I. Опыт систематизации понятий // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 5–15.
  7. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Анализ современных понятий в психологии. Часть II. Разработка современных понятий учеными Института психологии // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 4. С. 5–15.
  8. Журавлев А.Л., Сергиенко Е.А. Системно-сетевая организация современных понятий психологии (на примере разработок сотрудников Института психологии РАН) // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 3. С. 5–14.
  9. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018.
  10. Категории материалистической диалектики в психологии / Под ред. Л.И. Анцыферовой. М.: Наука, 1988.
  11. Москвичева Н.Л. и др. Феномен самодетерминации: психологические истоки и современное понимание. Ч. 1 // Новые психологические исследования. 2022. № 4. С. 90–116.
  12. Павлов И.П. О русском уме // И.П. Павлов: pro et contra. Личность и творчество И.П. Павлова в оценке современников и историков науки (к 150-летию со дня рождения): Антология / Сост. Ю.П. Голиков, К.А. Ланге. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитарного ин-та, 1999. С. 130–147.
  13. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальный строй психологии сегодня // Развитие личности. 2014. С. 92–124.
  14. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
  15. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972.
  16. Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. Е.А. Сергиенко, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
  17. Разработка понятий в современной психологии. Т. 2 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
  18. Разработка понятий современной психологии. Т. 3 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенкова, Г.А. Виленская. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2021.
  19. Хорошилов Д.А. Социокультурные практики индивидуализации в новых медиа // Симпозиум Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета “Методология и практика изучения смешанной реальности в контексте культурно-исторической психологии” (Москва—Новосибирск, 16 ноября 2022 г.). URL: <https://childresearch.ru/wp-content/uploads/2022/11/rus-programma-kongressa.pdf> (дата обращения: 02.01.2023).

ON THE DEVELOPMENT OF CONCEPTS IN MODERN RUSSIAN PSYCHOLOGY

M. S. Guseltseva

*Psychological Institute of the Russian Academy of Education;
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9–4, Russia.
ScD (Psychology).
E-mail: mguseltseva@mail.ru*

Received 09.01.2023

Abstract. The article is a response to the publications of A.L. Zhuravlev and E.A. Sergienko, inviting to a discussion on the development of psychological concepts. The view on the correlation of network and system methodology is specified. It is argued that the systematic approach cannot become a thing of the past, since the principle of consistency is one of the methodological prerequisites of psychological science. However, the era of non-classical psychology with its monopoly on the dominant discourse and the correct approach, the only true methodology, the idea of an invariable hierarchy of concepts, is becoming the past. The configuration of the ratios of network and system methodology in psychological research is mobile, changing depending on the chosen perspective and the problem being solved. The contribution of scientists from the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences to the development of an optimal model that combines the positions of network and system methodology is noted. The differentiation of concepts based on the levels of

methodology of science is discussed, in accordance with which philosophical categories, general scientific and interdisciplinary concepts, specific scientific (general psychological and sectoral) concepts and metaphorical constructs are distinguished. This kind of analysis and development of psychological concepts in themselves change the model of scientific knowledge, since they create not only a conceptual, but also a theoretical network, where different approaches, previously ignoring or opposing each other at earlier stages of the development of science, become mutually complementary parts of the whole psychological science. produce a more subtle understanding of multidimensional psychological reality. The objectivity of this trend in the general context of the evolution of science is confirmed by the growth of agency and self-reflexivity of Russian scientists, expressed in work on psychological concepts, spontaneously arising in various research projects, psychological schools and institutions.

Keywords: methodology, development of scientific concepts, network, system, evolution of scientific knowledge.

REFERENCES

1. *Grigor'eva T.P.* Sinergetika i Vostok (Svobodnye razmyshleniya o metafizologii). Trudy Ob"edinennogo nauchnogo tsentra problem kosmicheskogo myshleniya. 2013. V. 3. P. 396–419. (In Russian)
2. *Grishina N.V., Kostromina S.N.* Protsexual'nyi podkhod: ustoychivost' i izmenchivost' kak osnovaniya tselostnosti lichnosti. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 39–51. (In Russian)
3. *Gusel'tseva M.S.* Izuchenie identichnosti v kontekste sotsiokul'turnykh izmenenii. Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie. 2018. № 2. P. 9–27. (In Russian)
4. *Gusel'tseva M.S.* Ponyatie progressa i modeli razvitiya psikhologicheskoi nauki. Metodologiya i istoriya psikhologii. 2007. V. 2. № 3. P. 107–119. (In Russian)
5. *Gusel'tseva M.S.* Psikhologiya lichnosti i antropologicheskii diskurs: v poiskakh novykh podkhodov. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2022. V. 12. № 2. P. 132–149. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatii v psikhologii. Chast' I. Opyt sistematizatsii ponyatii. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 3. P. 5–15. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Analiz sovremennykh ponyatii v psikhologii. Chast' II. Razrabotka sovremennykh ponyatii uchenymi Instituta psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2021. V. 42. № 4. P. 5–15. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L., Sergienko E.A.* Sistemno-setevaya organizatsiya sovremennykh ponyatii psikhologii (na primere razrabotok sotrudnikov Instituta psikhologii RAN). Psikhologicheskii zhurnal. 2022. V. 43. № 3. P. 5–14. (In Russian)
9. *Inglkharth R.* Kul'turnaya evolyutsiya: kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir. Moscow: Mysl', 2018. (In Russian)
10. *Kategorii materialisticheskoi dialektiki v psikhologii.* Ed. L.I. Antsyferovoi. Moscow: Nauka, 1988. (In Russian)
11. *Moskvicheva N.L. et al.* Fenomen samodeterminatsii: psikhologicheskie istoki i sovremennoe ponimanie. Chast' 1. Novye psikhologicheskie issledovaniya. 2022. № 4. P. 90–116. (In Russian)
12. *Pavlov I.P.* O russkom ume. I.P. Pavlov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo I.P. Pavlova v otsenke sovremennikov i istorikov nauki (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): Antologiya. Sost. Yu.P. Golikov, K.A. Lange. Saint-Petersburg: Izd-vo Rus. khristian. gumanitar. in-ta, 1999. P. 130–147. (In Russian)
13. *Petrovskii A.V., Petrovskii V.A.* Kategorial'nyi stroi psikhologii segodnya. Razvitie lichnosti. 2014. P. 92–124. (In Russian)
14. *Petrovskii V.A.* Chelovek nad situatsiei. Moscow: Smysl, 2010. (In Russian)
15. *Platonov K.K.* O sisteme psihologii. Moscow: Mysl', 1972. (In Russian)
16. *Razrabotka ponyatij sovremennoi psihologii.* Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2018. (In Russian)
17. *Razrabotka ponyatii v sovremennoi psikhologii.* V. 2. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
18. *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii.* V. 3. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko, N.E. Kharlamenkova, G.A. Vilenskaya. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2021. (In Russian)
19. *Khoroshilov D.A.* Sotsiokul'turnye praktiki individualizatsii v novykh media. Simpozium Instituta psikhologii im. L.S. Vygotskogo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta "Metodologiya i praktika izucheniya smeshannoi real'nosti v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii" (Moskva—Novosibirsk, 16.11.2022). URL: <https://childresearch.ru/wp-content/uploads/2022/11/rus-programma-kongressa.pdf> (data obrashcheniya: 02.01.2023). (In Russian)

УДК 159.9:061.2/3

**ИТОГИ XII ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ “ПСИХОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
К ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ”,
ПОСВЯЩЕННОЙ 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В.Н. МЯСИЩЕВА
(11–13 ИЮЛЯ 2023 г.)**

© 2023 г. А. В. Зобков

*ФГБОУ ВО Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых;
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Россия.
Доктор психологических наук, доцент.*

Поступила 17.07.2023

Аннотация. Подведены итог XII Всероссийской научно-практической конференции “Психология отношения человека к жизнедеятельности: проблемы и перспективы” (11–13 июля 2023 г., г. Владимир), посвященной 130-летию со дня рождения В.Н. Мясищева. Освещены сообщения пленарного заседания, подготовленные В.А. Мазилковым “В.Н. Мясищев: малоизвестные грани таланта выдающегося ученого”, В.П. Позняковым “К вопросу об исследованиях А.Л. Журавлевым социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе”, В.А. Зобковым “Перспективные линии развития психологии отношения человека к жизнедеятельности”, И.Е. Задорожнюком “Феномен апории факта: подход с позиций психологии отношений”, А.В. Зобковым “Субъект сквозь призму психологии отношений”. Обозначен ряд пленарных сообщений других ученых. Работа конференции признана собравшимися продуктивной, значимой для решения современных практических и теоретических проблем психологии отношения человека к жизнедеятельности.

Ключевые слова: конференция, психология отношений, психологические отношения, В.Н. Мясищев, пленарные сообщения, ВлГУ, ИП РАН.

DOI: 10.31857/S020595920027092-7

Конференция состоялась 11–13 июля 2023 г. во Владимире на базе Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ). Организаторами конференции выступили кафедра психологии личности и специальной педагогики Гуманитарного института ВлГУ (заведующий кафедрой — кандидат психологических наук, доцент *О.В. Филатова*; доктор психологических наук, профессор *В.А. Зобков*) и Институт психологии РАН (академик РАН и РАО, доктор психологических наук, профессор *А.Л. Журавлев*; доктор психологических наук, профессор *В.П. Позняков*).

На открытии конференции (12 июля) с вступительным словом и приветствием участников конференции выступила проректор ВлГУ по воспитательной работе и молодежной политике *О.В. Ерашова*. Поздравительные слова в адрес конференции

были высказаны директором Гуманитарного института, профессором *Е.М. Петровичевой*.

С приветствием и поздравлением выступил профессор *В.А. Зобков*, предложивший 11 июля (день рождения В.Н. Мясищева) признать днем **психологических отношений** и внести в реестр отечественных праздников. Им также была дана краткая информация об участниках конференции: было принято к публикации 49 статей от 80 авторов и соавторов из девяти регионов РФ: Владимира, Иваново, Казани, Костромы, Красноярска, Москвы, С.-Петербурга, Читы, Ярославля.

По просьбе организатора конференции В.А. Зобкова первое пленарное заседание началось с чтения доклада *В.А. Мазилова* (Ярославль, ЯГПУ) “В.Н. Мясищев: малоизвестные грани таланта выдающегося ученого”. По объективным причинам профессор В.А. Мазилков не смог приехать на конференцию. В докладе было отмечено, что творчеству В.Н. Мясищева посвящена обширная

литература, включающая множество научных статей, монографии, защищенные диссертации. Тем не менее проведенные до настоящего времени исследования наследия выдающегося ученого не представляются исчерпывающими, поскольку обнаруживаются новые грани, проанализированные пока что недостаточно, но уже позволяющие уточнить устоявшиеся оценки, а возможно, и сделать новые выводы. В докладе прозвучало, что есть достаточно оснований считать В.Н. Мясищева историком психологии. Было сказано, что В.Н. Мясищевым опубликован ряд работ, посвященных историко-психологической проблематике. В.А. Мазиллов сообщает, что в архиве находятся до сих пор неопубликованные рукописи статей, посвященных анализу и оценке работ различных зарубежных авторов по вопросам личности (в архивах уже несколько десятилетий ждут публикации достаточно объемные и значимые работы В.Н. Мясищева, посвященные анализу творчества К. Левина, Ф. Кюнеля, Э. Йенша, В. Штерна, Л. Клягеса), что позволяет уверенно утверждать, что выдающийся психолог выступал еще и в качестве историка психологической науки. В докладе была дана оценка историко-психологического наследия В.Н. Мясищева и сказано, что историко-психологические труды В.Н. Мясищева не утратили своего значения и сегодня, поэтому заслуживают опубликования, поскольку представляются ценными и для психологии личности, и для истории психологии.

С большим вниманием был заслушан доклад профессора *В.П. Познякова* (ИП РАН) “К вопросу об исследованиях А.Л. Журавлевым социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе”, в котором обсуждался вклад Анатолия Лактионовича Журавлева в разработку социально-психологических проблем экономических преобразований в российском обществе, начало которых связано с проведением радикальных экономических реформ 1990-х годов. Докладчик отметил, что в период радикальных экономических и политических трансформаций российского общества А.Л. Журавлев одним из первых в психологической науке обратился к анализу динамики социально-психологических явлений в изменяющихся социально-экономических условиях. В частности, он (А.Л. Журавлев) сформулировал теоретическое положение о так называемом зональном характере взаимодействия социально-психологических и организационно-экономических факторов. Результаты теоретико-эмпирических исследований, выполненных под руководством А.Л. Журавлева в период радикальных экономических реформ 1990-х годов, по-прежнему являются актуальными и востребованными.

В докладе также было сказано, что А.Л. Журавлев был ответственным редактором ряда сборников научно-практических конференций по проблеме психологических отношений, которые проводились в г. Владимире. В 2023 г. — 12-я конференция. Было отмечено, что сотрудники ИП РАН, в том числе А.Л. Журавлев, принимали активное участие в работе всех конференций.

Особое внимание привлек доклад *В.А. Зобкова* (Владимир, ВлГУ). В докладе прозвучало, что перспективным и целесообразным представляется формирование нового комплексного научного направления в общей, возрастной и педагогической психологии, которое можно обозначить “**психология отношения человека к жизнедеятельности**”, понимаемого как триединство отношения человека к себе, деятельности, другим людям. Было сказано, что каждый компонент триединства занимает в определенных периоды возрастного развития доминирующую позицию (0–6–7 лет; 6–7 лет — 21–22 года; 21–22–60–65 лет), которые следует рассматривать как возрастные этапы развития отношений человека, влияющие на процесс и итог его жизнедеятельности. Каждый этап возрастного развития отношения человека к жизнедеятельности определяется своеобразием уровня развития специфических для данного этапа содержательно-динамических характеристик. В.А. Зобков также выделил несколько перспективных направлений психологических исследований отношения человека к жизнедеятельности. Во-первых, триединство отношения человека к жизнедеятельности может не только объяснять то, почему остаются незамеченными постепенно накапливающиеся изменения в триединстве, ведущие к гармонии или дисгармонии индивида, личности, субъекта, но и должно предложить психолого-педагогические технологии повышения эффективности и надежности человека в различных ситуациях объективной действительности. В связи с этим пристального изучения требуют содержательно-динамические характеристики, обуславливающие развитие и функционирование триединства отношений на различных этапах возрастного развития человека. Во-вторых, особое значение приобретают исследования влияния эмоций на становление и проявление отношений к жизнедеятельности. До сих пор эффекты эмоциональных переживаний изучались преимущественно в рамках психических состояний, тогда как влияние эмоций на развитие триединства отношений остается мало изученным. В-третьих, мы недостаточно понимаем влияние объективной действительности на развитие содержательно-динамических характеристик триединства отношений человека к жизнедеятельности, приемлемость тех или

иных способов предупреждения отклонений от нормативного развития. В-четвертых, требуют дальнейшего изучения психологические закономерности триединства отношения человека к жизнедеятельности, обуславливающие коллективное взаимодействие в малых и больших социальных группах, объединенных на основании ценностей, смыслов. Наконец для психодиагностики триединства отношений требуется разработка и апробация диагностических технологий, включая лабораторные методы.

Доклад профессора *И.Е. Задорожнюка* (Москва) “Феномен апории факта: подход с позиций психологии отношений” включал анализ апории факта и построен с привлечением инструментария психологии отношений на материале рассказа Н. Лескова “Человек на часах”. Применен метод выявления трех уровней рецепции факта: идеологический, предметный и операциональный в зависимости от выстраиваемой психологии отношений между 11 персонажами рассказа. В силу присущих личностно окрашенных мотивов они оперируют фактами так, что допускают полную их аннигиляцию.

С вниманием был заслушан доклад *А.В. Зобкова* “Субъект сквозь призму психологии отношений”. Докладчик отметил, что отношения вскрываются через сложные связи между известными компонентами самосознания, представленными семантическими единицами: “хочу”, “могу”, “надо”, “должен”, единство которых и определяет объяснительную концепцию отношения человека к чему-либо, управляют нашим поведением. Обращение к категории субъекта — это попытка объяснить целенаправленную, осознанную активность “внутренними условиями” (С.Л. Рубинштейн), наше поведение, продуцируемое сознанием, основанное на тех же отношениях к себе, к другим, к среде и ее наполнению, к прошлому, настоящему и выстраиваемому будущему. Субъект в этом смысле есть человек, способный к саморегуляции, которая, в свою очередь, и есть активность человека под влиянием отношения и в диалектическом единстве с ним. Как пример, была ссылка на популярное ныне понятие прокрастинации, которая рассматривается в основном как нарушение саморегуляции, но имеет более сложную структуру, приближающую ее к психологическим защитам, а уже потом к нарушению саморегуляции. Было сказано, что проведенные автором

доклада пилотажные исследования показывают, что прокрастинация для 30% взрослых испытуемых выступает в качестве защиты собственной субъектности. Понятие “субъектность” здесь используется как уровень, обозначающий осознанную активность, продуцируемую мотивационно-потребностной сферой личности, в том числе с учетом неосознаваемого ее компонента. Когда она, мотивационно-потребностная сфера, встречается с морально-нравственным и интеллектуальным компонентами в совокупности с объективными условиями реализации деятельности, то появляется прокрастинация как защита своего “хочу”/“не хочу” от “надо”/“не надо”, от “должен”/“не должен”, как своего “могу” от того же самого и пр. В первую очередь на действие такой защиты указывает полученная значимая прямая взаимосвязь прокрастинации и рефлексивности, при высоких показателях осознанности у прокрастинирующих представителей группы людей, которые, собственно, эту корреляцию и обеспечивают.

С интересом были выслушаны доклады: *А.В. Морозова* (Москва) “Трансформация отношений субъектов образовательного процесса в условиях цифровизации”, *Е.Е. Блиновой* (Херсон, Владимир) “Городская идентичность как фактор социально-психологической адаптации студентов из сельской местности”, *Т.В. Шахворостовой* (Владимир) “Психология отношения к себе дошкольника”, *С.Е. Поддубного* (Москва) “Личностные особенности молодых людей, состоящих в близких отношениях разного статуса”.

На секционных заседаниях конференции, состоявшихся 13 июля, были представлены результаты теоретических и эмпирических исследований отношения человека к жизнедеятельности ученых, психологов-практиков из разных уголков РФ, что, как отметили участники конференции, способствует развитию теоретико-методологических и эмпирических исследований психологии отношения человека к жизнедеятельности.

По итогам работы конференции подготовлен сборник научных трудов.

Конференция получила широкий общественный резонанс, содействуя формированию благоприятного имиджа психологической профессии в общественном сознании.

**RESULTS OF THE XII ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE “PSYCHOLOGY OF HUMAN ATTITUDE
TO LIFE: PROBLEMS AND PROSPECTS”, DEDICATED
TO THE 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF V.N. MYASISHCHEV
(JULY 11–13, 2023)**

A. V. Zobkov

*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
600000, Vladimir, Gorkogo str., 87, Russia.
Doctor of Psychological science, Associate Professor.*

Received 17.07.2023

Abstract. The results of the XII All-Russian scientific and practical conference “Psychology of the relationship of a person to life: problems and prospects” (July 11–13, 2023, Vladimir), dedicated to the 130th anniversary of the birth of V.N. Myasishchev. The reports of the plenary session prepared by V.A. Mazilov “V.N. Myasishchev: little-known facets of the talent of an outstanding scientist, V.P. Poznyakov “On the research of A.L. Zhuravlev of socio-psychological problems of economic transformations in Russian society”, V.A. Zobkov “Perspective lines of development of the psychology of the relationship of man to life”, I.E. Zadorozhnyuk “The phenomenon of the aporia of fact: an approach from the standpoint of the psychology of relations”, A.V. Zobkov “The subject through the prism of the psychology of relations”. A number of plenary reports by other scientists are indicated. The work of the conference was recognized by the participants as productive, significant for solving modern practical and theoretical problems of the psychology of a person’s attitude to life.

Keywords: conference, psychology of relations, psychological relations, V.N. Myasishchev, plenary presentations, VIGU, IP RAS.